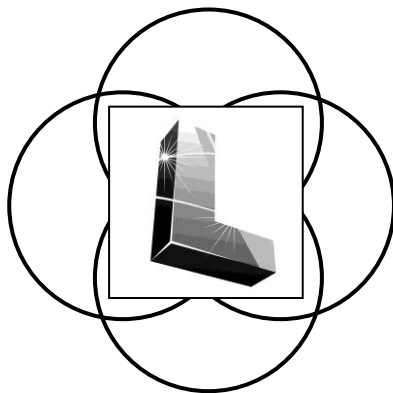

Ф.Я. Вейсялли

**ЭЛЕМЕНТЫ
ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

I часть

Studia Philologica. V

*(Печатается решением Ученого Совета АУЯ от 24 октября 2011 г.
в качестве учебного пособия для филологических факультетов: пр. № 09)*

Баку – 2011

Посвящается светлой памяти моих учителей

Редактор: **К. М. Абдуллаев**

Член-корреспондент НАНА, заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты: **А. А. Гасанов**

доктор филологических наук, профессор

А. Я. Мамедов

доктор филологических наук, профессор

Ф.Я.Вейсялли. Элементы общей и частной лингвистики. I часть. – Баку: Мутарджим, 2011. – 360 стр.

Книга «Элементы общей и частной лингвистики» состоит из двух частей. В первой части изложены общие вопросы появления, сущности и природы человеческого языка. В ней анализируются концепции различных школ и направлений, излагаются методы лингвистического анализа. В каждом из этих вопросов автор придерживается основных идей Санкт-Петербургской школы, дается подробный критический анализ концепций других школ. Затем освещаются аспекты изучения языка, в особенности его фонетическая структура и фонологическая система. Мы придерживаемся не классической дихотомической теории, а тернарной теории, где система, норма и речь выделяются как особые уровни структуры языка. В ней особо подробно описывается проблема дифференциальных признаков. Совершенно новой представляется глава о типологической классификации фонологических оппозиций. Затем анализу подвергаются фонемы в потоке речи, где особо анализируются такие супraseгментные явления как ударение, просодика и интонация. Она содержит далее две главы, где излагаются наблюдения автора в области морфемики и лексематики.

Во второй части излагаются вопросы современной синтагматики, синтаксической семантики, прагматики, пресуппозиции и проблемы лингвистики текста и дискурса. В конце второй части прилагаются главы об искусственных языках и лексикографии.

Автор выражает уверенность в том, что читатели в этой книге найдут новые и оригинальные решения, которые автор предлагает вниманию тех, кто интересуется проблемами общей и частной лингвистики.

Автор заранее благодарит за возможные критические высказывания читателей и с нетерпением ждет от них пожеланий и замечаний.

Книга предназначена для студентов-бакалавров, магистров и докторантов, а также для тех, кто интересуется проблемами современной лингвистики.

ISBN: 978-9952-28-075-3

© Ф.Я.Вейсялли, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ. О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЯЗЫКА	
Фидеистическое объяснение возникновения языка и эксперименты о его сути.	14
Греческое толкование возникновения языка.	15
Картезианская лингвистика и грамматика Пор-Рояля.	18
Н.Хомский и Ж. Пиаже о языке.	21
Литература	21
Вопросы по вводной главе	22
ГЛАВА I. СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА ¹	
1.1. Сущность языка	23
1.2. Традиции изучения языка	24
1.3. Лексикографическая традиция Махмуда аль Кашгари.	29
1.4. Языкознание в средневековье	30
1.5. Лингвофилософские идеи В.фон Гумбольдта.	31
1.6. Младogramматическое языкознание.	33
1.7. Появление структурализма: И.А.Бодуэн де Куртенэ и Ф.де Соссюр.	34
1.8. Основные положения структурализм.	35
1.9. Литература и замечания.	42
1.10. Вопросы по первой главе.	44
ГЛАВА II. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
2.1. Субъективный и объективный методы.	45
2.2. Три аспекта изучения языка.	46
2.3. О системности языка.	51
2.4. Знаковая природа языка и свойства языкового знака.	55
2.5. Прикладные задачи лингвистики.	58
2.6. Литература и замечания.	60
2.7. Вопросы по второй главе.	60
ГЛАВА III. СВЯЗЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С ДРУГИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ	
3.1. Связь языкознания с философией.	62
3.2. Языкознание и другие гуманитарные науки.	66

3.3. Языкознание и семиотика.....	70
3.4. Языкознание, педагогика и физиология.....	72
3.5. Языкознание и логика.....	74
3.6. Языкознание, физика и математика.....	79
3.7. Энтропия и избыточность в языке.....	81
3.8. Литература и замечания.....	84
3.9. Вопросы по третьей главе.....	85
ГЛАВА IV. МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	
4.1. Сравнительно-исторический метод.....	87
4.2. Структурный и типологический методы.....	89
4.3. Этапы развития сравнительно-типологического метода.....	92
4.4. Литература и замечания.....	93
4.5. Вопросы по четвертой главе.....	93
ГЛАВА V. СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ	
5.1. Пражская лингвистическая школа (ПЛШ).....	95
5.2. Характеристика ПЛШ.....	96
5.3. Актуальное членение предложения.....	98
5.4. Датская глоссематика.....	99
5.5. Американский дескриптивизм.....	102
5.6. Неогумбольдтианство или неоромантизм.....	104
5.7. Московская и Петербургская школы.....	107
5.8. Щербовская школа об аллофонах и членении речевого потока.....	111
5.9. Литература и замечания.....	118
5.10. Вопросы по пятой главе.....	120
ГЛАВА VI. ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ	
6.1. Фонетика и фонология – два аспекта одной науки.....	121
6.2. Физиологический и акустический аспекты изучения звуковой стороны языка.....	124
6.3. О дифференциальных признаках и их статусе.....	143
6.4. Перцептивный и функциональный аспекты.....	153
6.5. Теория о системе фонем.....	159
6.6. Фонологические корреляции.....	163
6.7. Литература и замечания.....	168
6.8. Вопросы по шестой главе.....	169

ГЛАВА VII. АЛЛОФОНИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ФОНЕМ ЯЗЫКА

7.1. Комбинаторика фонем.	171
7.2. Типы сочетаний и аллофонов.	177
7.3. Фонема, аллофонема и звук.	180
7.4. Орфофония.	182
7.5. Об опознавательной функции фонемы.	184
7.6. Литература и замечания.	185
7.7. Вопросы по седьмой главе.	186

ГЛАВА VIII. ЧЕРЕДОВАНИЕ ИЛИ АЛЬТЕРНАЦИЯ ФОНЕМ

8.1. Позиционные и комбинаторные чередования.	187
8.2. Умлаут как особый тип чередования.	189
8.3. Аблаут и брехунг.	190
8.4. Литература и замечания.	192
8.5. Вопросы по восьмой главе.	192

ГЛАВА IX. МАНИФЕСТАЦИЯ ФОНЕМ В ПОТОКЕ РЕЧИ

9.1. Слог как фонетическая единица.	193
9.2. Основные теории слога.	194
9.3. Структурная теория слога.	197
9.4. Модели слогов.	199
9.5. Литература и замечания.	201
9.6. Вопросы по девятой главе.	202

ГЛАВА X. РОЛЬ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В МАНИФЕСТАЦИИ ФОНЕМ ЯЗЫКА

10.1. Суперсегментные единицы языка.	203
10.2. Проблема ударения у американцев.	206
10.3. Природа и функции ударения.	209
10.4. Типы и свобода ударения.	211
10.5. Литература и замечания.	216
10.6. Вопросы по десятой главе.	217

ГЛАВА XI. ПРОСОДИКА И ИНТОНАЦИЯ⁺

11.1. Дефиниция просодики.	218
11.2. О фразовом ударении.	222
11.3. Сингармония и просодема.	224
11.4. Интонация и система интонационных единиц.	225

11.5. Интонация и ее отношение к синтаксису и фонологии.	227
11.6. Проблема интонации в зарубежной лингвистике.....	234
11.7. Интонационные контуры и возможности ее членения.	236
11.8. Литература и замечания.....	246
11.9. Вопросы по одиннадцатой главе.....	251
ГЛАВА XII. МОРФЕМИКА+	
12.1. О взаимосвязи морфемы и фонемы.	253
12.2. Сегментация и идентификация морфем.	257
12.3. Структурные типы морфем.	265
12.4. Классификация морфем.	265
12.5. Нулевая и оперативные морфемы.....	270
12.6. Аналитические и синтетические морфемы.	274
12.7. Литература и замечания.....	276
12.8. Вопросы по двенадцатой главе.	278
ГЛАВА XIII. ЭКСПОНЕНТНОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЯ МОРФЕМ	
13.1. Общие замечания.....	280
13.2. Морфонология.	285
13.3. О семантике морфем.	289
13.4. Анализ аффиксальных морфем языка.	290
13.5. Литература и замечания.....	298
13.6. Вопросы по тринадцатой главе.....	299
ГЛАВА XIV. ЛЕКСЕМАТИКА	
14.1. Общие замечания.....	301
14.2. Части речи.	306
14.3. Системность на уровне лексем.....	310
14.4. Критерии группировки лексем.....	317
14.5. Изменения значений слов.	321
14.6. Гнездо или семья слов.....	323
14.7. Литература и замечания.....	326
14.8. Вопросы по четырнадцатой главе.....	327
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	329
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	338

ОТ АВТОРА

Некоторые друзья и коллеги при каждой встрече со мной упрекали меня в том, почему я не пишу книги на русском языке. Ведь у нас в Азербайджане мало людей, которые интенсивно читают на азербайджанском языке, тем более книги по языкознанию, – подчеркивали они. Основной поток информации к нам, по их мнению, идет из России и на русском языке. Конечно, здесь доля правды есть. Однако, как говорится, каждый мерит своим аршином. Лично я и многие из моих друзей ежедневно получают основные информации из источников на других языках через различные каналы связи. Но для известного круга людей у нас в Республике русский язык является единственно возможным средством получения информации.

В ответ на эти упреки я отвечал, что в последние годы я выпустил несколько солидных по содержанию книг, которые сегодня трудно найти на книжном рынке нашей Республики: книга по введению в германскую лингвистику (I и II издания), 4 тома по основам структурной лингвистики, книжка по дискурсивному анализу, фундаментальная 2-х томная лингвистическая энциклопедия, а также отдельная книга по языку, и наконец, «Избранные труды» по теоретическим проблемам современного языкознания. Все это вышло в свет на азербайджанском языке, правда, небольшим тиражом, но все-таки они были же, но теперь их трудно найти.

Не скрою, что отношение у нас к книге и вообще к науке меня не удовлетворяет. В маленьком городе Осло я видел два больших магазина-букиниста в центре города. Правда, там я не видел много покупателей. Когда я интересовался, как магазин содержит себя, услышал в ответ, который удивил меня: мы освобождены от налога, кроме этого за аренду и электричество платит государство, книга – совесть нации, поэтому государ-

ство должно субсидировать книжную торговлю в стране. Вот это есть настоящая забота о подрастающем поколении нации.

Каждый раз, удаляясь от тех, кто настаивал на том, чтобы я писал книгу по языкознанию на русском языке, думал о том, что, может быть, эти люди меня проверяют, смогу ли осуществить их пожелания. Однако, проанализировав все это, я думал, что мои оппоненты лукавят. Ведь не может быть так, чтобы они не знали, что я автор множества трудов, написанных и опубликованных мною на русском языке. Никому не секрет, что я и кандидатскую, и докторскую диссертации писал и защищал в Ленинграде (С.-Петербург) на русском языке. Так что, этот довод был с самого начала не убедительным. Оставалась в силе первая версия, что если я напишу на русском языке, смогу получить большую популярность.

И вот в дни Новруза я поехал в С.-Петербург после 20-летнего пребывания в этом городе в последний раз. Я был приятно удивлен тем, как бережно относятся в этом городе к книге. Вся классика, русская и зарубежная, а также самая свежая продукция по современной лингвистике, представлена вниманию читателей по доступной цене. Это есть подлинное уважение к лингвистическому наследию и науке в целом. У нас же об этом можно только мечтать.

После этих двух событий я понял, куда клонят мои коллеги, когда они настаивают, чтобы я писал на русском языке.

Взвесив все за и против, я взялся за выполнение общественного заказа. Я был убежден, что смогу выполнить сверхсложную задачу. Мой многолетний преподавательский опыт в различных аудиториях, открытые дискуссии с известными учеными мира по самым острым проблемам современного языкознания, в особенности мои экспериментальные исследования, которые я проводил в связи с изучением языка, создают самые благоприятные условия для написания этой книги.

Настоящая книга задумана как двухтомная. Первый том содержит главы об общих вопросах современного языкознания,

о его предмете и объекте, о связи его с другими науками, о фонемике, морфемике, лексематике, а также о суперсегментных явлениях. Второй том книги содержит главы о синтаксисе, семантике, прагматике, пресуппозиции, о дискурсе, о лингвистике текста и об искусственных языках.

Для успешного пользования этой книгой настоятельно рекомендуется двухтомная лингвистическая энциклопедия, вышедшая соответственно в 2006 (I том) и в 2008 (II том) гг. Энциклопедия является настоящим ключом для работы с этой книгой.

Вторым моментом, облегчающим работу с этой книгой, является то, что в ней все примеры даются по Международному Фонетическому Алфавиту (МФА), чтобы она была доступной для всех. В ней приводится множество примеров, преимущественно из азербайджанского языка, тем самым автор выражает уважение к интересам азербайджанской аудитории. Многие вопросы в этой книге ставятся и излагаются с новой научной точки зрения, этим она во многом отличается от существующих ныне трудов по общей лингвистике.

Ниже приводятся транскрипционные знаки, используемые в этой книге.

Автор приносит искреннюю благодарность проф. А.А.Гасанову и канд. филол. Наук. Дж.М. Бабаеву чьи замечания и советы были чрезвычайно полезны в процессе работы над книгой.

Баку – Лондон – Осло – Лондон – Баку
fveysalov@gmail.com
fveysalov@hotmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Согласные

фонемы	примеры
/p/	pen, spin, tip
/b/	but, web
/t/	two, sting, bet
/d/	do, odd
/tʃ/	chair, nature, teach
/dʒ/	gin, joy, edge
/k/	cat, kill, skin, queen, unique, thick
/g/	go, get, beg
/f/	fool, enough, leaf, off, photo
/v/	voice, have, of
/θ/	thing, teeth
/ð/	this, breathe, father
/s/	see, city, pass
/z/	zoo, rose

/ʃ/	she, sure, session, emotion, leash
/z/	pleasure, beige, seizure
/x/	loch (Scottish)
/h/	ham
/m/	man, ham
/n/	no, tin
/ŋ/	ringer, sing, finger, drink
/l/	left, bell
/r/	run, very
/w/	we, queen
/j/	yes
/hw/	what
(ʔ)	uh-(ʔ)oh

/ ɣ / азерб. /daɣ/ (гора), /baɣa/ (саду)

/h/ азерб. /həl/ (иди), /bölhə/ (регион)

/pf/ нем. /pfe:rt/ (лошадь), /ˈʌpfəl/ (яблоко)

/ts/ нем. /ˈtʃimər/ (комната) и рус. /tʃirk/ (цирк)

/r/ нем, увулярный согл.: /ra:t/ (совет)

/tʃ/ /dʒʊtʃ/ (немецкий, немец)

Гласные

/y:/	нем /zy:dən/ (юг)
/y/	нем /dyn/ (тонкий), азерб /düz/ (прямой)
/ə/	азерб. /ət/ (мясо). англ. /ti:tʃə/ (учитель)
/e/	азерб. /el/ (народ)
/_Λ_/	англ. /bʌt/(но); рус. (первый предуд., зауд., нач. и кон. безуд.гл.):/bʌrʌn/, /ʃkɔlʌ/
/_Ь_/	рус. /gʲvʌrit/
/u:/	boot, food
/ʊ/	put, good
/ɔ:/	sauce, saws
/æ/	cat, bad
/ɑ:/	cast, hard
/ɒ/	not, shot
/ɪ/	bit, bid
/i:/	deat, bead
/ɛ/ /e:/	bet, bed. нем. /be:t/ (койка)
/eɪ/	mate, made
/aɪ/	bright, bride, нем. /aɪ/ (яйцо)
/aʊ/	bout, bawed, нем. /haʊs/ (дом)
/ɔɪ/	voice, noise, нем. /nɔʊn/(девять)
/oʊ/	wrote, road
/iə/	fierce, fears

/ɛə/	searce
/uə/	influence, sure
/ɪ/	азерб. /qɪz/ (девочка), рус. /bɪl/ (был)

/ˆ/ - словесное ударение

/ˆ^/ - синтагматическое ударение

/ˆˆˆ/ - фразовое ударение

/ - // - начало предложения и синтагматическая пауза

/ - /// - конец повествовательного предложения

/i-?/ - начало и конец вопросительного предложения

/ ˘ / - знак мягкости

/ ˘ / - знак назализованности

/ > / - знак сильного приступа

/ → / - знак чередования

/ ° / - знак огубленности

/ ˘ / - знак проклитики и энклитики

ВВЕДЕНИЕ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЯЗЫКА

Фидеистическое объяснение возникновения языка и эксперименты о его сути. Со дня возникновения науки о языке в центре ее интересов было стремление к тому, чтобы выяснить, что такое язык? На этот вопрос можно сегодня найти разные ответы. Один из них сводится к тому, чтобы выяснить, как возник, собственно говоря, язык? На этот счет можно выделить несколько направлений. Одно из них связано с фидеистическим объяснением, которое изложено в Библии. Там говорится: «И образовал Господь Бог из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их. И как назовет человек всякое живое существо, так и имя его» (Книга Бытия, 2:19). Приведем еще один отрывок из Библии: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, люди нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот один народ, и у всех один язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать.

Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город.

Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Книга бытия, 11, 1-9).

Вот, собственно говоря, постулат о возникновении языка, опирающийся на веру.

По индийским источникам, язык пришел от Сарасвати, жены Брахма, создателя всего универсального на земле. По другим рассказам, ребенок, оказавшись наедине, не услышав ни одного языка, начал говорить спонтанно на оригинальном языке, данным Богом.

Фараон Египта Псаломей 2500 лет тому назад провел эксперимент, суть которого состояла в следующем: он распорядился отдать двух новорожденных детей пастуху, которые должны были полностью изолированы от внешнего мира. Через два года они начали спонтанно произносить слово «bekos». Знатоки объяснили это сначала так, будто это было финикийское слово, которое означало «хлеб». Исходя из этого, фараон заключил, что первым языком на свете был фригийский. Однако скоро выяснилось, что это был козлиный крик «be». В дальнейшем эксперименты по установлению первичности того или иного языка были проведены много раз. Так, например, шотландский король Джеймс IV тоже проводил эксперимент 1500 лет тому назад и пришел к выводу, что дети, привлеченные к анализу, начали говорить на эфиопском языке (Hebrew). Все эти эксперименты никак не согласуются с фидеистическим началом появления языка. Дети, изолированные от общества, не разговаривают ни на каком языке.

Греческое толкование возникновения языка. Идея о возникновении языка последовательно обсуждалась греческими философами.

Спор между натуралистами и конвенционалистами сводился к выяснению того, связаны ли имена с самими «вещами», т.е. есть ли органическая связь между знаком и обозначаемым или же имена есть результат простого соглашения между людьми.

ми. Согласно натуралистам, имена (слова) - суть произвольные знаки и никак не связаны с обозначаемым. Платон (428-348) известный свой диалог в книге «Кратил» посвящает этому спору. Кратил защищает натуралистское начало, т. е. считает, что в словах отражается «естественное сходство» между формой слова и изображаемой им вещью. Спорящий с ним Гермоген же, напротив, утверждает, какое имя кто кому установил, такое и будет правильным. Позже появляется Сократ (470-399) и поддерживает натуралистскую позицию, сравнивая язык с орудием, с инструментом и приводит в качестве примера челнока. Он говорит, что ткач будет хорошо пользоваться челноком, а учитель словом.¹ Инструмент должен отражать природу материала, т.е. слова отражают природу обозначаемых ими предметов. Природа воплощает в звуках и словах имя, назначенное от природы.

Эта мысль хорошо согласуется с теорией о подражательных словах. Их называют **ономатопеями**. Они представляют естественную связь со словами и с обозначаемыми ими предметами. Однако в языке много абстрактных и др. слов, которые не напоминают обозначаемые ими предметы. Сюда относятся также иностранное происхождение разбираемых слов и изменения слов в процессе их употребления. Именно эти доводы послужили основанием для критики «естественности» слова, выдвинутой Сократом. По мнению Платона, «естественность» есть результат огромных усилий лучших умов, направленных на поиски соответствий между лингвистическим инструментарием и обозначаемыми объектами. Выходит, что имена – это знаки знаков.

А Аристотель (384-322) твердо стоял на позиции конвенционалистов, считая, что «язык – результат соглашения, так как имена не возникают из природы вещей». Даже ономатопея не опровергает этого утверждения, так как они звучат по-разному в разных языках, выступая пленниками соответствующих данному языку фонетических особенностей.²

Контраверсия натуралистов и конвенционалистов продолжается по сей день, однако она достигла апогея во времена эпохи Реформации. В XVII-XVIII вв. на это сильно повлияли реформаторы, когда ученые повсеместно обращались к Библии. По мнению многих сторонников божественного происхождения языка, бог создал Адама, который предстает в образе бога, который знал природы всех существ, наделяя их именами в соответствии с их сутью, формой и содержанием. Он понимает язык природы, раскрывающийся во всей полноте в произнесенном слове. В имени каждого существа заложена его сущность.

Исходя из этого постулата, ученые искали праязык. Праязыком называли язык Адама, а иногда иврит, язык Библии. Даже искали элементы праязыка в отдельных диалектах, даже тот язык, который был наиболее близок к первоначальному языку, данному богом. Однако рационалистическая философия Р. Декарта (1596-1650) и его сторонников нанесла идее о праязыке смертельный удар.

Теория подражательных слов считается натуральным источником образования языка. Начало языка базируется на натуральных источниках. Мы выше видели это в споре греческих философов. Но здесь несколько подробнее рассмотрим эту концепцию, так как она является наиболее распространенной на сегодняшний день. Первое примитивное слово есть имитация услышанного от природы звучания, будто люди подражали услышанному и образовали отдельные слова. Эту теорию принято называть bow-wow теорией и в качестве примера приводилась ономотопея. Однако эта теория не состоятельна прежде всего потому, что эти слова по-разному выражаются в разных языках. Ср.: по-азербайджански /Quqquluqu/, по-немецки /Kuckuck/, а по-русски -/Кукушка/. Это свидетельствует о том, что подражания выражаются не одинаково в разных языках. Вместе с тем при эмоциональном состоянии человек независимо от национальной принадлежности выражает свои восклицания, одинаковые для многих языков: /ах/, /ох/, /уф/ и т.д. Даже

приматы в виде обезьяны и других животных тоже издают звуковые сигналы, крики, но они никогда не развиваются и не способны говорить членораздельные звуки и их сочетания, являющиеся их реакцией на природу и ее сигналы. Звуки речи как источники человеческого языка начали формироваться у людей 60 тысяч лет тому назад, когда у наших предков появился речевой тракт, способный воспроизвести акустически разные звуки. 35 тысяч лет шла эволюция становления человеческого тракта. Таким образом, человек постепенно отошел от приматов и приобрел способность выговаривать речевые высказывания.

Картезианская лингвистика и грамматика Пор-Рояля.

Р.Декарт, известный представитель картезианской лингвистики, прямо заявлял, что в основе нашего мышления лежат врожденные представления. Люди, у которых хорошо развито мышление, могут правильно манипулировать своими мыслями, даже если они раньше никогда не занимались риторикой.³

Картезианцы, к которым относились такие известные философы как Р.Декарт, Дж. Локк (1632-1704), Хьюм (1711-1776) и др., полагали, что язык является врожденным. Эмбрионы человека реагируют на все происходящее вокруг матери. Однако источники непосредственно не указываются, но легко можно понять, что речь идет о Боге. Рационалисты совершили, можно сказать, революцию, отвергая теорию Божественного происхождения языка, хотя здесь в скрытом виде имеется в виду Бог. Но это не вложение в мозг человека в готовом виде. В мозгу человека заранее заложены логические и математические предпосылки, которые лежат в основе умственного развития. Самые глубинные и фундаментальные мысли способны выражаться на этом языке.

Ученые в разных странах начали разрабатывать философские языки (Мерсин во Франции, епископ Дж. Уилкинс (1614-1672) в Англии, Г.Лейбниц (1646-1716) в Германии и т.д.).⁴

Эти идеи оказали непосредственное влияние на работу в Академии Пор-Рояля, где и возникла первая рационалистичес-

кая грамматика (1660). Крупнейший лингвист современности Н.Хомский (1928) подхватил идею врожденности языка у картезианцев, который опирался на Р.Декарта при описании грамматических структур языка, выделяя глубинную и поверхностную структуры предложения.⁵

Дж.Локк своим трудом «Опыт о человеческом разуме» внес ясность в сложную проблему взаимосвязи между словами и обозначаемыми ими денотатами. Он недвусмысленно заявлял, что слова являются символами идей. Между словами и идеями нет специфических связей, слова произвольно выбраны для обозначения идей. Противоположное он считал не верным, ибо тогда был бы во всем мире один язык. Слова используются для выражения идей, а идеи есть непосредственное наполнение этих слов. Дж. Локк сравнивает человеческий язык с языком животных и приходит к выводу, что последние не способны к абстракции и созданию общих идей, так как они не используют слова и иные обобщающие знаки. Эти мысли показывают, что Дж.Локк впервые внес в лингвистический обиход термин знака.

Это положение дало толчок развитию современной философии языка. Ученые постепенно отошли от поиска праязыка и начали исследовать конкретные языки. Исходя из анализа конкретных языков, как это характерно для структуралистов блумфильдовской эпохи, они свели поиск универсалий до минимума, занимаясь установлением частных категорий и классов для конкретных языков. «Единственно справедливыми обобщениями, касающимися языка,- писал Л.Блумфильд (1887-1949), - являются выводы конкретного языкового анализа».⁶

Немецкий философ Г.Лейбниц выступал против идей Дж.Локка, считая, что между словами и обозначаемыми есть естественная связь, она сохраняется в движениях артикуляторных органов. Говоря другими словами, Г. Лейбниц вплотную подошел к знаковой природе языка и к двусторонности знака. Он старался найти «философский язык», который мог бы опираться на математическую символику и логику.

Французский лингвист Кандильяк (1715-1780) тоже много занимался проблемами языка. Он выделял три типа знаков: случайные знаки, возникающие стихийно; «естественные» знаки, которые выражают радость, страх, боль и т.д.; произвольные знаки, связанные с идеями конвенционально. Уже этот поверхностный анализ возникновения языка показывает, что идея, высказанная еще в начале лингвистики о произвольности и конвенциональности языка, в той или иной мере повторялась впоследствии. Правда, пока окончательно не сформировалась концепция о знаковости языка, выдвинутая Ф.де Соссюром (1865-1913) в начале прошлого века.

Большим шагом вперед можно считать поиски ученых по анализу механизма речеобразования. Именно благодаря таким исследованиям стало возможным говорить о речевом аппарате, который вовсе отсутствует у приматов. Весь артикуляторный аппарат, куда входят губы, язык, небная занавеска, гортань с двумя эластичными связками, не имеют аналога у животных. Правда, у них все выше перечисленные органы имеются. Однако они, в особенности голосовые связки, не так развиты как у человека. У новорожденного ребенка мозг маленький и гортань выше, чем дыхательный путь. Но у ребенка в кратчайший срок мозг развивается, гортань опускается вниз, он начинает говорить так же, как он ходит и бежит и т.д. Потому и сигналы, изданные животными, монотонны, они не представляют собою последовательности периодических и непериодических колебаний голосовых связок. Функция глотки и гортани у человека тоже совсем иная, чем у животных. Животные не могут пользоваться речеобразовательной функцией гортани, как это делают люди. Кроме этого, у человека большой функциональностью характеризуется мозг, который состоит из двух полушарий: они контролируют моторное движение при образовании речи. Левое полушарие, над работой которого вел наблюдение французский физиолог Р.Брока (1824-1880), отвечает за использование языка в речи. Он дал ему свое имя. А правое полушарие,

которое изучал немецкий врач Х.Вернике (1848-1905), назвавший его своим именем, отвечает за семантическую правильность речи, т.е. за соответствие сказанного реальному миру. Таким образом, были определены моторная и сенсорная афазии. Наш мозг контролирует не только артикуляцию отдельных звуков, но и их сочетания на уровне слов и предложений. В азербайджанском предложении /alma jəmә''lidir// говорящий произносит звуки не отдельно, а в последовательности, связывая все звуки в нем друг с другом. Животные же на это не способны. Они не способны так же воспроизвести какое-либо сочетание слов, описывающих события из прошлого.

Н.Хомский и Ж. Пиаже о языке. Мировая лингвистика признает на сегодняшний день две господствующие мысли. Они последовательно защищаются двумя известными лингвистами. Одна из них, как уже говорилось об этом, восходит к Н.Хомскому (1928), другая принадлежит швейцарскому ученому Ж.Пиаже (1896-1980). Согласно Ж.Пиаже, язык не является врожденной компетенцией, он скорее всего есть результат когнитивной деятельности человека. К этому выводу он пришел в результате многочисленных исследований в области детского языка.

Н.Хомский же считает, что ребенок имеет специфическую врожденную компетенцию, которая развивается с возрастом ребенка, что приводит к манифестации языка. Другими словами, ребенок научится говорить аналогично тому, как он научится бегать, шагать и т.д.⁷

Литература

¹ Platon. Kratylos. Sämtliche Werke. Band 3. Rowohlts Enzyklopädie. 2004, s. 21

² Robins R. A Short History of Linguistics. L., 1967

³ Decartes R. The Philosophical Works by Decartes. Cambridge, 1967

⁴ Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: «Молодая гвардия», 1995, стр. 10

⁵ Chomsky N. Kartesianische Linguistik. Ein Kapitel in der Geschichte des Rationalismus, Tübingen, 1971

⁶ Bloomfield L. Language. L., 1935, p. 20

⁷ Veysəlli F. Dil. Bakı, “Təhsil”, 2007, s 9

Вопросы по вводной части

1. Какие теории существуют относительно возникновения языка?
2. В чем суть Божественного начала возникновения языка?
3. Каковы исходные положения древнегреческих философов о языке?
4. В чем различие между натуралистами и конвенционалистами?
5. Чем отличается концепция картезианцев?
6. В каком направлении шло развитие идей о возникновении языка в средневековье?
7. Как объясняется проблема возникновения языка у современных исследователей?
8. В чем различие между взглядами Ж.Пиаже и Н. Хомского?

ГЛАВА I

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА ¹

1.1. Сущность языка. Семиотические исследования показали, что общение существует не только в человеческом обществе, но и в животном мире. Изучение общения в животном мире объединяется под общим названием зоосемиотика. Американский зоосемиотик Т. Себеок (1920-2001) сделал большие открытия в области изучения языка животных. Сегодня человечество хорошо осведомлено о «языке» пчел, обезьян и др. приматов. Все это помогает взглянуть на проблему человеческого языка с новых позиций. Исходя из фактов общения приматов, можем провести сравнения и параллели между ними. Как человеческое, так и животное общения всегда двусторонни, они имеют план выражения (движение хвоста у кошки) и план содержания (возбужденность у животного).

Всю сознательную жизнь человек проводит в языке и с языком. Он думает на языке, делает обобщения, пишет книги, письма, что-то передает своему собеседнику, получает от него информацию, рассуждает о самых сложных явлениях, выражает самые приятные чувства и печаль, гнев, радость, делится мыслями с друзьями о прошедших событиях или будущих планах, толкует речь, убеждает, составляет тексты, пишет репортажи и отчеты, исследует различные события социального, исторического, политического характера, выступает перед публикой, рассказывает о проделанной работе или описывает свои намерения относительно будущего и т.д. Все это протекает на языке. Это еще раз показывает, что язык есть сложный феномен.

Специалисты, начиная с античных времен, ломают над этим сложным явлением голову и ищут ответы на очень неординарный вопрос о том, что такой язык. Наука, которая занимается изучением сущности языка, установлением системно-

структурных особенностей человеческого языка, называется **языкознанием или лингвистикой**. Лингвистике не безразлично выяснение вопроса об отличии человеческого языка от других средств коммуникации, прежде всего о его отличии от языков приматов. Наука, которая занимается изучением сущности языка, называется **онтологией** (из гр. онтос-суть, логос-наука).

В течение вот уже 2500 лет человечество ищет пути решения вопроса о сущности языка, придумывает различные приемы и способы его анализа, вследствие которого сформировалась особая наука, которая называется методологией. **Методология** – это наука о методах изучения объекта, в данном случае языка (из греч. метод- способ, прием, логос-наука).

1.2. Традиции изучения языка. Исторически сложились пять традиций в изучении сущности и функций языка: индийская, китайская, арабско-тюркская и японская, европейская. Ниже очень коротко остановимся на каждой из этих традиций. При этом каждая из них в той или иной степени возникла при поддержке религиозных институтов или при желании удовлетворить потребности общества в понимании письменных памятников или облегчить понимание письменного текста и передавать или принимать информации.

Индийская традиция связана с именем Панини (IV век до нашей эры), который, изучая религиозные песни (веды, их было всего 3996 сутр), создал основу фонетики и орфоэпии (веданг Шитана), метрики и стихосложения (веданг Чеханда), грамматики (веданг Вякарапа) и, наконец, этимологии и лексики (веданг Нирукта). Опираясь на богатый опыт своих предшественников, Панини в своей книге особое внимание уделяет анализу предложений, классификации частей речи (им были выделены 4 части речи: имя, глагол, предлог и частица). Частицы подразделялись на соединительные и незначимые. В то же время были определены простые и первичные корни, выступающие в качестве образующих элементов и производные корни. Древнеиндийская традиция пыталась проанализировать

морфологию литературного языка санскрит (на этом языке они выделяли семь падежей: им., вин., оруд., дат., отлож., род. и местный) и определить его отличие от разговорного языка пракрит. Ответ на вопрос, что такой язык, проходит через изучение внутреннего механизма языка. Панини и его последователи высказывали мысли о предложении, классификации основ, о парадигме падежа и ее особенностях. Древние индусы добились интересных результатов в области фонетики, дали классификацию гласных и согласных с учетом их артикуляторных особенностей, в частности выделяли активные и пассивные органы, показали их роль при образовании слога и т.д. Гласные они определяли как самостоятельные и слогаобразующие, а согласные – как подчиненные. Традиции Панини продолжались до XVIII века, причем часто давались комментарии к идеям этого ученого. В учении древнеиндийских лингвистов можно найти элементы сравнительного метода, которым широко пользовалась европейская лингвистика в XIX-XX веках.

Вторая традиция связана с **греческой философией**. Изучение языка у греков характеризовалось главным образом тем, что у них вопросы филологии входили как составная часть в комплекс философских проблем. Интересно, что лингвисты, примкнувшие к спорам греческих философов, тоже разделились на две группы: аналогисты, которые выступали за последовательность аналогий, и аномалисты, которые брали за основу исключения в языке. Как раз в это время образовалась новая наука -этимология. Греческие ученые добились заметных успехов в описании фонетической структуры языка. Они в целом правильно классифицировали гласные и согласные, особо выделяя полугласные. Грамматисты того времени выделяли 8 частей речи: имя, глагол, связь, член, местоимение, наречие, предлог и союз. Римляне добавили к этому еще междометие.

Великий греческий философ Аристотель в своей работе «Поэтика» определяет слова и предложения как звуки, правда,

предложение это - составные звуки. Обратимся к некоторым из его определений:

Элемент это - неделимый звук, но не всякий, а только такой, из которого может возникнуть разумное слово. Элементы образуют слог, который не имеет самостоятельного значения.

Член – это тоже не имеющий самостоятельного значения звук, показывающий начало, конец или разделение предложения.

Определение союза, данное Аристотелем, почти ни чем не отличается от современного его определения.

Аристотель в работе «Риторика» выделяет три части речи: имя, глагол и союз. Имя определяет он как слово, имеющее самостоятельное значение, союзы - как слова, выполняющие грамматические функции.

Школа стоиков выделяла, кроме этих трех, еще член, имена собственные и имена нарицательные. В отличие от Аристотеля они признали все части речи значащими. Стоикам принадлежит идея о прямых и косвенных падежах, в том числе и об отложительном падеже (аблативус), который в дальнейшем закрепился в греческой и латинской грамматиках.

Здесь же отметим, что мысли о сущности языка перешли с востока на запад благодаря этрускам, которые изобрели фонетическое письмо. Этруски обосновались на севере Италии, которые во времена господства Византийской империи были истреблены и выброшены в океан, которые перебрались затем в Ирландию²

Даже после распада империи Александра Македонского греческая культура распространялась на все Восточное Средиземноморье, о чем свидетельствует расцвет науки в Александрии, древней столице Египта, где находилась знаменитая библиотека и где свое грамматическое учение создал Аристарх (II век до н.э.), грамматика Дионисия Фракийского (II век до н.э.) и «Синтаксис» Аполлония Дискола (II век н.э.), фрагменты из которых дошли до нас, были серьезным обобщением для того времени.

Наиболее значительные успехи александрийцы имели в описании звуков, которое опиралось на акустический принцип. Так, они выделяли гласные и согласные, подразделяя первые на долгие, краткие и двухвременные, а последние - на легкие, средние и придыхательные. Гласные имеют качество полноты звука, а согласные лишены ее.

Александрийцы выделяли имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие и союз. Они получили такое определение, которое мало чем отличается от определения в современных грамматиках.

На них основывались греческие грамматики византийского времени. Затем древние римляне в лице М. Варрона и его последователей с минимальными изменениями заимствовали их схемы при написании латинских грамматик. Например, грамматика Доната (III-IV века н.э.) или многотомная грамматика Присциана (первая половина VI века). Отметим, что латынь тогда был международным языком ученых и церкви, особенно в католической религии. Языкознание в это время находилось под сильным влиянием философии и логики, оно не могло освободиться от смешения философских и логических категорий. Комментарии к грамматике Присциана написал в XII веке П.Гелийский.

На востоке сложились **традиции** по составлению иероглифического словаря. Правда, уже Сю Шэнь (I век н.э.) составил первый такой словарь, где была дана классификация иероглифов и их составных частей. Если первая пора китайцы занимались графикой и толкованием памятников, то уже в III-IV веках китайцы стали изучать звучащую речь. Были подготовлены фонетические таблицы иероглифов. Один из таких словарей, созданных в Китае в XIV веке, содержал 47.035 иероглифов и 1.995 их вариантов.

Здесь можно несколько слов сказать о **японской традиции**. Японцы уже во второй половине XVIII века создали грамматику своего языка, которая в корне отличалась от китайских

образцов. Кокугакуся (национальные ученые) в лице М.Нори-нага (1730-1801), крупнейшего теоретика школы кокугакуся разработал основу японской грамматики. А М.Токиэда (1900-1967) выдвинул оригинальные идеи по структурному описанию японского языка, Эти идеи подробно описаны в его труде «Основы японского языкознания», вышедшем в Ленинграде в 1941 году.³

Арабо-тюркская традиция по исследованию языка сильно отражает религиозное начало. Образование арабского халифата в VII веке положительно сказывалось на разработке грамматики арабского языка и обусловлено интерпретацией текста священной книги мусульман «Коран», написанной на классическом арабском языке. Целью этого было сделать язык этой священной книги доступным для широкой массы людей и защитить классический арабский язык от влияния арабских диалектов. Именно междуречье от Басры до Куфы Месопотамия стала центром науки о языке, где в 735-36 гг. появилась первая арабская грамматика. Грамматика представителя басрской школы Сибавейхи (умер в 793 году) содержала подробное описание фонетики, морфологии и синтаксиса арабского языка. В частности в своей книге «Аль Китаб» (Книга), которая была результатом его многолетнего труда, он раскрыл 1000 образцов Корана и стихов. Восточная поэзия и эта книга были восприняты обеими школами Басры и Куфы с удовлетворением. Быстро-му развитию науки о языке помогло, очевидно, и то, что по многим вопросам шли горячие споры между двумя школами, сформировавшимися между Евфратом и Тигром. Эти споры продолжались до тех пор, пока центр арабского халифата не переместился в Багдад. Арабы старались показать разницу между письменной и устной формами речи. Они четко разграничивали букву и звук, различали гласные и согласные, напряженные/ненапряженные, а также закрытие и открытие звуки.

По некоторым данным ученый по имени Аль Фирузабади (1329-1414) был автором книги «Камус» (Океан), другой его

труд насчитывает 60, а по другим источникам - 100 томов. Однако этот труд до нас не дошел.

1.3. Лексикографическая традиция Махмуда аль Кашгари. Особо следует отметить в этой связи лексикографическую школу богатыря тюркологии, Махмуда аль Кашгари, который создал фундаментальный словарь тюркских диалектов (*Divani lügati əl türk-1073-1074*) с элементами грамматики и фонетики. Этот труд был найден в библиотеке А. Амира Диярбекира и опубликован в Стамбуле в 1912-1915 гг. Этот энциклопедический словарь содержал ценнейшие материалы по грамматике и лексикологии тюркских языков, который последовательно дает комментарии к фольклору, этимологии и этнографии. Опираясь на свои наблюдения, М. аль Кашгари подверг системному анализу поговорки, пословицы, крылатые слова, тексты и поэтические выражения на тюркских языках, впервые указывая на их фонетические и морфологические различия, а также дал ценные информации о гармонии гласных и о флексиях. «Я написал такую книгу, - писал он, - которая не имеет себе равных. Я интерпретировал корни слов при их же помощи, определяя правила, чтобы труд мой был образцом. В каждой группе даю словообразовательные основы, так как мудрость складывается из простых действительностей».

Сегодня ясно одно, что арабская и тюркская наука оказала серьезное влияние на лингвистическую науку в Европе.

После этого начинается спад в лингвистических исследованиях. В средневековой Европе изучение языка сводится к практическому владению латинским языком. Ввиду того, что он был мертвым, изучение опиралось на письменную форму, что означало отступление по сравнению с арабским языкознанием. За руководство бралось положение о том, что все грамматики должны быть построены по модели латинского языка, т.е. иметь единую логическую основу. Грамматика К.Лансло (1615-1695) и А.Арно (1612-1694), будучи универсальной и рациональной, служила образцом этой модели.⁴

1.4. Языкознание в средневековье. Наряду с латинским языком в Европе изучали также греческий язык. При этом упор делался на изучение классической литературы с филологическими комментариями. Весомый вклад в изучение языка внес Юлий Цезарь. Сын последнего И. Скалигер ознакомил европейских ученых с теоретическими положениями туземных семитских языковедов.

Распространение христианства, географические открытия, колониальная экспансия и изобретение книгопечатания Й.Гутенбергом (1394/1399 или 1406-1468) в 1455 году создали благоприятные условия для народов с различными языками и вероисповедованиями. Четырехтомный словарь русского путешественника и естествоиспытателя П.С.Палласа (1741-1781) содержал избранный словник по 276 языкам из Азии и Африки.

Во время Ренессанса расширились изучение и комментирование классических памятников. Например, испанский монах Лорес Эрвас-Пандура в своей работе «Каталог известных языков с классификацией диалектов и наречий и их описанием» сообщает о наличии 300 языков и описывает грамматический строй 40 из них. Немец Г.Аделунг (1732-1806) в своем труде «Митридат или общее языкознание» (1807-1817) описывает один и тот же текст на 500 языках и диалектах. Тем самым он заложил основу языкознания в Европе, в особенности при изучении живых языков. Центром лингвистических учений постепенно становится Германия. Но в XVII-VIII вв. начинается развиваться наука во Франции. Однако Германия начинает завоевывать первенство благодаря неустанному творчеству Й. Гердера (1744-1803) и В.фон Гумбольдта (1767-1835).

Й.Гердер писал, что люди создали язык для познания самого себя. Отсюда делается вывод о том, что язык не есть средство общения общественного характера, он есть продукт индивидуума (1770). Язык обусловлен наличием у человека разума, пользуясь которым человек «собирает» язык из звуков природы, которые являются признаками предметов. Согласно

Й. Гердеру, в языке находит свое выражение дух народа.⁵ Оба тезиса получили дальнейшее развитие в работах В.фон Гумбольдта, который определил язык не как «ergon» (нечто застывшее), а как «energeia» (постоянно движущееся).

1.5. Лингвофилософские идеи В.фон Гумбольдта. Как диалектика без Г.Гегеля (1770-1831) не мыслима, так и современное языкознание не мыслимо без В.фон Гумбольдта. Свои мысли о языке он высказал в своем фундаментальном труде.⁶ «Язык есть полностью дух. Он развивается законами духа. Он есть не продукт языковой деятельности (ergon), а сама деятельность (energeia). Язык как совокупность своих продуктов отличается от отдельных фактов речевой деятельности. В слове всегда существует единство двух сторон – звука и понятия. ...язык целиком и полностью находится между человеком и влияющей на него изнутри и наружи природой».⁷ «Человек окружает себя звуковым миром, чтобы он осознал мир предметов и освоил его... его отношения к предметам определяется языком». Этот ученый сравнивает язык с заколдованным кругом, выход из которого возможен только попадая в другой мир. А это в свою очередь приводит к изменению мировоззрения. «Изучение иностранного языка похоже на приобретение новых точек зрения в контексте прежнего мировоззрения». «Язык есть орудие для создания мысли...он дух народа, форма его внешних проявлений». Другого похожего на тождество языка и духа найти не возможно. Суть философии языка В.фон Гумбольдта состоит в том, что для него язык не только звуковая форма, но и внутреннее формирование мира. Мировоззрение человека выражено в его языке. Язык выступает как орган между человеком и окружающим его миром. Изучая язык, мы приобретаем новую позицию в мировоззрении, так как язык содержит пучок понятий и способ представлений части человечества.

Начало XIX века характеризуется как поворотный пункт в истории изучения и исследовании языка. Новое языкознание

как детище романтики разрабатывало новые методы исследования языка. Этот период связан с именами таких лингвистов как Я.Гримм (1785-1863), Р.Раск (1787-1832), Ф.Бопп (1797-1867) и мн. др. Из них первый вошел в лингвистическую историю как основоположник современной германистики, а последний - индоевропеистики. Я.Гримм изучает отношение звука и формы в сравнительном плане, описывает законы языка с исторической точки зрения. Он предпочитает исторический подход к грамматике, но он, к сожалению, не смог до конца разграничивать букву и звук⁸. Кроме того, Я.Гримм сравнивает только внешние формы и устанавливает законы первого (германского) и второго (немецкого) передвижения фонем языка. Опора на внешние формы была также характерна для младограмматиков.

Ф.Бопп полагал, что индоевропейские языки произошли от одного праязыка, заложив тем самым основу сравнительно-исторического языкознания. Этот период в истории языкознания характеризуется формированием двух течений – философии языка и натурализма.

Натурализм подражал учению Ч. Дарвина (1809-1888), рассматривая язык как живой организм, который развивается и исчезает наподобие природным явлениям. А.Шлейхер (1791-1868) был одним из крупнейших представителей натурализма. На вопрос о том, что такой язык, А.Шлейхер ответил так: при подробной дефиниции язык – это мышление, выраженное звуками. Он предположил, что все языки произошли от одного праязыка, который впоследствии распался на ветви. На поиск этого праязыка он потратил много времени и энергии, создавая на германском праязыке басню из девяти строк.

Наряду с натурализмом в конце XIX и начале XX веков появились течения, которые назывались психологизмом и социологизмом. Психологизм в языкознании связан с именем Х.Штейнтала (1823-1899), а социологизм - с именами французов А.Мейе (1866-1936) и Ж.Вандриеса (1875-1960). Х.Штейнталь объяснял образование представлений психическими

законами адаптации, апперцепции и сравнения. По его мнению, язык – это произнесенное звуковое выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений. Язык, по своей сути, подчиняется разуму и является продуктом духа. Язык рассматривался им как продукт народной психологии, он есть, по Х.Штейнталу, средство восприятия человеком внутреннего и внешнего миров. Язык есть самосознание народного духа, его мировоззрение и логика. Индивидуальный характер народного духа проявляется в языке наиболее выпукло. Русский лингвист А.Потебня (1835-1891) писал в этой связи: «Язык является формой мысли, такой формой, ее, кроме как на языке, нигде не встретишь».

А. Мейе считал язык общественным явлением. А его земляк Ж. Вандриес шел еще дальше и писал: «Язык создается в обществе, появился с первого дня, когда люди осознали потребность в общении, ...человеческий мозг, достаточно развиваясь, способен пользоваться языком, тогда он создан как общественное явление».

1.6. Младogramматическое языкознание. Начиная с 70-х годов XIX века в языкознании формируется новый этап, который вошел в лингвистику как младogramматическое направление.⁹ Для младogramматиков язык – это индивидуальное, психофизическое явление. Изменения в языке связаны с простой речевой деятельностью индивидуума, и потому для изучения языка необходимо обратиться к живым языкам; они проявляли пренебрежение к идее восстановления индоевропейских языков. Но ввиду того, что они рассматривали язык с постоянными изменениями, господствующим принципом их анализа был историзм. Прослеживая исторические изменения, они были склонны восстановить праязык каждого отдельного языка. Новые элементы, появляющиеся в языке, объясняли, исходя из ассоциации аналогии, а фонетические изменения – физиологическими факторами. В их учении ведущее место занимала фонетика. Иногда учитывали неологизмы, мало внимания уде-

лялось морфологии, совсем не изучались синтаксис и семантика. Понятие «внутренняя форма языка», последовательно употребляемое В. фон Гумбольдтом и его идейным последователем Л. Вайсгербером (1899-1958), ни разу не встречается в фундаментальном труде Г. Пауля (1846-1921).¹⁰ Концепцию младограмматиков Г. Пауль излагает так: «... трудно себе представить, как можно судить о языке, совершенно не касаясь его исторического развития».¹¹ В целом младограмматизм характеризуется еще и атомизмом, так как младограмматики изучали звуки и их формы в отдельности, не вникнув в их системные связи.

1.7. Появление структурализма: И.А.Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр. Раскрытие подлинной сущности языка, начиная с конца XX века, тесно связано с именами двух выдающихся ученых: И.А.Бодуэна де Куртенэ (1845-1929) и Ф. де Соссюра. Оба они учились в Лейпциге у младограмматиков. В 1870 году в прочитанной им лекции в С.-Петербургском университете на тему «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» И.А.Бодуэна де Куртенэ в частности говорил: «Язык есть слышимый результат правильного действия мускул и нервов» или же: «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа [как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц] и подходящих под ту же категорию, под те же видовые понятия на основании общего им всем языка».¹²

Начальный этап деятельности И.А.Бодуэна де Куртенэ находился под влиянием индивидуальной и народной психологии. Тем не менее, он придавал особое значение связи звука и значения, формы и содержания. Первое из них интересовало его всю жизнь. В статье «Человечение языка», написанной им в 1893 году на немецком языке, он подчеркивал: «Во всех частях и частицах языка, как бы много физического мы в нем не находили, *пульсирует* и может пульсировать *лишь чисто психическая жизнь*».¹³

Он сравнивает издаваемые животными своеобразные звуки (он их называет неартикулированными звуками, например, рычание, лай, вой, скуление, мяуканье, клохтание, карканье и т.д., которые выражают требование, угрозу, ласку, указание, призыв и т.д.) с человеческими звуками и заключает: «Между тем все слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения, причем их генезис, источник их значения обычно совершенно забывается» (стр.261). В конечном счете И.А.Бодуэн де Куртенэ приходит к выводу, что язык не есть замкнутый организм, а инструмент в действии. Несколько схожую мысль высказывал датчанин О.Есперсен (1860-1943), считая, что язык есть деятельность для выражения мыслей и чувств человека.

1.8. Основные положения структурализм. Другой ученый, давший крупный толчок выяснению сути языка, был Ф. де Соссюр. Основные взгляды на язык этот ученый развивал в лекциях, прочитанных им в Женевском университете в 1906-11 годах в трех лекционных курсах. Тексты этих лекций были опубликованы Ш. Балли (1865-1947) и А. Сешэ (1870-1946), непосредственно не являющимися учениками мастера лингвистики, под названием «Cours de Linguistique generale», в 1916 году, три года спустя после смерти ученого. Ф.де Соссюр превосходит не только предшествующие, но и сосуществующие вместе с ним направления в языковедении. Он выработал своеобразную лингвистическую методологию по изучению сущности и функции языка. Идеи Ф.де Соссюра стали достоянием всей лингвистической науки в мире только после Второй мировой войны, потому что до Второй мировой войны существовали примитивные средства распространения книжной продукции. Германия была изолирована фашистской идеологией, хотя труд Ф.де Соссюра был переведен на немецкий язык уже в 1931 году. Кроме того, в мировой лингвистике в то время господствовала младограмматическая традиция. В чем суть языковой теории Ф.де Соссюра?

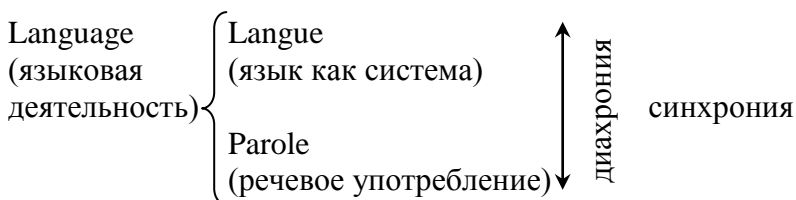
Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему знаков. Система языка доступна без специального изучения внеязыковых явлений, общества и истории. Такой подход исключает учет внеязыковых явлений и предполагает семиотичность языка. Систему языка он называет «langue» и противопоставляет ее речи («parole»). «Langue» – социальная системная принадлежность отдельного языка. Затем выделяется еще «Language» - речевая деятельность, которая состоит из обоих, будучи общей человеческой речевой деятельностью, не ограничивается отдельными языками. «Parole» есть активизация языковой системы через индивидуум в языковой реализации, т.е. в конкретном использовании языка независимо от того, в письме или в речи. Тем самым он противопоставлял социальное индивидуальному, существенное случайному. Поэтому существование «langue» является необходимой предпосылкой для «parole». Иначе язык не может выполнять своей коммуникативной функции.

Соответственно этому Ф. де Соссюр выделяет внутреннюю и внешнюю лингвистику, иллюстрируя свое положение игрой в шахматы, где внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Напротив, внешним является все то, что касается внешнего оформления фигур, их формы, из чего они сделаны. Формы и материя фигур несколько не влияют на ход игры. Отсюда и вытекает пресловутый тезис Ф. де Соссюра о том, что «язык, рассматриваемый в себе и для себя, является единственным предметом языковедения».

Со времен Ф. де Соссюра принято отличать синхронную лингвистику от диахронной, понимая под первой статику, а под второй динамику, процесс развития. Они противопоставлены и исключают друг друга. Однако синхрония не идентична с понятием статики, потому что в синхронии есть изменения и движения. Диахрония тоже не равнозначна историко-описательному описанию языка. Примером диахронического исследования может служить немецкое языковедение. В дальнейшем диахрония понималась как сумма синхроний. Ф. де Соссюр создал ан-

тиномию противопоставлений, разрывая единство объекта исследований, сложившихся в лингвистике с начала XIX века.

Схематически триаду Ф. де Соссюра можно проиллюстрировать так:

Все дососсюровское языкознание занималось диахронией, выяснением отдельных изменений в структуре языка. Ф. де Соссюр же понимал язык как систему, как целое. Для массы говорящих оно является единственной реальностью. Язык — социальная сторона речевой деятельности и не зависит от отдельного. Отдельное само о себе не способно создать или преобразовать его. С другой стороны, индивидуум должен учиться, чтобы понять взаимодействие его правил. У Ф. де Соссюра предпочтение дается синхронии, у него цель науки состоит в описании состояния, а у Г. Пауля цель сводится к объяснению развития следующих друг за другом событий.

Язык — это система. Второй особенностью учения Ф. де Соссюра является то, что язык — это система знаков, в которых форма и содержание соотносимы. Язык выражает идеи и в этом смысле он сравним с письмом, алфавитом для глухонемых, формами вежливости, военными сигналами и т.д.. Но он важнее всех этих систем. Лингвистику из-за знакового характера своего объекта следует отнести к семиологии, так как семиология — это наука, которая изучает природу знаков. Языковой знак билатерален, он включает в себя означающее и означаемое, звуковую форму и содержание, сигнификант (significant) и сигнификат (signifie). Они не отделимы друг от друга как лист бумаги с обеими сторонами. Обе стороны знака являются психическими. Лингвистическое исследование Ф. де Соссюр

считает психическим. Объектом его является язык, константный, социальный и независимый от индивидуума. А речь второстепенна, объект ее – индивидуальная сторона речевой деятельности, она эфемерна, включая звукопроизводство, и психологична. Мысль – передняя сторона, а звук – обратная сторона бумаги. Переднюю сторону невозможно отрезать от обратной стороны.¹⁴ Например, слово /daʃ/ (камень) в азербайджанском языке представлено двумя сторонами: звуковой последовательностью /d+a+ʃ/ и его денотатом.

сигнификант (significant) и	сигнификат (signifie)
/d+a+ʃ/	(daş)
означающее	означаемое

При таком подходе знак надо понимать нечто третье, которое объединяет обе стороны. Языковой знак не объединяет в себе ни имя и ни вещь, он объединяет представление и звуковой образ. Связь между ними а) имманентная, б) тесная, в) неразрывная, г) арбитражная, т.е. немотивированная.

Рассмотрим их в отдельности. Имманентность понимается так, что у всех слов любого языка означающее всегда одно и то же. Подменять его другим означающим приводит к изменению не только звукового образа слова, но и его означаемого. Например, заменим в слове /daʃ/ первый элемент элементом /j/, т.е. /jaʃ/ (возраст), получим новое слово. Заменим последний элемент элементом /γ/, получим новое слово, а именно /daγ/ (гора). Каждое высказывание оформлено единообразно.

Тесная связь была показана выше на примере слова /daʃ/. То же самое относится к неразрывности сторон знака. Свойство арбитражности доказывается тем, что каждый знак условно объединяет в себе обе стороны. Между означающим и означаемым нет прямой связи. Если бы это было не так, то знаки во всех языках имели бы одинаковые означающие. Один и тот же денотат выражен в разных языках по-разному: по-русски /камень/, по-немецки /ʃtaen/, по-азербайджански /daʃ/, по-англий-

ски /stoun/. Таким образом, двойная модель в знаковой теории заменена тройной моделью: знак + целое=представление и акустический образ. Это трехмерное определение было развито в дальнейшем: носитель значения, значение и означаемое.¹⁵

Так как знак непосредственно не относится к предмету объективной реальности, первичной величиной в системе является отношение. Этим Ф. де Соссюр вводит новое понятие структуры. Системность языка выражается в противопоставлениях его конкретных единиц. В системе все члены противопоставлены. Именно в системе обнаруживается ценность или значимость (**valeur**) языковой единицы, где сущность одного вытекает из одновременного существования другого. «В языке имеется только различие, в языке есть только различие без положительных отдельных членов.»¹⁶

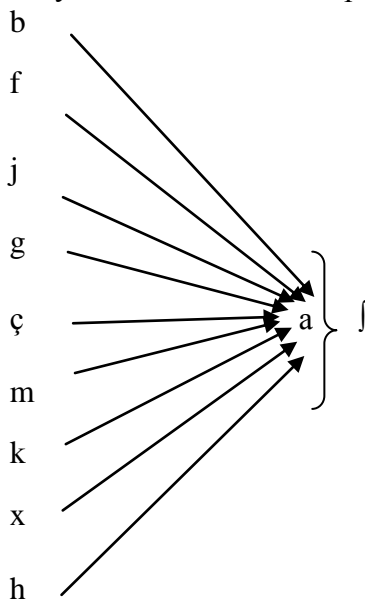
Считая язык формой, а не субстанцией, Ф. де Соссюр сравнивает язык относительно места его единиц в системе не только с игрой в шахматы, но и с экономией, где стоимость монеты не зависит от внешней репрезентации, она определяется местом ее в данной системе.

По Ф. де Соссюру, в механизме языка все вращается вокруг тождества и различий, причем последние составляют противоположное первому. Чуть позже он подчеркивает, что в языке существуют только различия, которые не имеют положительных членов (стр.143). Отсюда вытекает логический вывод о том, что важными для языковых знаков являются их различия. Иначе язык не мог бы выполнять свою коммуникативную функцию.

Ф. де Соссюр говорит о тождестве и различии. Сходство – это не идентичность. Например, какой-то оратор, выступая на собрании, несколько раз употребляет слово /joldaʃlar/ (товарищи): /ˈjoldaʃlar/, iʃlʌrimiz pis getmir// (Товарищи, у нас дела идут не плохо); /yolˈdaʃlar/, biz istədijimiz səvijjəjə hələ tʃata bilməmifik// (Товарищи, мы еще не смогли достичь желаемого уровня); /yoldaʃlar/, vətəndaʃlar/ və /dostʹlar/ (товарищи, граждане, друзья)

являются формами мн. числа. Каждый раз перенос ударения дает новый оттенок одной и той же фонемной последовательности.

Помимо этих противопоставлений, Ф. де Соссюр обосновывает еще дихотомию ассоциативных (парадигматических) и синтагматических отношений. При первом виде связей мы имеем дело с отношениями, существующими между единицами по принципу взаимозаменяемости. Например, в азербайджанском слове /daʃ/ первая единица может заменяться фонемой /b/, тогда получим слово /baʃ/ (голова). В азербайджанском языке из 24-х согласных только приведенные ниже 9 согласных могут заменить друг друга в начале односложных слов, причем каждый раз мы получаем новое слово. Ср.:

Что касается синтагматических отношений, то здесь речь идет о контрасте, существующем между элементами языка на синтагматической оси. Единицы любого уровня языка выступают по принципу следования друг за другом, где каждая единица имеет свою собственную позицию. За пределами этого принципа остаются суперсегментные единицы (об этом см. гла-

ву X). На синтагматической оси наблюдаются еще два свойства языкового знака, а именно принцип линейности и дискретности. Линейность выражается в том, что два знака никогда не могут находиться на одном и том же месте. Например, в слове /daʃ/ имеется три фонемы и не одна из них не может занимать место другой без того, чтобы облик и значение не изменилось. Дискретность как бы дополняет принцип линейности, однако отличается от него тем, что каждая единица на своем уровне не разложима на более краткие единицы. В слове /daʃ/ всего три сегмента. На фонемном уровне дробление его на более мелкие единицы-фонемы невозможно.

Подытоживая раздел о Ф. де Соссюре, отметим, что Ф. де Соссюр известен своей дихотомией, которая сводится к следующим противопоставлениям: язык и речь, синхрония и диахрония, системность и хаотичность, форма и субстанция, внешняя и внутренняя лингвистика, парадигматика и синтагматика.

Общественный характер языка означает, что животные не могут общаться так, как это происходит у людей. Животные издают звуки, после длительного повтора действуют согласно выражаемому смыслу (например, собаке говорим, «иди, принеси палку»). На этом все кончается, т.е. собака не может выполнять словесную команду типа /Иди, скажи мальчику, чтобы он вышел из комнаты//. У всех животных одного рода врожденные рефлексы одинаковы, но эти безусловные рефлексy могут при определенных одинаковых и сходных жизненных опытах, повторяясь, превращаться в условные рефлексy. Стая животных, услышав рев льва, удаляются от места происшества. Или петух, заметив приближающуюся лису, крикнет так, что все куры разбегутся по сторонам.

Великий русский физиолог И.П. Павлов (1849-1936) в результате своих экспериментов над обезьянами пришел к выводу, что безусловные рефлексy могут превратиться в условные. Относящиеся к первым сигнальным системам эти рефлексy не способны воспроизвести звуковые последовательности, носящие

общественное значение. Человек же не только выражает свои мысли при помощи воспроизводимых им звуковых последовательностей, но и хорошо понимает своего собеседника, а также строит содержательные тексты. Именно поэтому язык относится ко второй сигнальной системе. События и ситуации действительности в полной мере находят свое выражение в языке.

Человек обобщает свой жизненный опыт на языке, описывает сложные моменты действительности, своего прошлого, сегодняшнего и завтрашнего дня различными способами, переплетением синтаксических и семантических структур. В основе этого лежит смысл, характеризуемый как опыт или след, полученный от жизненных событий. Животные всего этого лишены.

Человек обладает врожденной способностью учиться говорить на неродном языке. Однако на каком языке он научается говорить впоследствии зависит от его окружения. Человек, оторвавшийся после рождения от родных и окружающих, начинает говорить на языке окружающих его людей в новой ситуации. Возвращаясь после долголетнего пребывания в чужой среде к своим генетическим родным, он не может общаться с ними. Сегодня можно привести сотни примеров в подтверждение сказанного здесь.

1.9. Литература и замечания

¹ Эта глава является авторизованным переводом первой главы (с. 6-41) книги автора, вышедшей в 1993 году в Баку. См. Yadigar (Veysəlov - Veysəlli) F. Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993. Эта книга переведена на турецкий язык доктором филол.н., проф. М. Мусаоглы и издана в Анкаре: Prof. Dr. Veyselli F. Azərbaycan türkcəsi fonetiği. Kültür Ajansı Yayınları, N:35. Ed.H. İvgin, Ankara, 2008

² Исторические памятники свидетельствуют, наряду с 6300 языками в мире, также о мертвых языках. К таковым относятся аккадский, хеттский, древнетюркский, этрусский и т.д. Многие из живых языков до сих пор не имеют свою письменность. К древнейшим языкам, имеющим

свою письменность, относятся такие языки как санскрит, тюркский праязык, греческий, латынь, китайский, арабский и др. После разрушения вавилонской башни (на аккадском языке «Вавилон – Бабиль») означает дверь всемогущего, Бога) люди на земле столкнулись с разнообразием языков. Для решения этого многообразия в разные времена создавались искусственные языки, к которым относятся идо, волапюк, эсперанто и т.д. Эсперанто создано в 1887 г. польским врачом Л.Заменхофом (1859-1917) на основе окончаний из финно-угорских языков, а корни взяты из индоевропейских языков. См.: Veysælli F. Dil. Vakı, “Təhsil”, 2007

³ Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2001, стр. 9-42

⁴ Грамматика общая и рациональная Пор-Роалья. М., 1990; Грамматика Пор-Рояля. Л., 1991

⁵ Гердер И. Тратат о происхождении языка. С вступительной статьей акад. В.М. Жирмунского. Перевод с немецкого Г.Ю.Бергельсона. М., 2007. Этот труд был удостоен премии Королевской Академии наук за 1770 год

⁶ Humboldt W.von. Über die Verschiedenhet der menschlichen Sprache und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des menschlichen Geschlechts. Über die Sprache. Fournier Verlag, 2003

⁷ Эти идеи фон Гумбольдта в дальнейшем успешно развивал его ученик Л.Вайсгербер

⁸ Grimm J. Deutsche Grammatik. Berlin, 1822

⁹ На заседании кафедры Лейпцигского университета Германии принимали участие молодые (тридцатилетние) А.Лескин (1840-1916), К.Бругман (1849-1919), Г. Остгоф (1842-1907), Г. Пауль, Б.Дельбрюк (1842-1922), которые не были согласны с обсуждаемым вопросом. В обращении к ним тогдашний декан факультета Ф. Царнке (1825-1881) иронически употребил термин «младограмматики».

Этот термин особенно внедрялся К.Бругманом, который около 40 лет заведовал сначала кафедрой классической филологии, преобразованной позже в кафедру индогерманского языкознания. С тех пор их назвали младограмматиками, а их школу младограмматической.

¹⁰ Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Berlin, 1880

¹¹ Пауль Г. Принципы истории языка. «Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. Составитель В.А.Звегинцев». М., 1956, стр. 165

¹² Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 77

¹³ Там же, стр. 260

¹⁴ Saussure F.de. Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin, 1967, s. 167; F.Veysalli. Semiotika. Studia Philologica. 1V, Bakı, 2010

¹⁵ Bröcker W. und Lohmann J. Vom Wesen des sprachlichen Zeichens. Lexis, 1948, S. 24.

¹⁶ Saussure F.de. Указ.соч., стр. 127

1.10. Вопросы по первой главе

1. Каковы лингвистические традиции по изучению языка?
2. Каковы лингвистические взгляды древнегреческих философов?
3. В чем суть языковых описаний арабскими лингвистами?
4. В чем заслуга М. Кашгари в изучении языка?
5. Каковы основные черты языкознания средневековья?
6. В чем суть лингвистической концепции В.фон Гумбольдта?
7. Каковы основные черты младограмматического направления в языкознании?
8. В чем суть лингвистической теории И.А.Бодуэна де Куртенэ?
9. Каков вклад Ф.де Соссюра в современную лингвистику?
10. Каковы основные принципы теории Ф.де Соссюра о языке?

ГЛАВА II

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2.1. Субъективный и объективный методы. Сегодня мало кто сомневается в необходимости научного изучения строя языка как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретически оно позволяет проникнуть в системно-структурные особенности языка, а практически оно вооружает обучающегося знаниями относительно различий и сходств между родным и изучаемыми языками. Кроме этого, изучение языка позволяет проникнуть в проблемы истории и культуры народов, проливать свет на вопросы взаимосвязи языка и мышления, решить конкретные проблемы, касающиеся взаимосвязи языка и литературы, автоматической обработки информации, адекватного перевода с одного языка на другой, распознавания личности говорящих, что имеет важное значение для криминалистики и судебной экспертизы. Все это стало возможным благодаря изучению языка с применением различных методов. Причем **объектом** изучения языка является манифестация его в речи индивидуумов или в письменной форме. В данном случае в качестве объекта выступают речевые экземпляры или реализации языка в повседневном употреблении в обществе во всех его проявлениях и функциях.

Предметом науки о языке является обобщение и систематизация данных, полученных в результате наблюдений над нашим объектом. При этом наблюдать над манифестацией языка в речи индивидуумов можно двумя способами: субъективно и объективно. Если мы ограничиваемся своим собственным наблюдением или наблюдением наших соратников или ассистентов, то это будет субъективный метод. Однако если наш анализ опирается на данные, полученные в результате применения определенной аппаратуры или оборудования, то это будет уже

объективный метод. Сегодня оба метода приемлемы, однако заметно преобладает субъективный метод анализа. Благодаря экспериментально-фонетическим исследованиям или полевым работам значительно расширились возможности объективного изучения различных языков (Об этом смотрите главу о фонетике и фонологии).

2.2. Три аспекта изучения языка. Известно, что Л.В. Щерба (1880-1944) особо подчеркнул акт воспроизведения, который в современной лингвистике приписывают западным лингвистам Дж. Остину (1911-1960) и Дж. Сёрлу (1932). Под актом воспроизведения Л. В. Щерба понимал говорение и понимание, назвав их вместе языковым материалом. Между тем многие современные теоретические построения отталкиваются от сосюрювской дихотомии языка и речи, у которого мы не наблюдаем четкого разграничения говорения и понимания, хотя оба эти понятия совершенно необходимы для правильного осознания сути языковой коммуникации. В связи с этим интересно отметить, что Н. Хомский переносит центр тяжести в исследовании языка на говорящего и слушающего, потому что говорение и понимание, т.е. настоящий акт обмена мнениями происходит именно между ними.

Что касается самого языка, то он нам не дан непосредственно. Мы его наблюдаем только в речи. Язык представляет собой известную систему, отвлеченную от текста. Для понимания сути этой взаимосвязи обратимся к детскому языку. Известно, что ребенок воспринимает в процессе общения некоторые контексты. Затем он устанавливает определенные закономерности. Он употребляет какие-то формы согласно усвоенным им правилам. Так, например, он употребляет следующие формы в соответствующих контекстах. Ср.:

рус. яз. /n'esu/ - /n'os/ (несу-нес)

/p'eku/- /p'etf+of/, но /v'iʒ+u / -/ v'id'+el/ (пеку - печешь),
(вижу-видел)

нем.яз. /man/ “Mann” - /ˈmɛnɐ/ “Männ+er” (мужчина – мужчины), но

/mɛnf/ “Mensch” - /mɛnf+ən/ “Menschen” (человек - люди) и /Leute/(люди)

англ. яз. /kæt/ “cat” - /kæts/ “cat+s” (кошка - кошки)

/bæg/ “bag” - /bæg+z/ “bags” (сумка-сумки); /siti/ “city” - /sit+iz/ “citys” (город-города)

азерб.яз. /get+mək/ - /get+di/, ancaq /ged+ir/; /uzun jol/ - /uzan+an jol/ и.т.д.

Окончания единственного и множественного чисел осваиваются через употребление этих форм в речи. Кроме того, эти окончания отвлекаются от системы как абстрактные.

Совершенно очевидно, что взрослый человек, не имеющий специального образования, не отдает себе отчета в существовании парадигмы падежей или склонений. Он употребляет язык в пределах своей языковой компетенции, надеясь на то, что сказанное им будет воспринято его собеседником без каких-либо затруднений. Итак, Л.В.Щерба называет всю совокупность единиц языка с определенными правилами их сочетаний языковой системой. Языковая система воплощается в речевом акте через норму. Третьим аспектом щербовской теории является норма, без которой немислимо функционирование языка вообще. Мы в дальнейшем не раз будем возвращаться к этой триаде.

Система истолковывается нынче двояко. С одной стороны, под системой подразумевается объективно существующий строй языка, выраженный в процессе говорения и понимания в виде определенных правил, нарушение которых сразу замечается собеседником, если он носитель того же языка. С другой стороны, под системой понимается свод правил, сформулированных составителем или создателем учебника, трактата или монографии. Поэтому такие труды принято называть по их авторам. Например, немецкая грамматика Я. Гримма (1775-1863), академическая грамматика азербайджанского языка и т.д.

Исторически труды по лингвистике создавались по поручению каких-то институтов или лингвистических обществ, которые, понимая важность написания трудов для обучающихся, заказывали кому-то или коллективу авторов написать их.

Ярким примером сказанного может послужить грамматика Пор-Рояля, которая была написана двумя аббатами- А. Арно и К. Лансло или же академические издания, написанные сотруddниками ИЯ АН СССР или ИЯ АН Азербайджана. Эти труды были своего рода нормативными. В них были даны подробные описания системы и структуры конкретного языка. В отличие от этих нормативных трудов есть еще теоретические работы. К числу таких относятся «Теоретическая грамматика современного английского языка», написанная авторским коллективом, или «Теоретическая грамматика современного немецкого языка», написанная В.Г.Адмони (1909-1993), или «Введение в языковедение», написанное А.А.Реформатским (1900-1978) или Ю.С.Масловым (1909-1990). В теоретических трудах принято поставить вопрос «почему так, а не иначе?» При этом такие работы имеют целью развивать теоретические мышления у студентов вузов. **Теоретическим** трудам противопоставляются **практические** или **нормативные** работы, отвечающие на вопрос «как?», т.е. как надо или, вернее, как правильное употреблять те или иные формы при общении, особенно на иностранном языке.

Говоря о типах лингвистических трудов нужно еще выделить следующие типы: **общий, частный, сравнительно-сопоставительный, фронтативный и контрастивный**. Каждый из этих типов характеризуется своей спецификой при подходе к системно-структурному описанию языка, и выбор каждого из них обусловлен постановкой конкретной цели и задачи.

Общее языковедение рассматривает общие свойства, присущие человеческому языку вообще, выявляет универсалии и строит лингвистическую теорию, которая дает возможность описать любой язык независимо от его строя. Таковы, напри-

мер, труды И.А.Бодуэна де Куртенэ, Ф.де Соссюра, Л.Р.Зиндера (1904-1995), А.А.Ахундова (1932), трансформационно-поражающая грамматика, разработанная Н.Хомским, и т.д. Выводы и положения, высказанные в этих трудах, применимы без исключения ко всем языкам.

Частное языкознание занимается каким-нибудь одним языком. Например, грамматика азербайджанского языка описывает грамматический строй этого языка, не обращая внимания на сравнение или сопоставление. В качестве примера можно сослаться на грамматику азербайджанского языка, написанную известными азербайджанскими лингвистами М.А.Казымбеком (1802-1870) или М. Гусейнзаде (1901-1986).

Сравнительно-сопоставительное языкознание описывает системы минимум двух языков. Причем сравнительно-историческая лингвистика задается целью описать родственные языки, тогда как сравнительно-сопоставительное языкознание сравнивает и сопоставляет языки независимо от их родства. Примером для первого может послужить пятитомный труд по германским языкам, составленный группой авторов под руководством В.М.Жирмунского (1891-1971). Чисто сопоставительным типом грамматики является образцовая грамматика русского языка в сопоставлении с словацким, которую написал А.Исаченко (1910-1978).

Что касается **конфронтативной и контрастивной** лингвистики, то она направлена на фронтальное сравнение языков с целью выявления сходств и различий между сравниваемыми языками. Здесь в качестве объектов берутся, как правило, генетически неродственные языки. Если мы – азербайджанцы, займемся изучением немецкого языка как неродного, то естественно, перед нами встают задачи подробного описания строев обоих языков с тем, чтобы дать в руки студентов-азербайджанцев труды с надлежащим описанием как родного языка, так и изучаемого – немецкого. Обычно такие труды составляются с целью предостеречь обучающихся, избегать появления ошибок

при обучении неродному языку, что позволяет прогнозировать ошибки интерференции. Контрастивная лингвистика, как вытекает из названия, устанавливает контрасты между родным и изучаемым языками. Эти последние типы трудов можно назвать педагогическими, так как их цель – удовлетворить нужды педагогических кадров для школ и вузов.

Кроме этого, можно отметить еще **диахронную и синхронную** лингвистики. Первая занимается историей становления той или иной категории в истории языка. Блестящим образцом такой грамматики может послужить историческая грамматика А.А.Шахматова (1864-1920) или Г.Пауля. Что касается синхронного описания языка, то оно изучает системно-структурные особенности языка конкретного среза исторических преобразований в языке. Все труды под названием «современная» можно отнести к этому типу работ, так как здесь «современная» связана с жизнью автора, который описал языковое состояние своего времени. В английском языке подчас употребляют два термина: «modern», что означает теоретическую, и «contemporary», что означает современная. Первую мы находим у Дж. Лайонза (1932), вторую – у Р. Квирка (1920) и его соавторов.

Мы в этой книге будем изучать систему и структуру человеческого языка, пользуясь конкретными данными из разных языков, преимущественно из азербайджанского языка. При освещении отдельных аспектов и явлений будем привлекать также факты немецкого, русского и английского языков с тем, чтобы сделать изложение более интересным и насыщенным.

Мы отдаем себе отчет в том, что написать такую книгу как эту – архисложная задача, и нам думается, что не легко будет удовлетворить чаяния всех, кто интересуется проблемами современной лингвистики. Тем не менее мы набрались достаточного опыта и знаний, а также наша многолетняя деятельность в качестве преподавателя в вузе и общения со многими известными учеными и специалистами мира дают нам веское ос-

нование утверждать, что наш продукт будет с интересом воспринят нашими коллегами и студентами, а также теми, кто интересуется проблемами системы и структуры языка. При этом для нас слова «лингвистика», «языкознание» и «языковедение» являются абсолютно синонимами и каждый из них мы употребляем в смысле науки о языке.

2.3. О системности языка. Нам необходимо определить язык, потому что все, что говорится в этом труде, связано с языком. Конечно же, язык представляет собою некую систему, отвлеченную от конкретного текста и констатирующей ситуации. Если мы возьмем какую-нибудь книгу, например, («Der deutsche Sprachbau» (München, 1996) В.Г.Адмони, нельзя ее называть немецким языком, хотя она написана на немецком языке. Но эта книга построена по правилам современного немецкого языка. Любой немец, получивший филологическое образование, поймет любое ее предложение. То же самое происходит, когда два азербайджанца беседуют друг с другом, их взаимопонимание достигается на основании того, что оба они владеют языковой системой родного языка. Непонимание собеседника имеет место в том случае, когда один из собеседников не обладает системой кодов на том языке, на котором к нему обращено сообщение.

В этой связи надо различать язык как систему и речь как воплощение этой системы. Речь, как отметил Ф. де Соссюр, эфемерна, индивидуальна и связана с моментом воспроизводства высказывания. Язык же системен, общенароден, постоянен и неиндивидуален. Но тем не менее они не могут существовать друг без друга. Любая речь построена на основе языка, и любой язык представлен в речи, правда, не полностью, а частично. Языкознание изучает язык через речь, ибо в речи и через речь можно наблюдать реализацию абстрактной системы языка.

Любое лингвистическое построение исходит из системности языка, которая включает в себя, как утверждает Ж.Пиаже, три компонента:

а) система состоит из определенных единиц или элементов, иерархически взаимосвязанных друг с другом. В языке это - фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы, фраземы, тексты и т. д.

б) взаимообусловленность их проявляется в том, что каждый вышестоящий ярус состоит минимум из одной единицы нижестоящего яруса. С другой стороны, любая единица нижестоящего уровня непременно входит в состав единиц вышестоящего яруса. Например, в диалоге: ¿Как называется союз русского языка, который соединяет сложносочиненные предложения со значением разъяснения? -/İ//.

Ответ на вопрос снизу до верху представляет собой гласный (фонемный уровень), морфему (морфемный уровень), лексему (лексемный уровень) и, наконец, предложение (синтаксический уровень). Это свойство языка называется иерархией системы.

в) системе присущи правила, которые позволяют образовывать n-ое количество сочетаний или комбинаций языковых элементов. Например, /Mən məktə`bə gedirəm// (Я иду в школу); /Onlar məktə`bə gedirlər// (Они идут в школу) и т.д. Здесь каждый элемент соединен с другим, следующим за ним, по правилам азербайджанского языка. Если подлежащее выражено в единственном числе, значит, сказуемое тоже должно быть в единственном числе. обстоятельство места выражено существительным в дательном падеже без предлога.

г) система является саморегулируемой. Никто не контролирует говорящих на родном языке, чтобы он употреблял приведенные выше высказывания именно в такой форме. Система самого языка требует, чтобы существительное, обозначающее место действия, стояло именно в такой форме. В немецком языке оно будет стоять в винительном падеже с предлогом, потому что в этом языке направление действия выражается грамматической структурой с предлогом: />e.r ge:t in di.'"ju:lə//.

Языковая система к тому же абстрактна, так как любое окончание не приковано только к одной форме, а практически повторяется во всех аналогичных случаях. Например, окончание третьего лица единственного числа в настоящем времени /-(e)t/ обязательно для всех глаголов немецкого языка при парадигме склонения. То же самое относится к лексическому составу языка. Любое слово не обозначает только один единственный денотат, а все многообразие предметов и явлений. Например, /tɪʃ/ “Tisch” (стол) – это не только **стол**, за которым я сейчас сижу и пишу эти строки, но и любой **стол** независимо от формы и функции, существующий в реальном мире.

Помимо этого, системность выражается во внутренней связи между элементами системы. Это очень существенная характеристика языка, ибо мы общаемся не отдельными словами, как бы они не были связаны внутренними отношениями, а предложениями и текстами. Для того чтобы нормально общаться с собеседником, необходимо вооружаться знаниями из области грамматики. Так, если мы возьмем следующие слова /biz, yazıɾıq, bu gün, ifadə/, причем при знании их значений в отдельности, мы не получим нормальное, построенное по правилам азербайджанского языка предложение. Для этого необходимо соблюдать те правила, которые азербайджанский язык выработал относительно расположения слов на синтагматической оси, т.е. порядка слов (отрасль науки, занимающаяся порядком слов в предложении, называется топологией). Для этого мы должны ставить глагол в соответствующей форме на последнее место, затем поставить наречие на начало или середину предложения. Вследствие этой операции мы получим следующую синтаксическую структуру: /bu gün biz ifa``də jazıɾıx// (Сегодня мы пишем сочинение) или /biz bu gün ifa``də jazıɾıx// (Мы сегодня пишем сочинение). Таким образом, мы подходим к определению языка: под языком подразумевается набор средств, единиц и правил, которые позволяют нам построить высказывания, тексты и другие сферхфразовые единицы. Это –

элементарные единицы (фонемы и их сочетания), морфемы и их сочетания – морфологические средства – окончания парадигмы падежа, числа, лица и словообразовательные суффиксы плюс правила их построения, порядок слов, интонационные средства и фразовое ударение.

Словарный состав языка и морфология с синтаксисом особенно тесно взаимодействуют тогда, когда язык выполняет непосредственно свою коммуникативную функцию, где говорящий выбирает слова с намерением выразить свою мысль в соответствии с требованиями контекста и ситуации общения и снабжает их формальными структурами, построенными на основе грамматики, а слушающий воспринимает и декодирует посланную собеседником информацию как таковую. Здесь уместно упомянуть, что ни один говорящий не в силах овладеть полным составом словарного запаса языка. Напротив, любой говорящий на родном языке обладает всей системой грамматических правил, она доступна любому носителю языка. Именно потому Н.Хомский называет носителя языка идеальным, так как он может воспроизводить и расшифровывать высказывания, никогда не слышанные или не употребляемые им ранее, и это он называет творчеством языка (creativity). Однако такое понимание языка не исключает пассивное и активное владение языком, которое еще Л.В.Щерба подчеркивал неоднократно. Это значит, что простой, необразованный человек в повседневной жизни употребляет гораздо меньше слов, чем на самом деле имеется в его родном языке. Но он же с грамматической точки зрения не имеет никаких трудностей в закодировании и декодировании неисчислимого количества высказываний. Ограничения здесь могут быть только относительно объема и состава структуры высказываний.

Задача языкознания состоит в том, чтобы выяснить, как построен текст и как действует носитель языка при построении текста и при его восприятии, почему он при использовании языкового продукта не допускает никакого отклонения от нор-

мы, что имеет место при изучении иностранного языка, когда обучающийся в зависимости от уровня владения этим языком сталкивается с трудностями в построении текста или в его понимании.

До второй половины XX века, когда языкознание делало упор на изучение мертвых языков, оно занималось в основном толкованием и расшифровкой текстов. Собственно говоря, в этом русле формировалась и филологическая наука (филология от греч. фило.- люблю, а логос-словесность или наука). Современная наука о языке задается целью выявить те общие законы или правила, на основе которых построен язык, и установить его системно-структурные особенности. Для достижения этой цели необходимо проследить формирование детского языка. Такая постановка вопроса позволит ответить на два основных вопроса, которые ставятся сегодня перед лингвистикой:

1. Как возник язык?
2. Как практически изучать язык?

2.4. Знаковая природа языка и свойства языкового знака. Для понимания сущности языка необходимо обратиться к знаковой теории, которую развивал Ф. де Соссюр. Он писал, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»¹. Комментируя этот принцип, известный французский лингвист Э. Бенвенист (1902-1976) писал: «Этот принцип объясняет тенденции, проявляющиеся в лингвистике повсеместно, хотя он и не говорит еще ничего о причинах, по которым она стремится к автономности, и о целях, которые она при этом преследует»². Язык потому выполняет свою генеральную функцию быть средством общения среди людей, что он имеет знаковую природу. Это возможно благодаря тому, что язык передает, аккумулирует и на нем же принимается информация, как это характерно для всех кодовых систем. Для того, чтобы собеседник воспринимал посланную говорящим информацию, необходимо наличие материальной оболочки выражаемой мысли в виде

звуковых последовательностей, которые воспроизводит говорящий. Благодаря этой оболочке звуковые волны поступают в ухо слушателя, которые затем преобразуются в нервные импульсы. Из пяти сенсорных источников, имеющихся у человека с рождения, самыми ценными с языковой точки зрения являются визуальный и слуховой источники. Визуальные по сравнению со слуховыми намного ограничены, так как они обусловлены письменными знаками, которые по степени распространения намного уступают последним, ибо слуховой сенсор в несколько раз превышает возможности визуального канала. Таким образом, из двух сторон знака, который Ф. де Соссюр выделял в языковом знаке, план выражения должен быть звуковым, чтобы план содержания воспринимался беспрепятственно.

В учении Ф. де Соссюра о знаке важное место занимает как раз-таки его билатеральность. Одна сторона знака принято называть сигнификантом (означающим), другую – сигнификатом (означаемым). Чтобы понять их взаимосвязь, Ф. де Соссюр сравнивал их с листом бумаги, у которого невозможно отделить одну сторону от другой без того, чтобы он не разорвался. Но учение этого выдающегося лингвиста XX века страдает тем, что он не признает важности материальной стороны у знаков в звуковом виде. Ф. де Соссюр сравнивает языковую систему с шахматной игрой и заключает, что то, из чего сделана шахматная фигура, абсолютно безразлично к определенному игровому состоянию на шахматной доске. Для этой игры важно то, каково положение фигур на доске в момент оценки игры. Что касается правил шахматной игры, то он в этом случае абсолютно прав. Но Ф. де Соссюр не прав, когда он отождествляет язык с этой игрой. С точки зрения системности такое сравнение не вызывает никакого возражения. Однако их отличие в том, что язык по своей сущности обладает звуковой материей. Какая-либо другая субстанция не может заменить звуковую материю языка. Мы выше говорили, насколько ограничено общение при помощи графических способов. План содержания в языке

представлен лексическими и грамматическими значениями, а план выражения звуковыми волнами, но при письменном общении графическими символами. В языке в виде знаков выступают морфемы, лексемы и синтаксические модели, куда входят смысловые единицы и правила их сочетания, включая порядок слов. Роль порядка слов хорошо видна из примеров русского, английского или немецкого языков:

рус. яз: /mat' l'ub'it dotf// "Мать любит дочь"// или /dotf' l'ub'it mat'// „Дочь любит мать“

англ. яз: /mʌdə lʌvs do:tə// "Mother loves daughter" или /do:tə lʌvs mʌdə „Daughter loves mother“

нем.яз: /mutər li:pt` tɔxtər// „Mutter liebt Tochter“ или /tɔxtər li:pt` mutər// „Tochter liebt Mutter“

Во всех этих языках слово, стоящее на первом месте, обычно выступает в роли подлежащего, если эти высказывания будут реализованы без контрастивного ударения на последнем слове. Если создадим контраст, тогда последнее слово может быть подлежащим высказываний.

Такую операцию в отношении азербайджанского языка проводить невозможно, потому что порядок слов в этом языке не столь существенен, хотя он иногда определяет тема-рематические отношения, но окончание всегда существует. Ср.:

/Ata oğlunu sevir// (Отец любит сына) və ya /Oğul atasını sevir// (Сын любит отца). /Maşını burada saxlamayın// (Здесь машину не оставляйте) və /Burada maşın saxlamayın// (Не останавливайте здесь машину)

В первых двух высказываниях окончание определенного винительного падежа /-и, -и/ отбросить нельзя. Во втором случае порядок слов изменяет семантическое содержание высказываний.

2.5. Прикладные задачи лингвистики. С начала своего возникновения языковедение пытается решить вопрос о том, как возник сам язык, какова его сущность, как люди из одного языкового общества общаются между собой и мн. др. В подходе к каждому из этих вопросов выявляется суть языковедческой деятельности. Здесь кроется сам механизм рассмотрения языка. Это может быть сугубо теоретическим, когда лингвист устанавливает общие закономерности функционирования языка, как построен текст, каковы структурно-системные отношения в языке вообще, почему, например, в немецком языке 4 падежа, а в русском - 6 падежей, почему в том или ином языке имеет место внутренняя флексия, а в другом ее нет вообще и т.д.

Напротив, когда мы изучаем язык с целью приложения его к решению каких-то конкретных задач, например, эффективное построение клавиатуры компьютера, где должны быть учтены результаты статистического анализа встречаемости графем в языке, где необходимо выявление частоты встречаемости фонем (графем) или обучение неродному языку, когда мы должны учесть особенности родного языка или контрасты между изучаемым и родным языками, с тем чтобы предвидеть интерференции в употреблении изучаемого языка. Все это относится к прикладному аспекту изучения языка. Практическое языкознание является предписывающим, т. е. нормативным. Спрягать надо так-то, так-то, а не иначе.

Следует отметить, что наука о языке возникла из наблюдений над нормативной речью. В Германии, например, в годы раздробленности страны на многочисленные диалекты сформировалось мощное движение нормализаторов (XVIII век), которые упорядочили грамматику. Нормативность понималась как соблюдение определенных норм в употреблении языка, которые предписывались кем-то в определенный период в жизни народа. В конце XIX века группой ученых и театральными деятелей в Германии создавались нормы произношения, которые

назывались сценическими и которые затем обобщены и изданы Т.Зибсом (1870-1941) в 1898 году.³

Сегодня на некоторых диалектах Германии родительный падеж притесняется дательным падежом. Например, вместо /das Haus ds Vaters/ (дом отца) употребляется /dem Vater sein Haus/ (отцу свой дом). Это уже новые тенденции в этом языке, которые изучает теоретическая грамматика. Нормативная всегда идеальна, но она вредна для теории. Исходя из наших наблюдений и анализа собранного языкового материала из множества языков можно утверждать, что теория предсказывает, куда идет тенденция, какая форма будет господствующей, допустим, в немецком языке: датив или генитив.

В русском языке наблюдаются новые формы образования множественного числа. Раньше употребительны были формы на /-1/. А теперь преобладают формы на /-a/. Ср.:

/tom/ “том” - /tom/ “томы”, но сейчас /tama/ “тома”

/ʌfitser/ “офицер” - /ʌfitser/ “офицеры”, но сейчас /ʌfitser`a/ “офицера”/

Это особенно видно при сравнении дискретного и собирательного множества. Например, при /tama/ “тома”, /dama/ «дома» и т.д. мы имеем дело с дискретным множеством. А вот из существительных женского рода невозможно образовать форму множественного числа подобно мужскому роду. Ср.:

/kn`ig/ “книга” - /kn`igi/ “книги”

/ʃko`l/ “школа” - /ʃko`li/ “школы” и т.д.

Диахроническое (из греч. диа- через, хронос-время) языкознание рассматривает язык через временной параметр. Со времен Ф. де Соссюра оно противопоставляется синхроническому (из греч. син. -со, с хронос – время) языкознанию, которое изучает язык в конкретный промежуток времени. Поэтому такой аспект обычно называется современным языкознанием. Это вытекает из системности языка, так как система для своей манифестации не имеет отношения к диахронии.

Теоретическое языкознание не имеет отношения к диахронии, когда оно дает описание языку как системе, но когда оно объясняет отдельные факты, то обращение к диахронии неизбежно. Немцы употребляют так: /zehn Mann/, но /zehn Tische/. В первом случае подразумевается группа людей из 10 человек. Во втором случае множественность выражена как совокупность дискретных элементов. Или возьмем другой пример: /Gast-Gäste/, но /Tag-Tage/. Исходя из синхронии мы этот факт не можем объяснить, хотя оба они односложные и оба они имеют одинаковый корневой гласный. Только обратившись к истории языка, мы можем установить, что эти существительные имели различные окончания основы, что и распределила их по разным классам образования множественного числа.

2.6. Литература и замечания

¹ Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию. М., 1977

² Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1977, стр. 37

³ Siebs T. Deutsche Bühnenaussprache. - Berlin, 1898. Эта книга переиздавалась несколько раз. Последнее 19-ое издание вышло под названием «Deutsche Aussprache. Hochlautung. Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch». Berlin, 1969 с большим вступительным словом известного немецкого фонолога Г. Унгехойера (1930-1982).

2.7. Вопросы по второй главе

1. В чем состоит объект языкознания?
2. В чем суть предмета языкознания?
3. Надо ли различать предмет и объект языкознания?
4. Каковы крупные представители лингвистики, которые изменили парадигму науки о языке?
5. Что можете сказать о концепции Ф. де Соссюра?
6. Чем отличается подход И.А. Бодуэна де Куртенэ от других лингвистов?

7. Чем отличается диахроническое описание языка от синхронного?
8. Как определяли объект языкознания младограмматики?
9. В чем различие между практическим и теоретическим языкознанием?
10. Назовите основные свойства языкового знака.

ГЛАВА III

СВЯЗЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С ДРУГИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

3.1. Связь языкознания с философией. Когда речь идет о связи языковедения с другими науками, сразу вспоминается философия. Именно философия пыталась и пытается внести ясность в сущность языка. Уже в древней Греции была предпринята попытка выяснить вопрос о том, как произошло то, что люди называли предметы и события, даже предметы, которые не находились в их непосредственном окружении. Платон в известном своем труде «Кратилосъ» занимался разбором этих споров. На одной стороне баррикады стояли те, которые защищали идею о натуральности называния, а на другой - те, которые верили в конвенциальность. Иначе говоря, в отношении возникновения языка мнения разделились на два лагеря, из которых один настаивал на том, что язык дан нам природой, а второй исходил из того, что язык возник на договорной основе. Такие спекуляции базируются не на конкретных исследованиях самого языка, а на высказываниях философского толка. И это продолжалось вплоть до XIX века, пройдя длинный путь от греческой философии до появления сравнительно-исторического языкознания. Попутно отметим, что сам язык был уже объектом растущего интереса специалистов в Индии. Тогда уже были выделены такие понятия как существительное, глагол, род и т.д. Они достигли ощутимых результатов, в особенности в установлении родства между языками. Этому помогли открытие санскрита и те методы, которые предлагались компаративистами для показа эволюции языковых форм. Однако это языкознание понималось как историческая наука, так как объектом его изучения была конкретная фаза истории языка.

Философия средневековья больше стремилась к познанию отдельных языковых фактов, что именовалось атомизмом. Каждый язык изучался с точки зрения выражения им конкретных значений, не обращая должного внимания на взаимосвязь между отдельными элементами всего целого, т.е. не было системного подхода. Но скоро стало ясно, что таким способом и используемыми в то время методами невозможно раскрыть сущность языка, они не применимы к новым требованиям. Лингвистическую реальность современности нужно изучать адекватной техникой без предварительной предпосылки и с описанием его синхронного состояния.

Таким образом, языкознание вступило в новую фазу, которая начала изучать язык без философских подоплек и эволюции лингвистических форм в первую очередь как имманентную, формальную структуру, тем самым оно стало систематической и точной наукой.

В последнее время четко разграничивают философию языка и философскую лингвистику. Под первой подразумевается изучение сущности языка, его системно-структурных особенностей, в то время как философская лингвистика задается целью определить место лингвистики среди других наук. Выражаясь коротко, можно сказать, что философия языка в основном изучает объект, а лингвистическая философия – методы¹.

К концу XIX и началу XX веков философия изучения языка в корне изменилась благодаря неустанной деятельности И.А.Бодуэна де Куртене и Ф.де Соссюра. На место изучения мертвых языков и сравнительно-исторического языкознания вступило новое течение, которое рассматривало язык уже как системно-структурное образование независимо от культуры, где употребляется данный язык. Он состоит из артикулируемых элементов-звуков и их разнообразных комбинаций. При чем под **структурой** понимается особый тип отношений, который объединяет все единицы конкретного языкового уровня, если речь идет о каком-либо уровне. А если иметь в виду весь

язык, то она будет охарактеризована как сеть отношений, объединяющих все единицы языка. Эта сеть отношений связывает единицы, которые пронизаны через всю систему, в пределах которой каждая единица противопоставлена всем остальным оппозитивными отношениями. «Позитивистское понятие языкового фактума заменено понятием отношения»- писал Э.Бенвенист на стр. 32. Таким образом, был преодолен вредный для лингвистики подход, т.е. атомизм, который изучал изолированно каждое событие в отдельности. На его место пришел структурализм, исходящий из знаковости языка.

Из всех отношений, объединяющих языковые единицы в систему, принято различать **синтагматические и парадигматические**. При первом типе отношений имеются в виду связи, получаемые из сочетаний языковых единиц на синтагматической оси, т. е. из расположения единиц языка друг за другом. На уровне фонем мы сталкиваемся с допустимыми и недопустимыми сочетаниями. В американской лингвистике это отношение называют **отношением дополнительной дистрибуции**. Звуки, взаимоисключающие друг друга, относятся к одинаковым языковым единицам. Например, /t/ и /t°/ в азербайджанском языке. Ср.: /t`in/ (угол) и /t°uk`/ (волос). В то же время немецкие согласные /η/ и /h/ выступают как разные фонемы именно потому, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Там, где встречается /η/, там не встречается /h/. Первое имеет место в конце слога и морфемы после гласного, а второе, наоборот, встречается в начале слога и морфемы перед гласными. Кроме того, между ними нет никакого акустического сходства

Известно, что онтология и методология в области изучения языка относятся к двум важнейшим областям философии языка, о чем мы коротко говорили выше. Однако, начиная с средневековья философия языка начала заниматься выяснением отношений между именем и значением. Крупный философ средневекового востока Н. Туси (1201-1274), верный уче-

ник Ибн Сины (980-1037), высказывал интересные мысли о связи знака с его природой, обосновывая тезис о смысле как отражения предмета и событий в мозгу человека в виде следов от них, накапливающихся в результате жизненного опыта человека. Он разъяснял свою позицию следующим примером: дым в лесу ничего не означает для человека, который никогда не видел этого и не знал о нем ничего, т.е. если этот человек не имеет никакого представления о дыме, у него нет смысловой связи между виденным и самим предметом. Но когда он узнает, что дым может быть результатом огня, он осмыслит тепло, которое дает огонь. Далее дым может быть местом встречи в случае потери или же пожара в лесу. Эти идеи Н.Туси, к сожалению, не были в дальнейшем развиты. Даже высказывания таких крупных философов как Г.Лейбниц и В.фон Гумбольдт, о языке как семиотической системе и о его знаковой природе остались не замеченными впоследствии. Языкознание шло в сторону вскрытия системных и структурных особенностей языка, что обусловило развитие таксономии и бихейвиоризма. И только благодаря усилиям Н.Хомского философия языка вновь приобрела новый толчок и сегодня в области изучения семиотических свойств языка четко разграничиваются философия языка и лингвистическая философия. Известный американский лингвист Дж. Катц пишет, что философия языка изучает тесные связи между формой и содержанием, обосновывает концепцию этой связи, развивает понятия, опирающиеся на возможные базы, и разрабатывает систему гипотез о структуре познания. Тем самым, как он отмечает, философия языка становится областью, которая выступает как часть теоретического естествознания и которая ставит своей целью изучить методологию языковой теории и проверить ее на практике. Другими словами, философия языка изучает сущность языка и его системно-структурные особенности на философской почве. Она в корне отличается от лингвистической философии, которая изучает место лингвистики среди других наук.² Другой аме-

риканский лингвист Дж.Сёрл выражается очень конкретно, когда подчеркивает, что лингвистическая философия первым долгом изучает методы, а философия языка – объекты.

3.2. Языкознание и другие гуманитарные науки. Языкознание связано с другими гуманитарными и точными науками. Среди гуманитарных наук языкознание имеет тесную связь прежде всего, с психологией, физиологией, логикой и педагогикой. Что касается его связи с точными науками, здесь прежде всего надо отметить математику, физику, кибернетику и теорию вероятностей. Прежде чем, перейти к характеристике связи языкознания с каждой из указанных отраслей науки, сначала более подробно остановимся на его разделах. Итак, язык как многоэтажное системно-структурное образование состоит из нескольких ярусов, этажей или уровней. Снизу доверху покажем их место и определим единицу каждого из этих уровней, как это великолепно описывают Э.Бенвенист и Ю.С.Маслов следующим образом:

Текстологический или **дискурсивный** уровень, минимальной единицей которого является текст или дискурс.

Синтаксический уровень, минимальной единицей которого является синтаксическая структура или синтаксическая модель.

Уровень **высказывания**, минимальной единицей которого является синтагма.

Лексематический уровень, минимальной единицей которого является лексема.

Морфематический уровень, минимальной единицей которого является морфема,

Фонематический уровень, единицами которого являются фонема, имеющая сегментный характер, и просодема и интонема, имеющие супрасегментный характер, куда входят ударение, движение тона и временной параметр.

Ниже этого уровня выделяют еще **меризматический** уровень, минимальной единицей которого является меризма или дифференциальный (дистинктивный или различительный) признак. Схематически это можно изобразить так:

уровни системы языка

единицы уровней

уровень текста/дискурса	текстема /дискурсема
синтаксический	синтаксема/синтагма
лексематический	лексема
морфематический	морфема
фонематический	фонема (просодема и интонема)
меризматический	меризма (дифференциальный признак)

Каждый из этих уровней, как видно, имеет свою единицу. Кроме этих основных уровней, Э. Бенвенист и Ю.С. Маслов выделяют еще промежуточные уровни, к которым относятся морфонологический, словообразовательный и словосочетательный уровни³. Мы дальше будем отдельно рассматривать каждый из этих уровней. А пока займемся выяснением связи языкознания с другими дисциплинами.

Известно, что Ф. де Соссюр относил языкознание к психологии и семиологии. Он писал: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем.

Следовательно, можно представить себе *науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества*; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее *семиологией* (от греч. *σημείον* - «знак»)....Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика – только часть этой общей науки»⁴. Связь языковедения с психологией выражается в том, что языковое общение – это, прежде всего, процессы, которые происходят в мозговой системе человека. Нередко оно теснейшим образом связано с объемом памяти. Человек стал-

квивается с определенными ограничениями, которые мешают ему принимать соответствующие решения. Сюда относятся:

а) нехватка достаточного объема краткосрочной оперативной памяти;

б) замедление последовательного анализа фактов и процесса их сохранения в долгосрочной памяти;

в) упрощение и сокращение рассмотрения реального мира в проблемном пространстве в абстрактном плане.

Эти когнитивные ограничения появляются тогда, когда потребность в информации опережает возможности человека. Последствием этого является принятое неправильного решения. Информации проявляется в широком пространстве, это есть сообщение о предмете, знания же есть составная часть общей информация, нужной человеку в конкретной ситуации. Например, когда человек в компьютере дает команду для поиска с целью получить ответ на интересующий его вопрос, на экране появляются документы общего характера, отражающие сообщения, тогда как человеку нужна конкретная информация.

Когнитивное направление широко разрабатывается в США. Причем представители этого направления радикально отмежевываются от генеративной лингвистики, хотя сам Н.Хомский неоднократно заявлял, что генеративная лингвистика является частью общей психологии. Надо отметить, что психолингвистика в значительной степени ориентируется на когнитивную психологию.⁵ Когнитивисты отрицают автономность языка, утверждая, что языковые операции обслуживаются когнитивными структурами и механизмами. Параллели с артикуляторными органами доказывают несостоятельность этого тезиса. Эксперименты показали, что человек с определенными речевыми расстройствами полностью сохраняет способность воспринимать и распознавать неречевые звуки, но при этом не различать те или иные фонемы.

При восприятии многозначного слова автоматически активируются все его значения. Однако выбор подходящего зна-

чения происходит под влиянием контекста. Это подтверждает тезис о том, что доступ к словарю обеспечивается автоматическим модулем, который можно сравнить с специализированным компьютером с собственной базой и для него часть информации, доступной другим когнитивным процессам, не является таковой.

Так как язык рассматривается как модуль, то естественно, он когнитивен, специфичен и автономен.

Р.Лангакер (1942) в 1987 году писал, что к грамматике относятся только те структуры, которые засвидетельствованы в тексте, т.е. не принимается идея о глубинной структуре. В последнее время исключают трансформацию из структурного описания языковых объектов, считая, что возведение поверхностной системы к глубинной недействительно (Ахмед умывается - Ахмед умывает Ахмеда). Другое дело, когда мы употребляем /Мы радуемся приглашению профессора//, которое, по стандартной теории Н.Хомского, может сводиться к двум структурам: глубинной и поверхностной.

При семантическом анализе стараются описать язык адекватно ментальным структурам языка. Сюда можно было бы отнести теорию «естественных классов», теорию прототипов, а также описание с помощью когнитивных примитивов.

От того, как жидкость используется человеком, предопределило степень отнесения им воды к химической формуле этой жидкости.

Что касается роли метафоры, то выяснилось, что она пронизывает все пласты лексики языка. После всего этого В.Б.Касевич (1940) приходит к выводу, что нет когнитивной лингвистики, а есть своего рода методы, которые обогащают языковедение. «...когнитивной лингвистики **не существует** уже потому, что не существует **не-когнитивной** (психо) лингвистики» (стр.200).

3.3. Языкознание и семиотика. Язык является семиотической системой и потому его подчас относят к семиотике, а Ф. де Соссюр относил его к семиологии. В американской терминологии предпочитается семиотика. Однако дело не в терминологии. По сути своей язык является средством порождения, передачи и сохранения информации и потому его изучение связано с теорией информации. Мы живем в эпоху глобализации и определить место языкового общения среди потоков информации имеет существенное значение для общества. Она играет важную роль в обществах, где интеллектуальный уровень довольно высок. По данным ЮНЕСКО за последний 40 лет удельный вес перевода вырос на 600 %. Интересно то, что сегодня изменились направление и содержание переводов. Так, по данным европейских структур научно-технический перевод составляет 40 % всех переводов, остальные, т.е. 60 % приходятся на долю юридических, устных и синхронных переводов⁶. Вызывает недоумение то, что перевод художественных произведений составляет 0,3 % всего объема по переводу⁷. Иногда простой носитель думает, что Низами, Шекспир, Гёте, Толстой и др. мыслители больше переводятся, чем литература других, негуманитарных областей. Но факты говорят совершенно другое. Значит, документы делопроизводства, юридическая, научно-техническая литература больше и чаще переводятся. Здесь надо отметить, что на языке документов делопроизводства меньше редундантности, но больше экономии. Цифровые показатели (40%-0,3%) сами говорят за себя.

В 1995 году президент Международной Академии Информатизации Ю.Ю. Юрвишин предложил образование новой отрасли называть информатизацией. Эта наука занимается разработкой информационной модели. Вся жизнь от простых вещей до самых сложных явлений пронизана автоматизацией. Поиск и нахождение информации, управление и принятие решений автоматизированы. Все это говорит о новых типах коммуникации в обществе. Изобретаются новые технологии, они

применяются не только в вычислительных машинах, но и направлены на изучение самых сложных вопросов, начиная с демографических проблем населения вплоть до изменений жизненных условий общества.

Когда мы говорим об объекте и предмете, а также содержании и цели информации, обычно уделяем внимание на следующие три аспекта:

1. Программное обеспечение этой науки - soft ware;
2. Аппаратурное обеспечение этой науки - hard ware;
3. Лингвистическое обеспечение этой науки - ling ware.

Два первых аспекта, на первый взгляд, мало связаны с лингвистикой. Однако и там лингвисты нужны, так как разработка различных программ, алгоритмов, подготовка частотных словарей, а также многочисленные программы по переводу, например, «Altavista» и др. не возможны без активного участия лингвистов.

Но последний аспект непосредственно относится к сфере деятельности лингвиста. Говоря иначе, мы должны принимать самое активное участие в разработке программ по созданию различных частотных, энциклопедических словарей и тезаурусов.

Семиотика как новая объединяющая наука рассматривает информацию с точки зрения говорящего, слушающего и связи между сказанным и воспринятым. Ф. де Соссюр исходил из двухместной модели знака: означающего и означаемого. Но на самом деле он называл знаком то, что их объединяет, названным еще Ч.Пирсом интерпретантом.⁸ Однако все послесоссюровское языкознание идентифицировало знак со словом. Кроме того, знаковая теория Ф.де Соссюра ограничивалась только словом, другие языковые единицы им не рассматривались. С точки зрения знаковости нам необходимо обратиться к трех-, даже может быть, четырехмерным измерениям, когда каждый знак, в том числе и языковой знак имеет четыре аспекта:

а) синтаксический аспект, когда мы изучаем языковые знаки с точки зрения их соединения. Например, /utʃi+t'el'/ или /araba+çı/ и т.д.

б) семантический аспект, когда знак рассматривается с точки зрения его отношений к реальному миру. Например, выражает ли данный знак какой-нибудь денотат или имеет ли он коннотативное значение и т.д. Например, /Meine Haare stehen mir zu Berge// (Мои волосы стоят мне дыбом). При чем здесь дыб, ведь слово /Berg/ обозначает /гора/.

в) прагматический аспект, когда мы изучаем знаки с точки зрения его отношения к лицу, употребляющему этот знак. Например, /ti mn'e n'e nra'viʃs'a//Ты мне не нравишься// и т.д.

г) и, наконец, сигматический аспект, когда знак изучается с целью выявления отношений между самими знаками. Например, /vʌ'da/ питьевая, соленая, стоячая и т.п.

Все эти аспекты будут подробно проанализированы в соответствующих разделах настоящей книги. Теперь необходимо рассмотреть вопрос о связи языковедения с дидактикой и физиологией.

3.4. Языкознание, педагогика и физиология. Педагогическое языкознание, иначе его называют дидактическим, с самого начала давало импульсы для развития и распространения этой науки во всем мире. Нет сомнения в том, что языковые дисциплины процветали первым делом в стенах университетов. Только в бывшем Союзе проблемы языка разрабатывались в основном в стенах академических институтов. Сегодня можно сказать, что все фундаментальные труды принадлежат перу выдающихся лингвистов. И.А.Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Л.В.Щерба и многие другие, которые изменили всю лингвистическую парадигму, были, прежде всего, вузовскими профессорами. Знаковая теория языка, разработанная Ф. де Соссюром, двойное членение, выдвинутое И.А.Бодуэном де Куртенэ, теория автономности звуковой стороны языка, автором кото-

рой был Л.В.Щерба, и многие другие ученые работали в вузах. У них теория всегда теснейшим образом была связана с практикой. Потребности аудитории вызвали к жизни новые и новые мысли и идеи, которые впоследствии возросли в ранг теорий. Раньше этому способствовало сравнительно-историческое языкознание, которое постепенно отвернулось от задач, направленных на установление родственных связей между языками, и повернулось лицом к решению насущных проблем обучения иностранным языкам, так как центр тяжести переместился к живым языкам, которые можно успешно изучить путем сопоставления родного и изучаемого языков. В этой связи в последние десятилетия возникло новое направление под названием конфронтативной и контрастивной лингвистики. Если первая занимается глобальным сопоставлением с целью выявления сходных и отличительных свойств двух контактируемых языков, то последняя занимается установлением различий между сопоставляемыми языками. Исследования последних десятилетий показывают, что обучение языку может быть успешным только тогда, когда студент имеет в своем распоряжении систематически обобщенные результаты, содержащие различия между изучаемым и родным языками, что позволяет предвидеть и исправить ошибки студентов, которые называются ошибками интерференции. Например, азербайджанец в виду отсутствия в родном языке долготы и краткости гласных, переносит свои произносительные навыки на немецкий язык, в котором имеется противопоставление по этому признаку даже в закрытых слогах. Ср.:

Нем.яз.	Азерб. яз.
„Staat“ - /ʃta:t/ (государство),	/a.li/- (высокий), /sajalɪ/- (имя)
„Stadt“ /ʃtat/ (город)	
„Ebene“ - /e:bənə/ (уровень),	/alɪ/- (имя), /gəralɪ/- (закрытый)
„Ebene“ - /ɛbənə/ (прилив)	

Связь языкознания с физиологией проявляется в том, что язык воспроизводится, т.е. элементы языка артикулируются конкретными органами, первичная функция которых была вовсе не производство звуков, а удовлетворение физиологической потребности человека в обеспечении пищей и вдохом и выдохом: язык переворачивал пищу во рту, губы призваны не давать пище вылиться наружу, глотка контролировала действие надгортанника, легкие регулируют выдох и вдох. Только лишь впоследствии, когда человек приобрел способность говорить членораздельные звуки, тогда в работе этих органов произошло распределение функций, так называемые органы артикуляции начали выполнять дополнительную функцию, а именно говорить. То же самое произошло со слуховым органом человека. История появления языка в устном виде общения насчитывает приблизительно 100.000 и 50.000 лет, а письмо впервые появилось 5.000 лет тому назад.

Физиология дает полное сведение о том, где образуется тот или иной звук, какую роль играют при этом дыхательные органы, почему при заболевании голосовых связок человек издает хриплый голос и т.д. и тому подобное. Последние два века артикуляторная фонетика сделала большой шаг в изучении органов речи в воспроизводстве звуков. Сегодня одной из лучших классификаций звуков речи является физиологическая (об этом см. раздел фонетики).

3.5. Языкознание и логика. Логика и языковедение были теснейшим образом связаны, и история языкознания имеет прямое отношение к логике. Логика как наука о мышлении представляла и представляет весь комплекс методов и инструментов для анализа взаимосвязи языка и мышления. Такие понятия как субъект и предикат непосредственно есть проекция логических понятий на язык. Далее, выявление соответствий или несоответствий языковых структур логическим или их отличие тоже непосредственно есть результат переноса логических параметров на языковые. Не случайно, что первые книги по язы-

ку были написаны логиками. Первая универсальная грамматика (1616) выдержана в логических тонах. Проследивая историю становления науки о языке, можно без сомнения сказать, что она характеризуется логическими оттенками. Даже сегодняшнее логическое ударение можно считать результатом непосредственного влияния логики на анализ языкового материала. Если сегодня некоторые приписывают прямому влиянию логики на синтаксический анализ в таком предложении /Анар отдал книгу своему другу//, в котором каждое слово может быть выделено под влиянием контекста и следующего из этого фактора, так это есть не результат логического ударения, а того, что этого требует контраст, при помощи которого говорящий выбирает порядок слов в соответствии с потребностью общения. Если говорящему необходимо подчеркнуть слово /Анар/, имея в виду именно Анара, а не кого-нибудь другого, то он ставит ударение на него. Если, наоборот, ему нужно высказать мысль о том, что он /отдал/, а не /продал/, значит, он должен контрастировать сказуемое /отдал/ и т.д. Между тем сегодня такой вид ударения принято назвать логическим. Совсем не понятно, при чем здесь логика. Логика изучает, как известно, закономерности мышления, которое не отделимо от языка. Но язык как некая автономная система должна урегулировать все свои структуры в соответствии с лингвистическими особенностями.

Мы хотели бы здесь рассмотреть связь отдельных аспектов языка в пределах одного языка. Обратимся сначала к связи отдельных аспектов к словообразованию. В какой степени оно связано с грамматикой в широком смысле слова. Может, оно ближе к лексикологии, чем к грамматике. При классификации лингвистических единиц необходимо придерживаться определенных критериев, которые позволяют отнести те или иные единицы к определенным классам слов, предложений и т.д. При словообразовании мы делаем операцию над словом. Исходя из того, что все слова относятся к словарю, сделать заключение о том, что всеми словами должна заниматься лексикология,

или лексематика, по терминологии Э.Косериу (1922-2001), не правильно. Само собой разумеется, что не всегда каждое новое понятие порождает новое слово. Это можно подтвердить переносом, сужением или расширением значений слова. Например, слово /нос/ может обозначать, кроме названия части человеческого тела, еще и /нос корабля/. Или /крылья/ бывают не только у птиц, но и у самолета и т.д. По-немецки, /Feder/ означает перо для письма и перо у птицы. В таких случаях, конечно, важно знать семантику слова. Это уже семантический аспект, о котором мы будем говорить в разделе «Семантика». Если к вопросу подходить с этой точки зрения, то он, конечно, к грамматике прямого отношения не имеет. Однако, образование новых слов, конвергенция и словоизменение относятся к грамматике, ибо они формируются при помощи грамматических операций. Возьмем в азербайджанском языке суффикс /-лы/⁴, с помощью которого можем образовать носителя действия, а также и прилагательное с выражением отношений. Срв.:

/Kürdämirlı/	(кюрдамирец);
/zərdablı/	(зардабский);
/atlı/	(наездник),
/zıjalı/	(образованный) и т.д.

Спорным является вопрос о уменьшительных словах. Можно ли их отнести к лексикологии или к грамматике. Одни говорят, что категория уменьшительности относится к грамматике. Слово /девчонка/ – обычное обращение в устах матери к взрослым дочерям. Поэтому уменьшительные слова должны быть отнесены к грамматике. Другие считают, что это не новые слова, и потому должны быть рассмотрены в лексикологии. Все это показывает, насколько трудно отнести словообразование к той или иной отрасли языкознания. Так же обстоит дело с категорией вида или с категорией предельности/ неопределенности.

Особо стоит вопрос о сложных словах. В немецком языке часто атрибутивные сочетания совпадают с сложными словами, с так называемыми композитами. Они относятся к мор-

фологии, потому что при их образовании участвуют морфемы /-s / или /-en/. Они обычно приводятся в словарях, но атрибутивные сочетания никогда не даются в словаре.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что не меньше доводов можно привести в пользу того, чтобы отнести словообразование к грамматике, чем к лексематике.

Надо сказать, что развитие языковедения стало возможным благодаря исследованиям в области фонетики. Даже грамматика Панини (IV век до н. э.) имеет определенные описания звуков и их сочетаний, слогов и высказываний на языке санскрит⁹. Современные книги по языковедению содержат главы о фонетической структуре языков. Фонетика как раздел языковедения занимается формальной структурой языковых единиц, она не имеет прямого отношения к содержательной стороне сказанного. Напротив, грамматика занимается содержательной стороной языка. Но в языке есть такие явления, которые в одинаковой степени относятся и к фонетике и к грамматике. Например, флексия, аблаут, брехунг или умлаут в немецком языке. На этот счет наблюдается два противостоящих друг другу мнения. Одни настаивают на том, что, их следует изучать в фонетике, так как они появляются как результат изменения в звуковой оболочке слов. Например,

/Gast/- / Gäste/ (гость-гости), но
/Tag/-/Tage/ (день-дни) и т.д.

Другие же полагают, что все изменения, вызывающие изменения грамматического значения, должны изучаться в грамматике. Например, так называемый конъюнктив в немецком языке должен рассматриваться в грамматике.

Или другой пример. Интонация, как известно, имеет фонетическую природу, потому и должна изучаться в фонетике. Но одновременно с этим она связана с формированием коммуникативных единиц языка, потому и должна изучаться в синтаксисе.

Думается, что правильным будет сказать, что области лингвистики связаны между собой, так как язык представляет собой неделимую единую систему.

Сегодня уже никто не спорит относительно того, что язык как многоярусная система состоит из конкретных ярусов, каждый из которых изучается одним разделом. И общее языкознание представляет собой как бы систему этих ярусов. О лексикологии и фонетике мы говорили выше. Теперь рассмотрим связь языкознания с морфологией и синтаксисом.

Морфологически парадигмы существуют для выражения синтаксических отношений. Но это вовсе не значит, что морфология не самостоятельна. Если бы она была полностью подчинена синтаксису, тогда каждое синтаксическое значение должно было иметь свою собственную форму выражения. В русском языке есть именительный и винительный падежи. То же самое имеет место в немецком языке. У неодушевленных существительных русского языка нет различия между этими падежами. А в немецком языке существительные среднего и женского родов, а также во множественном числе всех родов по этим двум падежам полностью совпадают. Однако это не отвергает идею о самостоятельности морфологии и синтаксиса. Но определение морфологии как учение о слове не совсем верное, так как в языке есть целый ряд слов (партикли, союзы, предлоги), которые совсем не изменяются. Поэтому правильнее было бы определить морфологию как учение о морфеме, лучше называть эту дисциплину морфемикой или морфематикой. Тогда и все образующиеся и изменяющиеся и неизменяющиеся, в том числе традиционно называемое учение о частях речи можно отнести к морфемике (морфематике). Л.В.Щерба ставил вопрос так: куда отнести, например, существительные: к синтаксису или к морфологии? Слова /dom/, /tom/ и т.д. не потому существительные, что они склоняются, а существительные, потому и склоняются. Части речи образуют особый отдел грам-

матики, так как они есть результат научной группировки лексикона языка.

3.6. Языкознание, физика и математика. Языкознание теснейшим образом связано с физикой и математикой. Связь эта проявляется прежде всего в возможности исчисления элементов языка и исследовании его физической субстанции современными методами математики и физики. Современная лингвистика стремится к выявлению математической модели языка и акустической природы воспроизведенного и воспринятого.

Сказанное на языке доходит до адресата благодаря звуковым волнам, в которых манифестируется языковая система в виде звуковых последовательностей. Эти звуковые волны обладают физическими свойствами, которые изучаются в акустической физике, из которой фонетика черпает всю необходимую информацию, при помощи которой выявляются релевантные и редундантные признаки. Например, в русской фонеме [t^o] переднеязычный, смычно-взрывной и твердый являются релевантными, но в слове [t^out^h] у первого согласного /t/ огубленность, а у последнего согласного /t^h/ придыхательность являются редундантными признаками. Все это исследуется применением математических формул, определяются случайные и закономерные явления. При помощи статистической методики выявляется частота встречаемости каждой единицы, что очень помогает решению многих проблем, связанных с обучением языку. Она позволяет построить частотные словари, выявить принадлежность текста к тому или иному автору. Обо всем этом будет сказано в соответствующих разделах этой книги.

Языкознание сделало большой шаг вперед благодаря теории информации и кибернетике. Теория информации и кибернетика значительно расширили возможности применения методов точных наук к языку.¹⁰ Передача информации на дальние расстояния при меньшем расходе, усовершенствование систем коммуникативных устройств и автоматическое управление сложными системами стали возможными благодаря сотрудни-

честву инженеров связи с лингвистами, психологами и физиологами. Изучение акустической структуры сообщений и законов воспроизводства и восприятия сообщений имеет не только теоретическое, но и чисто прикладное значение. Например, в немецком языке переданное сообщение будет неверно понято, если в предложении $\wedge \text{v} \text{nz} \text{ə} \text{r} \text{ə} \text{ } \text{ʃ} \text{t} \text{a} \text{t} \text{ } \text{ɪ} \text{s} \text{t} \text{ } \text{z} \text{e} \text{:} \text{r} \text{ } \text{f} \text{ö} \text{:} \text{n} //$ “Unsere Stadt ist sehr schön” (Наш город очень красивый) вместо краткого /a/ будет употреблен долгий /a:/. Или же в азербайджанском языке общий вопрос формируется удлинением гласного последнего слога. Ср.: $\text{ʔ} \text{s} \text{ə} \text{n} \text{ } \text{k} \text{i} \text{n} \text{o} \text{j} \text{a} \text{ } \text{g} \text{e} \text{d} \text{i} \text{r} \text{ } \text{s} \text{ə} \text{:} \text{n} ?$ Здесь несоблюдение этого признака послужит неверным восприятием этого предложения. С фонетической точки зрения различие здесь базируется на одном признаке. Из этих примеров вытекает, что при техническом решении проблемы понимания посланной информации (при телефонном разговоре, телеграфе или телексе) необходимо соблюдать не только правила системы сегментных, но и суперсегментных единиц.

Правила противопоставления сообщений, передаваемых комбинацией различающихся между собой сигналов, принято называть в технике связи кодом, а сам процесс – закодированием. А расшифровка этой информации со стороны получателя – декодированием. Декодирование означает определение правил о том, с чего начинается сообщение и чем оно кончается.

В зависимости от того, на скольких сигналах базируется закодирование, различают бинарный или тернарный виды его. К тернарному виду относится азбука Морзе, где используются три сигнала: точка, длинный сигнал и пауза. Наиболее частотные фонемы обозначают простым, а наименьше употребительные – их комбинацией. Ср.:

/e/- (.), /a/- (.-), /t/- (-), / m / - (- -), / i / -(.), / r / - (. -).
Предложение /Atam mat etmir// будет иметь такую форму:

/ a t a m m a e t m i r //

/ . - / - / . - / - - / - - / . - / . / / - / - - / . // . - //

Теперь можно говорить об измерении количества и неопределенности информации. Более того, возможно измерять реальную нагрузку каждой фонемы, каждого слова, каждого предложения или всего текста. Процесс измерения неопределенности информации называют энтропией, а единицей измерения –битом (от английского словосочетания (binary digit-двоичная единица).

Если мы исходим из того, что инвентарь азербайджанских фонем насчитывает 32 (без заднеязычной фонемы /k/), и если вероятность появления всех фонем равная, то появление каждой нашей фонемы можно исчислять по формуле $M \frac{32}{\log m} = \frac{H_0}{\log m}$

$H_0 = \log_2 32 = 5$ битов информации. Это значит, что при равных условиях появление каждой нашей фонемы ровняется 5 битам информации. Если соберем все наши фонемы в одном сундуке и путем вытаскивания оттуда каждой фонемы создадим слово, то у нас будет формула так:

$\frac{1}{32}$ · На основе двоичной логарифмы мы получаем следующую картину: $\log_2 32 = 2.2.2.2.2 = 5$ битов

Однако в реальной речи появление наших фонем не равновероятно. На их встречаемость оказывают влияние фонологические (фонотактические), морфологические, лексические, синтаксические, семантические факторы. С учетом этих факторов энтропия наших фонем может быть измерена так:

$H_0 = \log_2 32$; $H_i = -P_1 \log_2 P_1 - P_2 \log_2 P_2 \dots - P_{32} \log_2 P_{32}$, $H_0 = 5$ битов. Но если применим другую формулу, то получим эти данные: $H_1 = 4,35$, $H_2 = 3,52$, $H_3 = 3,01$ битов.

3.7. Энтропия и избыточность в языке. Разработка вероятностной модели языка в значительной степени помогла бы ускорению решения проблем автоматического перевода и общения человека с машиной. В языке каждая единица имеет как максимум, так и минимум энтропии, причем, по расчетам специалистов, максимум энтропии. Но не может быть меньше чем

минимум энтропии, т.е. H_0 всегда больше, чем H_∞ . С другой стороны, он может быть достаточно близким к H_∞ . Разницу, обозначающую отношение минимальной энтропии к максимальной меньше, чем на одну единицу

$$(R = 1 - H_\infty)$$

H_0

К.Шеннон называет избыточностью или редундантностью языка. По данным братьев И. Ягломов избыточность информации в языке равна приблизительно 50 %.¹¹ Другими словами, выбор следующего знака в тексте в 50 % -х определяется структурой языка и в очень малой степени зависит от случайности. Именно поэтому в телеграммах предлоги и союзы опускаются, тем не менее текст можно понять. В устной же речи избыточность информации восполняется паралингвистическими и суперсегментными средствами.

Если исходить из наличия 26 букв в латинском алфавите, то можно еще одну единицу добавить для обозначения пробела между графемами. Следовательно, частота употребления одной графемы здесь будет равна по формуле $H_0 = \log 27 \approx 4,76$ битов информации. Но исчисление должно вестись для каждого языка отдельно, потому что употребление графем специфична для каждого языка. В немецком и английском языках «W» и «K» обладают большей частотой употребления, а во французском языке частота их употребления почти нулевая. Сочетание графем в английском языке «TH» и «SCH» в немецком языке больше употребительны. В немецком языке после «C» всегда идет «H». Ниже приводится энтропия графем по четырём языкам:

языки	англ.	нем.	франц.	исп.
H_1	4,03	4,10	3,96	3,98 bit ¹²

Итак, вероятность появления каждой графемы (энтропия) в каждом из этих четырех языков меньше, чем средне-теоретическое значение появления графем по латинской графике. В

азербайджанском и русском языках эта цифра равна 5-и битам, так как в этих языках количество букв на 6 знаков больше, чем в латинском алфавите. Сегодня мы больше знаем о применении математических методов к языку, чем два десятилетия тому назад.

Исследования в этой области позволили установить закономерности встречаемости отдельных элементов в письменной и устной речи. Например, в английском языке морфема /ðə/ в начале предложения встречается очень часто. Согласная фонема /ŋ/ в начале английских слов не встречается. В то время как встречаемость фонемы /ð/ в этой позиции очень высокая. Более того, можно измерить также частоту появления вторых, третьих и т. д. фонем в речи. Например, встречаемость /ə/ после согласного /ð/ очень высока.¹³ Здесь уместно говорить об избыточности, которая заимствована из теории информации и под которой понимается различие между теоретически возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством информации. Например, из событий с двумя исходами, избыточность каждого события равна 50 - %-там.

В азербайджанском языке в суффиксах появляется гласная /ü/, если в предыдущем слоге реализована либо /ü/, либо /ö/. В результате образуется большая избыточность. Ср.:

- /üz+üm+ü / «лицо; мое лицо»;
- /göz+üm+ü/ «глаз; мой глаз»;
- /söz+ü+mü/ «слово мое слово»

Избыточность - это не недостаток языка, а важная черта, без которой язык не мог бы функционировать. Источниками избыточности в языке являются различия в частотности языковых единиц, ограничения, налагаемые фонотактическими моделями и морфолого-синтаксическими правилами. В устной речи источником выступают факторы, которые объединяют под общим термином «шум». Шум снижает эффективность системы связи. Искажение сообщения можно избежать повторением или

некоторыми другими способами. В телефонном разговоре при плохой слышимости мы прибегаем к побуквенной диктовке или передаче при помощи названий букв или передаче каждой буквы в начале какого-то слова. Например, «АВС» /ейбиси/ или «ФИФА» (Федор, Инесса, Фантом, Аня). Тем самым мы увеличиваем избыточность, когда хотим устранить большой шум на линии связи. Избыточность хорошо иллюстрируются при рассмотрении фонемных и аллофонемных особенностей. В азербайджанском языке во фразе /göstərməkdədir// (он продолжает показывать) гласные верхнего подъема обозначим через В (высокий подъем), тогда приведенный пример можно передать так: /göstBrmBkdBdBr/. Структура слова имеет избыток избыточности, так как предшествующие слоги с гласным предопределяет его формальное отождествление. Устранение избыточности и передача ее транскрипционным знаком сокращает среднюю избыточность гласных в азербайджанском языке. На аллофоническом уровне мы сталкиваемся с большой избыточностью. Но на фонемном уровне многие условия, вызывающие варьирование фонем, устраняются. В речи обычно используется приблизительно 50 дв. ед. информации в секунду.

Таким образом, теория связи открывает новые перспективы в области изучения языка.

3.8. Литература и замечания

¹ Searl J. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt. /am Main, 1983, s. 12

² Katz J. Philosophie der Sprache. Frankfurt am/ Main, 1971, s. 13

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, стр.131; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987

⁴ Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию. М., 1977, стр. 54

⁵ Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике. «Актуальные пробл. совр.линг.-ки». М., 2009, стр. 194

⁶ Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007, стр. 25

⁷ Slype G.van, Guinet J.F., Benezam S.S. Better Translation for Better Communication. Pergamon Press, Oxford, 1983

⁸ Veysəlli F.Y. Semiotika. Bakı, 2010

⁹ Fromkin V, Rodman R. An Introduction to Language. 6 .Ed. Harcourt Brace College Publishers, 1998, p. 53

¹⁰ Здесь и дальше текст содержит ту часть нашей книги, которая опубликована сначала на азербайджанском языке в Баку в 1993 году. См.: Yadigar (Veysəlov - Veysəlli) F. Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993. Эта книга переведена на турецкий язык д-ром филол.н., проф. М. Мусаоглы и издана в Анкаре: Prof. Dr. Veyselli F. Azerbaycan türkcəsi fonetiği. Kültür Ajans Yayınları, N:35. Ed.H. İvgin, Ankara, 2008

¹¹ Яглом А. М. , Яглом И.М. Вероятность и информация. М., 1973, стр. 245

¹² Там же, стр. 248

¹³ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 2007, стр. 369

¹⁴ Там же, стр. 375

3.9. Вопросы по третьей главе

1. Каковы связи языкознания с другими дисциплинами?
2. Как можно определить место языкознания среди гуманитарных наук?
3. Каковы связи языкознания с точными науками?
4. В чем выражается тесная связь языкознания с физикой?
5. Можем ли мы сегодня говорить о математической модели языка?
6. Можем ли мы рассказать о связи языкознания с математикой?
7. В чем отличие философии языка от лингвистической философии?

8. Можете ли рассказать о связи языкознания с психологией, социологией, нейрофизиологией и т.д.?
9. Что такое энтропия и какое значение она имеет для языка?
10. Как можете определить избыточность на конкретном примере?

ГЛАВА IV

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

4.1. Сравнительно-исторический метод. Этот метод был одним из важнейших достижений младограмматиков. Путем сравнения языков, в основном родственных, с точки зрения восстановления их исторических состояний при помощи звуковых конструкций, этой школе удалось выявить семьи языков, родственных генетически: индоевропейские, тюркские и др. языковые семьи. Индоевропейские языки делятся на 10 групп: греческий, германские, индо-иранские, анатолийский, тохарский, армянский, албанский, латынский, кельтский, балтославянские.¹ Здесь большую роль сыграли Я.Гримм, Р.Раск, Ф.Бопп, А.Шлейхер, Г.Пауль и др. Именно Я.Гримм изобрел законы первого и второго передвижения фонем. Первое принято называть германским, потому что оно отделяет германские языки от других индоевропейских языков, а второе называется немецким, поскольку оно позволяет выделить немецкий язык из всех германских языков.²

Первое передвижение охватило консонантизм так, что индоевропейские глухие смычно-взрывные /p(h), t(h), k(h)/, кроме следующих сочетаний /sp, sk, st/, перешли в соответствующие щелевые /f, ρ(engl.th), x (ch)/, а звонкие /b, d, g/ перешли в глухие смычно-взрывные /p, t, k/ и, наконец, звонкие придыхательные смычно-взрывные /bh, gh, dh/ перешли в звонкие щелевые /σ(w), δ (engl.th in the, g (северонем. g in Tage)/. Срв.:

lat. pater	-----	нем. vater	(отец)
lat. cornu	-----	нем. Herz	(сердце)
lat. tres	-----	нем. Preis	(цена)
griech.skythish	-----	βαίρη	----- нем. Kleid (одежда)

lat. genu ----- нем. Knie (колени)
 lat. duo ----- нем. zwei (два)
 lat. hostis ----- нем. Gast (гость)

В названном выше процессе преобразования глухие щелевые /f, p, x (позже h)/, а также один единственный щелевой согласный, который засвидетельствован в индоевропейском языке, а именно /s(β)/ (в нем. /Reißen/ (порвать)), стали позже звонкими, /b, d, g, z/ (-s в нем /reisen/ (путешествовать)), если в индоевропейском языке непосредственно предшествующий слог не носил ударения (закон Вернера (1846-1896)). Ср.:

гот. broþar – i e. bhrater – древнеангл. bhratar – гот. fadar-
 древнеинд. pit`ar (брат)

Второе передвижение фонем (VIII век нашей эры) имело место, когда смычно-взрывные превратились в аффрикаты в начале слов, после согласных или их двойного написания. Ср.:

/p/ ----- /pf /: гот: paida, двн. pfeit. (одежда)
 /t/ ----- /(t)z/: гот: taiknis, двн. zeichan (знак)
 /k/ ----- /kch/: гот: kaisar, двн. kcheisa (кайзер)

В других случаях, т. е. инлауте, между гласными и в ауслауте после гласных они стали щелевыми. Ср.:

гот. greipan ----- двн. gri:ffan (схватить)
 гот. le:tan ----- двн. la:zzan (вынуждать)
 гот. ik ----- двн. ih (я)

Германские /b, d, g/, из которых второй уже в донемецкое время превратилось в /d/, стали /p, t, k/. Ср.:

гот. brinnan ----- двн. prinnan (гореть)
 гот. diups ----- вн. tiof (глубокий)
 гот. giban ----- двн. keran (дать)³

А.Шлейхеру принадлежит идея о воссоздании праязыка, названного прагерманским. Он работал в Праге, летние кани-

кулы проводил в Литве, где и собрал литовские песни. На основе согласных санскрита, гласных греческого языка и литовской инфлексии он создал басню из девяти строк на протогерманском языке под названием «Овцы и лошади» (*Avis akvasas ka*), которая была позже резко раскритикована К.Бругманом, Г.Остгофом, Г.Паулем, Б. Дельбрюком и т.д.

Младограмматики признавали только исторический подход к языку. Для них главным был вопрос о причинах языковых изменений. Это понятно, так как это диктовалось их пониманием сущности языка как индивидуально существующего в сознании человека явления. Выявляя фонетические законы, они намередовались постичь историческое состояние языков. Они относили язык к культурологическим ценностям.

4.2. Структурный и типологический методы. Одним из первых исследователей, обратившим внимание на структурный анализ языка, был, несомненно, И.А.Бодуэн де Куртенэ. Именно он впервые применял к анализу языка структурные методы, заключающиеся в сегментации речевого потока. На примере */Jaz`ija rozı joxdi//* (Что написано пером, того не вырубишь топором) он показал возможность членения этого предложения на элементарные значимые единицы. В приведенном выше предложении */yazi`ja/* (написано) имеется четыре значимые единицы, которые он впоследствии называл морфемами: */yaz+i+j+a/* (на+пис+ан+о): */jaz/* – корень слова, */-i/* – окончание основы, */j/* – соединительный элемент между двумя гласными и */a/* – окончание дательного падежа (в русском языке */на/* префикс, */пис/* – корень глагола, */a/* – суффикс глагольного класса, */н/* – суффикс страдательного причастия, */-o/* – окончание среднего рода. Он обосновал двоякое членение потока речи. Одно из них он называл произносительно-слуховым, а второе – семасиологическо-морфологическим. Первое можно было бы сегодня именовать формальным, а второе – семантическим. При первом членении, называемым фонетическим или произносительно-слуховым, И.А.Бодуэн де Куртенэ выделял ряды произноси-

мых слов (здесь он ссылается на стихи), произносимые слова, объединяемые подчинением ударному слогу, слоги, фонемы и отдельные свойства фонемы.

А при втором членении он выделял синтагмы (сюда он относил слова, делимые с морфологической, но не делимые с синтаксической точки зрения, постоянные выражения, неизменяемые сочетания нескольких слов и просто слова), морфемы и части морфем.⁴ При этом он был первым, кто последовательно применял метод противопоставления, т.е. работал с квазиомонимами задолго до появления этого метода в зарубежной лингвистике.

Типологический метод является одним из древнейших методов исследования языка. Будучи универсальным, он базируется на сравнении двух и более языков.

Различаются два вида сравнения: субстанциональное (звучание) и не субстанциональное (семантическое сравнение). Классическое языкознание опиралось в основном на сходства и различия в выражении языковых значений. Общетипологическое рассмотрение определяет изоморфные (сходные) и алломорфные (различные) явления, постоянно изменяющиеся конститuentы иерархической системы. Сравняться могут языки родственные и неродственные, два и несколько языков, географически близкие языки. В зависимости от этого можно выделить генеалогические, системные и ареальные типологии.

Собственно лингвистическая типология прошла несколько этапов. Самой античной типологией можно называть попытки греческих философов выяснить отношения между предметом и его названием. Выше мы упомянули натуралистов и конвенционалистов.

Второй этап лингвистической типологии характеризуется появлением грамматических учений или теорий. Третий этап в лингвистической типологии ознаменовался появлением грамматики Пор-Рояля (1660).

Особо следует отметить появление сравнительного языкознания, которое охватывает три этапа:

А сравнительно-историческое языкознание, крупнейшим достижением которого считается определение связей родства между языками.

Например, семью тюркских языков М. Мусаев подразделяет на следующие группы:

а) огузская группа-тюркский (72 мил., в основном в Турции), азербайджанский (45-50 мил., в северном и южном Азербайджане, Грузии, РФ), туркменский (6 мил., в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, РФ, Иране, Афганистане), гагаузский ((198 тыс., в Молдавии, Украине, Казахстане и Узбекистане), саларский (40 тыс., в Китае), балканский тюркский (число носителей не известно, в Крыму), сонкорский (35 тыс., в Иране), халаджский (20 тыс., в Иране), хорасанский (400 тыс., в Иране), язык иракских туркмен (3 мил., на севере Ирака).

б) карлыгская/уйгурская группа: узбекский (20 мил., в Узбекистане), уйгурский (20 мил., в Уйгурской АР Китая, в среднеазиатских республиках).

в) кыпчакская группа: казахский (10 мил., в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Китае, Монголии и Афганистане); киргизский (3 мил., в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане); татарский (6 мил., в ТАР), башгырдский (2 мил., в БАР); алтайский (60 тыс., в ААР); каракалпакский (1 мил., в КАР); карачаево-балкарский (300 тыс., в КЧАР, КБАР); ногайский (60 тыс. в Ставрополе, Астархани, Краснодаре и ДАР); кумыкский (300 тыс., в ДАР, Чечне, Ингушетии; крымский-татарский (300 тыс. в Крыму); крымчакский (2000., в Крыму); караимский (2600 чел., в Литве, Польше, на Украине); алабугатско-татарский/ногайский (500 чел., в Калмыкии); астарханско-ногайско-каракашский (5.000 чел., в Красноярском крае), татарский или астарханский-ногайский (5.000 чел., в Астархани); барабинский-татарский (8 тыс., в Новосибирске);

г) киргизско-йенейский или хакасская группа: хакасский (85 тыс. в ХАО); шорский (10 тыс., в сибирском Алтае); чулумский (число не известно, в Чулумкой области); желтойгурский (15 тыс. в Китае); киргизский фу-ю (в Манджурии, число не известно);

д) тувинская группа: тувинский язык (3500 чел., в ТАР); тофаларский - карагаский ((500, в Иркутске);

ж) якутская группа: якутский или саха (400 ты., Я(С)АР); долганский (7 тыс. в ЯАР);

з) болгарская группа: чувашский (2 мил., в ЧАР); урумский (число не известно, в Азовском бассейне)⁵.

Б) сравнительно-типологическое языкознание изучает типы языков независимо от их родства.

В) теоретическое языкознание изучает философию языка, общелингвистические направления и концепции

Языкознание XX века характеризуется изучением проблем лингвистической философии, психо- и социолингвистики, а также вопросов когнитивной лингвистики, нейролингвистики и компьютерной лингвистики. И, наконец, современное языкознание занимается структурой языка, выявлением его знаковой сущности, связей между знаковыми системами, лингвистической методологией и лингвистическим моделированием.

4.3. Этапы развития сравнительно-типологического метода. Сравнительно-типологическое языкознание для достижения современного уровня прошло три периода, из которых первый связан с интерпретацией возникновения языка. При этом не легко точно определить грани этого периода. В последнее время этот метод обогащался новыми ценными исследованиями языков приматов и детей. Предполагается, что в этот период преобладают эмоционально-экспрессивные и словесно-холифрастические (выражения в виде отдельных слов и неполных предложений) средства выражения.⁶

Ко второму периоду можно отнести исследования по отдельным национальным языкам. Здесь очень много нерешен-

ных вопросов в отношении определения всех языков мира. А их насчитывается свыше 6 300 языков.

К третьему периоду относятся исследования по определению структурных типов языков, четкое разграничение письменного и устного языков, а также отделение языка от речи.

Следует отметить, что во все времена становления типологического исследования языков были стихийные сравнения (возникновения грамматик, трактатов, аналогии), которые продолжали до периода ренессанса. Затем появляются сравнительные грамматики языков на разных уровнях. Грамматика Пор-Рояля и «Divani-lügəti-it türk» М.Кашгари были универсальными трудами по языкам. Затем начинает появляться историко-сравнительное языкознание. И, наконец, на сцену выходит настоящая лингвистическая типология.

4.4. Литература и замечания

¹ Potter S. Our Language. London, стр. 5; Polenz P. von. Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1978, s. 11-34

² Polenz P.von. Указ. соч., стр. 11-34

³ Bartschaft M. Methoden der Sprachwissenschaft. Berlin, 1989

⁴ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по языкознанию. М., АН СССР, 1963, том 2, стр. 219-259

⁵ Musayev M. Türk ədəbi dillərində mürəkkəb cümlə sintaksisi. Bakı, 2011, s. 14-22

⁶ Гак В. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1977; Буранов Дж.Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М., 1983

4.5. Вопросы по четвертой главе

1. Какие методы исследования языка были использованы в истории лингвистики?

2. Когда и кем сформулировались принципы языковых изменений?

3. Что можете сказать о малограмматическом подходе к языку?
4. В чем состоит основное кредо младограмматического анализа языка?
5. Какова роль И.А.Бодуэна де Куртенэ и Ф.де Соссюра в развитии лингвистических исследований?
6. Как и при каких условиях появились структурные направления в языкознании?
7. Чем отличаются формальные и семантические аспекты анализа языка?
8. В чем заслуга сравнительно-исторического языкознания в генетической классификации языков?
9. Можете ли дать генетическую классификацию языков мира, включая индоевропейскую и тюркскую семьи языков?
10. В чем основные особенности сравнительно-типологического языкознания?

ГЛАВА V

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

5.1. Пражская лингвистическая школа (ПЛШ). В современном языкознании имеется несколько направлений, которые отличаются друг от друга не только своей целью, но и своим подходом к анализу языкового материала. Но сначала поговорим о классических школах, которые на распутье XIX и XX веков формировали науку о языке. Это, прежде всего, пражский функционализм, американский дескриптивизм, датская глоссематика, объединенные под общим названием структурализма.

Камнем преткновения структурной лингвистики была мысль о том, что язык является системой отношений, которые лучше всего проявляются в фонологии и грамматике. При таком подходе несколько в тени оставалась семантика. Это означало конец младограмматизма, для которого были характерны атомизм, позитивизм и субстанционализм. Структурализм пренебрегал внеязыковыми факторами, основывался на системно-структурных связях. Это предполагало объективность при анализе языка, потому он выступал за применение методов, разработанных представителями естественных наук. Таким способом можно выявить отношения между единицами языка, их взаимообусловленность.

Первая школа появилась до второй мировой войны, в то время как два остальных получили развитие после второй мировой войны. На формирование всех этих школ серьезное влияние оказали идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ и Ф.де Соссюра. При этом результаты по анализу языкового материала зависели от того, как они подходили к проблеме членения языка.

О том, как И.А.Бодуэн де Куртенэ осуществлял членение потока речи, мы говорили выше. А пражцы во главе с чешским

англистом В. Матезиусом (1882-1945) начали разрабатывать новую теорию членения предложения, которая в дальнейшем получила название актуального членения предложения. Официально Пражская лингвистическая школа берет свое начало с 1926 года, когда появилась статья В.Матезиуса под названием «О потенциальности языковых явлений». В эту школу входили В.Исаченко, три ученых из России, а именно Н.С.Трубецкой (1890-1938), Р.О.Якобсон (1896-1982) и С.О.Карцевский (1884-1955). Далее в эту школу примкнули слависты Б. Трнка (1895-1984), англист И.Вахек, а также романист А.Мартине, который с 1929 года сотрудничал с пражцами, потому и кружок или школа (ПЛК) стала называться также функциональной. Эта школа издавала специальный сборник под названием «Travaux de Cercle Linguistic» до захвата гитлеровцами Чехию. Всего вышло 8 томов этого сборника, который с 1939 года прекратил свое существование. И только с 1958 года был восстановлен журнал под названием «Travaux Linguistic de Prague».

5.2. Характеристика ПЛШ. Идейнными истоками служили труды И.Зубатова, который несмотря на свое младограмматическое прошлое сумел преодолеть младограмматизм. Кроме этого, большой толчок развитию этой школе дали ученые не чешского происхождения, такие как И.А.Бодуэн де Куртенэ¹, Ф.де Соссюр, Л.В.Щерба, А.М.Пешковский (1878-1933) и др. На заседаниях кружка выступали Г.О.Винокур (1896-1947), Б.В.Томашевский (1890-1957), Е.Д.Поливанов (СС) (1891-1938), К.Бюлер (1879-1663 – Австрия), В.Дорошевский (1899-1976 – Польша), А.Мартине (Франция), Д.Джоунз (1881-1967) (Англия) и мн.др.

Если ответить на вопрос о том, в чем состоит вкратце характеристика этой школы, то она сводится к следующему:

а) пражцы заявили о функциональном подходе к языку, т.е. в отличие от младограмматиков, которые искали причины звуковых изменений, пражцы исходили от цели. Функциональный подход позволял увидеть внутренние связи в языковых яв-

лениях при выполнении ими коммуникативной функции. Далее язык рассматривается ими во всех общественных проявлениях, что чуждо глоссематикам. С точки зрения современной лингвистики структура понимается как организация внутренне взаимосвязанных элементов, функция есть пути их взаимовлияния, а система есть совместное существование структуры и функции. Потому и позже Пражскую школу называли структурно-функциональной школой.

Функциональная лингвистика признает звуковую, субтанциальную сторону языка, в то время как глоссематики исходят из отношений между объектами.

Пражцы признают преимущество синхронии, но не выступают за резкое разграничение синхронии и диахронии.

Конкретным вкладом в развитие лингвистики можно считать их фонологическую теорию, особенно разработку теории типологии фонологических оппозиций, которая принадлежит Н.С.Трубецкому. Он же инициатор выделения особой науки, называемой им морфонологией и резкого разграничения фонологии и фонетики. Н.С.Трубецкой исходил из трех функций К.Бюлера: экспрессивной, аппелятивной и экспликативной функциях². Первые две он относил к фонологической стилистике, а последнюю собственно к фонологии. В экспликативном плане он выделил три функции: 1) кульминативную (количество ударений указывает на количество слов); 2) делимитативную (демаркационную или разграничительную) функцию. Например, сильный приступ (кнаклаут) в немецком языке, который указывает на границу морфем и лексем. 3) смысловозначительную (дистинктивную, различительную) функцию. Например, азерб. /da/ (камень), /ga/ (перстень), /ba/ (голова).

Мы фонологические концепции ПЛШ будем детально рассматривать в разделе о фонологии. Здесь же ограничимся кратким изложением других положений пражцев.

Н.С.Трубецкой различал максимальные и минимальные различия, что в какой-то степени соответствует московским

понятиям сильной и слабой позиции. Из этого он сделал вывод, что необходимо различать постоянные и нейтрализуемые оппозиции. Например, оппозиция /i/ и /u/ в русском и немецком языках является постоянной, а /p/ и /b/ - непостоянной или нейтрализуемой. Срв.: /p'it'/ (пить) - /put'/ (путь), /kɪnde/ "Kinde" (ребенку) - /kunde/ "Kunde" (клиент), /lop/ (лоб) - /lʊbu/ (лбу), /zi:p/ "Sieb" (сито) - /zi:be/ "Siebe" (в сите) и т.д.³

По вопросу о вариантах, особенно о том, куда их отнести, пражцы колебались, так они исходили из противопоставления языка и речи. Один из представителей этой школы Новак писал, что варианты есть проявление речи. Однако В.Скаличка относил варианты к языку, считая их устойчивыми единицами. Такая позиция близка к щербовской и к позиции Э.Косериу и Ф.Вейсялли, которые исходят из трихотомической концепции, согласно которой между манифестацией и языком существует уровень, который можно называть уровнем нормы и которым занимается отдельная наука - орфофония. Особо следует отметить учение пражцев о пограничных сигналах, что непосредственно относится к разграничительной функции звуковых единиц языка.

5.3. Актуальное членение предложения. Следующим вкладом пражцев в лингвистику является, как подчеркивалось выше, учение об актуальном членении предложения, связанное с именем В.Матезиуса. До него были определенные концепции о членении предложения, как например, высказывания французского исследователя немецкого происхождения Г.Вайле. Нельзя забывать заслуги Г.Пауля, разработавший концепцию о психологическом субъекте и предикате. Однако В.Матезиус ставил в центр своего учения информационную ценность, которой нагружено предложение. Согласно этому тезису в предложении участвует всегда два центра, из них более важный называется ремой, который, собственно говоря, содержит новое в информации, а второй - темой, о которой говорится в предложении. Например, в предложении /stu'd'enti `nafevΛ `vuzΛ/

пъхл d'ili's' v mu ``z'eje// (Студенты нашего вуза находились в музее) тематическая часть находится в начале предложения /Студенты нашего вуза/, а рема следует сразу после нее, выражая главную, новую мысль в этом предложении: /находились в музее/. Такое противопоставление смысловых частей предложения хорошо демонстрируется в языках с артиклем. Например, в немецком и английском языках присутствие определенного артикля обычно свидетельствует о выражении старого, в то время как неопределенный артикль служит выражению нового. Ср.:

/hi /iz ə ``ti:tfə// “He /is a teacher”; /ðə ti:tfə/ iz mai ``bra:də// “The Teacher/ is my brother”

/^`e.R / 1st ``le:rəR// „Er /ist Lehrer“; /de.R ``le:rəR/ 1st maen ``bru:d/// „Der Lehrer /ist mein Bruder“ (он учитель), (учитель – мой брат)

В этих примерах часть высказываний до синтагматической паузы (/) является темой, а часть после нее - ремой.

У пражцев много интересного можно найти в области литературной нормы, ее соотношении с диалектами, о стилистике и социальной функции языка.

5.4. Датская глоссематика. Вторая школа, которая интенсивно разрабатывала методы структурного анализа языка в Европе, называется глоссематикой или датским структурализмом, официально заявившем о себе уже в 1935 году на втором Международном конгрессе фонетических наук, хотя уже в начале 30-х годов действовал фонологический кружок. Возглавляемый Л.Ельмыслевым (1899-1965) и его ближайшим соратником В.Брендалем (1887-1942) этот кружок начал выпускать с 1934 года журнал под названием «Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhagen». А с 1939-го года копенгагенцы совместно с пражцами начинают выпускать «Acta Linguistica Revue Internationale de Linguistica Structurale». Теоретические идеи этого направления содержатся в известном труде Л.Ельмслева⁴. Что характерного мы находим у представителей

этой школы? Если даже согласиться с тем, что они в своем учении опирались на идеи Ф. де Соссюра, хотя у последнего нет вообще понятия структуры, тем не менее копенгагенцы за основу своего учения брали именно понятие структуры. Говоря о языке, Л. Ельмслев пишет так: «Язык не есть конгломерат из лингвистических феноменов, он есть самостоятельное целое, sui generis структура»⁵ Л. Ельмслев писал: «Нет надобности говорить о тех выводах, которые вытекают из применения структурного метода в лингвистике. Достаточно указать, что лишь благодаря структурному методу лингвистика, окончательно отказавшись от субъективизма и неточности, от интуитивных и глубоко личных заключений (в плену которых она находилась до самого последнего времени), становится способной превратиться, наконец, в подлинную науку ... как лингвистика станет структуральной, она превратится в объективную науку.»⁶

Л. Ельмслев предъявлял к описанию языка три требования: оно должно быть свободным от противоречий, исчерпывающим и предельно простым. При этом требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания. А последнее предшествует требованию простоты.⁷

Далее он приводит три фактора, которые должны приниматься как теоретическая предпосылка любого описания. Это, прежде всего, интердепенденция, т.е. взаимозависимость, когда одно предполагает наличие другого. Например, в категории падежа любой падеж предполагает наличие другого. Затем идет детерминация, когда один член предполагает наличие другого, но не наоборот. Например, по требованию подчиняющего слова подчиненное принимает все признаки первого, но не наоборот. И, наконец, констелляция имеет место, когда оба члена являются совместимыми, но ни один из членов не предполагает существование другого. Каждый из этих факторов проявляет себя по-разному в зависимости от того, выступают ли они в системе или в процессе. Например, взаимозависимость в процессе – это солидарность, но между членами в системе ком-

плиментарность (гласные – согласные), детерминация в процессе это селекция (в, из, на и т.д.), но в системе спецификация. Далее констелляция в процессе - комбинация, а в системе – автономия.

Затем Л.Ельмслев различает план выражения и план содержания. Материальную субстанцию обоих планов он противопоставляет их формам. При этом он считает формы лингвистически существенными, в то время как субстанции выводятся за рамки собственной лингвистики. Схематически это можно проиллюстрировать так:

<p>План выражения</p> <p>материальная сторона выражения/ форма выражения звуковая сторона фонетика / фонология</p>	<p>План содержания</p> <p>субстанция содержания/ форма содержания. грамматика / семантика</p>
<p>ЯЗЫКОЗНАНИЕ (ГЛОССЕМАТИКА).</p>	

Материальная сторона есть отражение объективной действительности. В отличие от этого материальная сторона имеет фонетический характер. Л.Ельмслев отмечает, что язык – чистейшая структура отношений, это есть форма или схема независимо от практической реализации.

После этих теоретических и технических внедрений Л.Ельмслев приступает к методам анализа. Он вводит термины коммутация и субституция, под первым он понимает корреляцию в плане выражения, когда она имеет реляцию к корреляции в плане содержания. Под корреляцией он понимает отношения «или-или», а под реляцией отношения «и-и». Функцивы, которые включаются в эти функции, называют соответственно коррелятами и релятами. Систему он определяет как

коррелятивную иерархию, а процесс - как релятивную иерархию. Возьмем примеры из азерб.языка: /beş/ и /mal/, где /b/ и /m/ входят в лингвистический процесс, с дугой стороны, они образуют парадигму, входящую в лингвистическую систему. В /beş/ представлена конъюнкция или сосуществование, между /b/, /e/ и /ş/ или же между /m/, /a/ и /l/, но между /b/ и /m/ существует дизъюнкция или выбор, с точки зрения процесса /b/ - часть, а с точки зрения системы - он член.

Второй не менее важный инструмент, предлагаемый глоссематиками для анализа языка, является субституция, под которой понимается отсутствие мутации между членами парадигмы. Инварианты представляют собою корреляты с взаимной коммутацией, а варианты-корреляты с взаимной субституцией (стр.331).

5.5. Американский дескриптивизм. Среди современных лингвистических школ особое место занимает американский дескриптивизм. Для этой школы характерен подход к ярусам языка, а не к самому языку. Смешение уровней считается здесь не допустимым, т. е. тотальный принцип всеобщей сводимости текста (accountability) к количеству морфем. Американцы не исходят из абстрактных теорий, разрабатываемых на основе дедуктивного метода, как это характерно для копенгагенцев, они придерживаются на начальном этапе индуктивных методов и берут речевое воплощение языка как непосредственное его использование в конкретной ситуации. Эта школа формировалась в Ельском университете, причем основоположником ее был, с одной стороны, Э.Сепир (1884-1939), с другой, Л.Блумфильд. Л.Блумфильд начал свою деятельность как учитель немецкого языка. Продолжателями этой школы были Г. Глисон, Ч.Хоккет, З.Харрис (1909-1992) и др. Возникшая на основе изучения живых языков американских индейцев, и, руководствуясь положениями бихейвиористской психологии, т.е. исходя из непосредственного опыта и поведения, блумфильдовцы рассматривают язык в свете стимула и реакции и, следовательно, они рассмат-

ривают его как особая форма человеческого поведения. А это означает, что каждый индивид под влиянием внешнего фактора может проявить свое речевое поведение выпукло. Л.Блумфильд был убежден, что лингвистика исходит не из формы значения, а из фонетической формы.⁸

Дальнейшее развитие американской лингвистики связано с именем З.Харриса и Н.Хомского. Согласно первому, основная задача дескриптивизма сводится к выявлению дистрибутивных отношений между единицами языка и их аранжировки. Дистрибуция языковых единиц и их окружения позволяют выявить сегментации и идентификации языковых единиц- фонем и морфем.

Н.Хомский же отошел от таксономического принципа анализа языка и развивал свою трансформационно-генеративную лингвистику. В частности, он определяет язык как сеть синтаксических конструкций, т.е.как неисчисляемое множество предложений, состоящих из конечного числа элементов языка⁹.

Характерным для дескриптивистов является то, что они осуществляют членение языка чисто формально, где основными единицами выступают фонемы и морфемы. Ч. Хокетт подвергал сегментации речевой поток и в результате получил следующую схему:

План выражения

макросегмент
микросегмент
слог
фонема
дифференциальный
признак
иерархия звуковая

План содержания

sentences (предложения)
clauses (часть предложения)
phrases (высказывание)
words (слова)
morphemes (морфемы)
иерархия по содержанию

Американские лингвисты, в частности, один из крупнейших дескриптивистов Г.Глисон, стремятся к тому, чтобы связать уровни языка. Э. Бенвенист же заявлял на IX Междуна-

родном съезде лингвистов, что уровни он понимает как нечто, полученное в результате анализа языка. Для него форма и значение определяются друг через друга. Все единицы обладают определенной дистрибуцией и функцией на вышестоящем уровне. При анализе формы мы должны идти сверху вниз, а с точки зрения функции-снизу доверху.

Значение – это соотношенность языковых элементов с миром объектов.

Кроме того, они выделяют на уровне интонации единицы, наподобие фонемам. Так, например, Г.Глисон вслед за Л. Блумфильдом считает, что в английском языке есть 46 фонем, из них 35 сегментных единиц (24 согласных- /(/p, b, d, t, k, g, c, j, f, v, ð, θ, s, z, ʃ, ʒ, m, n, ŋ, l, r, w, y, h/) / и 9 гласных-/i, e, eə, ə, ɪ, a, u, o, ə/), один переход (/+/), 4 ударения (/˘ ~ ˘ ˘ /), 4 тона (/1 2 3 4 /) и 3 завершителя предложения (/ /)¹⁰.

Форму языкового элемента можно определить как способность этого элемента разлагаться на конститутивные элементы. А значение является составной частью высшего уровня. Знак же - минимальная единица предложения, которую можно опознать как идентичную в другом окружении или заменить другой единицей в идентичном окружении. В азербайджанском предложении /baş + tʃ ɟıxandan sonra rajon baş+sız galib// (После ухода главы район остался без головы) слово /baş/ идентифицируется как таковое, несмотря на то, что оно выступает в разном окружении. С другой стороны, морфемы /-tʃxɪ/ и /-sız/ тоже опознаются, хотя они выступают в идентичном окружении.

Слово обычно определяют как любую значимую самостоятельную единицу, основная функция которой является номинация. Однако эта дефиниция не удовлетворяет, поскольку служебные слова остаются здесь вне определения. Его называют иногда как наименьшую смысловую единицу, свободно воспроизводимую для построения высказывания.

5.6. Неогумбольдтианство или неоромантизм. Когда мы говорим о лингвистических школах, особо следует

отметить вклад немецкого исследователя, непосредственного продолжателя романтических идей В. фон Гумбольдта в науку о языке. Речь идет о Л.Вайсгербере (1899-1958), вошедшим в историю языкознания как основоположник неоромантизма.¹⁰

Он выделяет 4 этапа языковой жизни: языковая способность общества; язык культурного сокровища общества; язык каждого индивидуума и формы применения языковых средств. Однако, начиная с 40-х годов прошлого века, он изучает язык с точки зрения родного языка, рассматривая его как «сила духовного образа». Исходя из тезисов своего учителя В.фон Гумбольдта о том, что «язык – это постоянно действующая сила», что «он отражает определенное мировоззрение», что «он обладает внутренней формой», Л.Вайсгербер рассматривает язык как силу, формирующую душу. Тем самым он старается отмежовываться от психологизма и социологизма в языкознании, взамен этого он рассматривает его как нечто феноменологическое. Добавляя к звуковой и формальной грамматике еще и смысловую и языковую деятельность, он создает трехмерную науку. Языковое мировоззрение с его внутренней формой создают для него языковой мир. Отсюда его понимание языка как посреднический мир (*Zwischenwelt*), т.е. как мир родного языка (*muttersprachliches Weltbild*). Предметы материальной действительности вступают в наше сознание через посреднический мир. И этот моральный посреднический мир состоит из родного языка. Человек сам осуществляет процесс познания. Родной язык в посредническом мире стоит выше голов индивидов, это место для воззрений, ценностей и подходов, которые проявляют себя в языковых коллективах в расчлененной форме. Превращение языкового содержания в посреднический мир связан с внутренней формой и языковым коллективом. Язык считает Л.Вайсгербер силой, наблюдаемой в деятельности. А это предусматривает исследование языкового содержания хотя бы имплицитно. Неоромантизм предлагает изучить язык изнутри. Члены языкового коллектива зависят от языка, стоящего

над отдельными индивидами как реальность. Таким образом, родной язык получают настоящее существование, он видится как луч первичных сил, выступает как сила, которая формирует личность, создает культуру и историю. Так выполняет родной язык свою первичную функцию, открывая путь для языкового коллектива, чтобы стал моральным достоянием своего мира.

Между родным языком и языковым коллективом Л. Вайсгербер предусматривает тесную связь. Опираясь на это, он изобретает два общечеловеческого закона языка: согласно языковому коллективному закону человечество делится на языковые коллективы непрерывно и под влиянием естественных закономерностей; закон родного языка же показывает, что человек постепенно формируется этим родным языком под влиянием своего родного языка, тем самым он присоединяется к коллективному мышлению и миру своей деятельности. Выраженные в языке содержания заменяют традиционные понятия значения (лексического) и функции (грамматической), потому что значения слов и функции их форм не ясны. Кроме того, их грамматический разбор выводит значение и функцию за пределы языка, связывает сознание с внешним миром. Л. Вайсгербер рассматривает их как «промежуточный духовный мир», который охватывает структуру и состав языкового содержания. Например, слово /э́ми/ (дядя) может быть описан так:

звучание	промежуточный мир	внешний мир (предметы, вещи)
/э́ми/ языковой коллектив	оболочка мысли	брат отца (матери) муж сестры отца (матери),+

Через родной язык люди духовно кристаллизируются, приобретают навыки обращения в действительности. В соответствии с этим он выделяет звуковые (*lautbezogen*), содержательные (*inhaltbezogen*) и предметные (*sachbezogen*) направле-

ния. Слова в алфавитном порядке связываются с звучанием, их группировка по предметам с внешним миром. В подтверждение этого он добавляет, что у немцев в предложении /Sie treten mir nicht auf die Füße// (Вы не наступайте мне на ноги) разнообразие обусловлено не различием /Bein, Zehen/ (нога, пятка и), а вытекает из различия духовного промежуточного мира.

Л.Вайсгербер считает, что грамматика должна занимать важное место в школе. Тезис Л.Вайсгербера о том, что язык обеспечивает словесное выражение окружающего мира, поэтому влияние языка на нашу жизнь чувствуется на каждом шагу, подтверждает роль языка в жизни общества.

Лингвистическая концепция Л.Вайсгербера перекликается с гипотезой относительности, которая известна в языкознании как гипотеза Сепира и Уорфа (1897-1941). Язык и культура берутся как составная часть одной науки-антропологии. Она изучает формы проявления культурных ценностей, которые возможны только в языке и через язык. Окружающий нас мир отражен в каждом языке по-своему. Мы познаем мир через наш язык, поэтому и он выступает как промежуточное средство между человеком и миром. Л.Вайсгербер остался верным учению В.фон Гумбольдта о том, что «структура есть самой общей и выраженной особенностью». Здесь на передний план выступает этнолингвистический признак. Эти взгляды Л.Вайсгербер развивает в 50-ые годы XX века. Он относит язык к общественным явлениям, считает его общественной формой познания мира. Он находится между человеком и его миром Язык отражает ценности и традиции, поэтому он есть культурное явление.

5.7. Московская и Петербургская школы. В бывшем союзе соперничали и до сих пор соперничают две школы: московская и ленинградская, нынче С.Петербургская. Первая восходит к идеям Ф.Ф.Фортунатова (1848-1914), вторая к теоретической концепции И.А.Бодуэна де Куртенэ. Сначала рассмотрим московскую школу, а затем перейдем к щербовской школе.

При этом мы будем останавливаться на фонологической концепции обеих школ.

В вышедшей в 1945 году книге «Очерк грамматики современного русского литературного языка» ее авторы дали свое толкование фонемы. Отметим, что тот метод работы, которым пользовались москвичи, давным-давно был известен в языкознании. Его впервые применял И.А.Бодуэн де Куртенэ в 70-ые годы прошлого века. Сравнивая немецкие пары слов /mutər/ “Mutter” (мать) и /mytər/ “Mütter” (матери), он показал, что два грамматических значения различаются между собой разницей в их звуковой оболочке. Отсюда четко видно, что И.А.Бодуэн де Куртенэ исходил из смысловозначительной функции, доказывая ее противопоставлением квазиомонимов. Этот метод и способ анализа, к тому же как принцип выделения фонем из речевого потока были взяты на вооружение как пражцами, так и москвичами и американцами. В той же книге авторы рассматривают варианты и вариации. Именно в этом разделе излагается суть вопроса, отличающегося от позиции щербовской школы. Дело в том, что москвичи истолковывают гласный «ы» как вариацию фонем /и/, а согласные /к', г', х'/ - вариациями соответствующих заднеязычных согласных /к, г, х/. Вариации отличаются по качеству от основного вида (например «ы» отличается от фонемы /и/, но противопоставляется остальным гласным, как и основной вид фонемы /и/. Ср.: /мыл : м'ил/ и /мал : м'ал/, /мол : м'ол/, /м'эл/. Вариацию москвичи называют позиционно обусловленным звуковым синонимом основного вида фонемы. Варианты – это позиционно обусловленные модификации фонемы, но они не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Варианты выступают в роли заменителя двух и более фонем, являясь как бы звуковым омонимом. Они либо отличны от основного вида, либо совпадают с основным видом другой фонемы или реализуются в третьем звучании. В качестве примера приводится оглушение звонких согласных в

конце слов или реализацию «о» и «а» в первом предупредительном слоге после твердых согласных в варианте /а/. Ср.: /лугъ/ :/лукъ/, но /лук/ для «луг» и «лук» или /вол/ и /вал/, но «валы» для /волы/ и /валы/. Сразу видно, что выделение фонемы базируется на минимальных парах, с другой стороны, фонематичность каждого звука ставится в зависимость от тождества морфемы. Следующим понятием является соотносительность фонем или фонемного ряда.

Сюда они относят звонкие и глухие согласные пары, из коих первые нейтрализуются в конце морфем и лексем. Например, /нога/-/ноги/-/нок/ и т.д.

Московская фонологическая школа исходит из смысло-различительной функции. Именно поэтому они считают, что различительные, релевантные, дистинктивные признаки способны отличать одну фонему от другой, в то время как неразличительный (интегральный) признак наполняет состав фонемы, но не различает смысл слова. В качестве примера приводится признак взрывности у русской фонемы /г/. Поскольку нет щелевого и носового согласного того же места образования в русском языке, то русские понимают /гóрэт/ и /гóрат/ как то же слово /город/, хотя /г/ и /г'/ такие же разные звуки как /д/ и /з/¹¹. Москвичи внедряют понятие позиции, которая в общем может быть определена как произносительные условия для звука. Причем они выделяют сильные (благоприятные) и слабые (неблагоприятные) позиции. Для гласных сильной является позиция под ударением, а для согласных - позиция перед гласными. В азербайджанском слове /bal`a/ согласный /л/ и второй гласный /`a/ реализованы в сильной позиции, в то время как согласный /б/ и неударный гласный в первом слоге /a/ реализованы в слабой позиции. Фонематичность звука по этой школе доказывается именно в сильной позиции.

Однако А.А.Реформатский идет дальше и различает еще перцептивно и сигнификативно сильные и слабые позиции. Фонема в своем основном виде выступает в перцептивно сильной

позиции независимо от сигнификативной позиции. Это – отдельно произнесенные звуки или однофонемные слова. Например, /и, у, в/ в русском языке. Слабая же позиция в перцептивном отношении та, в которой фонема выступает в виде оттенка или вариации. Вариации фонем имеют ограниченную дистрибуцию. Например, /_1_/ и /_э_/ являются вариациями основных видов соответствующих русских фонем /i/ и /a/. Они в начале слов никогда не встречаются. В перцептивно слабой позиции фонема меняет свое звучание. Мы это видели на примерах, приведенных выше.

Что касается сигнификативной функции, то и здесь различают как сильную, так и слабую позиции. Сильной считается позиция, когда фонемы сохраняют противопоставление, и, различаясь, различают значимые единицы языка. А слабая позиция та, в которой звуки перестают различаться и различать значимые единицы языка. В качестве примера приводятся глухие и звонкие согласные на конце слов, где они совпадают в глухих вариантах. Это положение совпадает с нейтрализацией Н.С.Трубецкого. Например, слова «луг» и «лук» звучат одинаково =/лук/, но перед звонкими согласными они совпадают в звонком согласном : «лук бы» и «луг бы»= /лугбы/ или могут реализоваться в третьем звуке, не совпадающем ни с каким из них. Ср. под ударением /a/ и /o/ различаются, но в безударном слого они употребляются в виде /_л_/ (первая степень редукции), а во втором предударном слого как /_э_/ (вторая степень редукции): /сам/ и /сом/, но /сма пЛймалэ сма/ или /тэквой/, где совпадают «таковой» и «токовой», так как есть слова «так» и «ток»¹².

Таким образом, мы видим, что фонемный состав морфемы предопределяет все фонемные изменения в составе этих морфем. Далее, москвичи не учитывают реальное звучание. Они решают вопрос о статусе фонем исходя из смысловозначения, что теснейшим образом связано с позицией; различаются два типа позиции: перцептивные и сигнификативные, каж-

дая из которых членится на две: перцептивно сильная и слабая позиции и сигнификативно сильная и слабая позиции.

5.8. Щербовская школа об аллофонах и членении речевого потока. Она основывается на исходных положениях основоположника этой школы И.А. Бодуэна де Куртенэ, который уже в магистерской диссертации в 1870 году высказался о звуках речи, подчеркивая, что физическая природа звуков не совпадает с их значением в чутье народа. Его ученик Л.В.Щерба творчески подходил к идеям своего учителя и заложил основу новой теории о фонеме и ее оттенках. Известно, что само понятие фонемы возникло в результате того, что ученые четко осознавали акт несовпадения звука с его акустическим или физиологическим коррелятом. Но многие считают, что звук, соотносимый с фонемой, дан непосредственно объективно и потому вычленяется благодаря акустическим характеристикам. Говоря об этом, Э.Сиверс (1850-1932) категорически отвергал мысль о якобы существующем отдельном звуке. Непосредственно наблюдаемым объектом он считал только предложение. Для щербовской школы с самого начала имела огромное значение сама процедура членения потока речи, причем не методы этого членения, а факторы внутренней связи. Мы уже выше говорили о принципах членении, разработанных И.А.Бодуэном де Куртенэ. О двояком членении говорил также А.Мартине. Л.В.Щерба же считал фонетическое членение производным от смыслового. Фонетическое членение, если таковое существует, то это происходит благодаря тому, что «элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений»¹³.

Возьмем пример из азербайджанского языка. Слово /ata/ (отец) обозначает мужскую часть родителей в единственном числе и именительном падеже. В форме /atam/ (мой отец) мы выражаем отношение притяжательности. Между /ata/ и /-m/ проходит морфологическая граница. Звуковой сегмент /-m/ выражает грамматическое значение притяжательности и связь его

с соответствующим значением делает его автономной звуковой единицей – фонемой азербайджанского языка, тем самым мы вычленим его из звукового континуума. Отсюда следует, что звуковая последовательность /am/ никогда не может быть однофонемной единицей, так как между ними проходит морфологическая граница. Такой анализ не значит, что сочетание согласного /-m/ с гласным /-a/ подчиняется данному принципу. Однако при первом же знакомстве обнаруживается, что /ma/ не может быть интерпретировано как звуковое представление одной фонемы, так как это сочетание в слове /ata-m-a/ морфологической границей делится на две морфемы: /-m/ -это окончание притяжательности, а /-a/ -окончание дательного падежа.

Следовательно, в слове /dam/ (чердак) /a/ и /m/ делятся, несмотря на то, что сочетание находится в пределах одной морфемы. Это вытекает из системности языка, согласно которой элементы находятся в определенной связи между собой. Принцип **повторяемости** есть один из фундаментальных свойств системы. Одинаковые явления, повторяющиеся в разных частях системы, должны трактоваться одинаково. В приведенных примерах /am/ обладает одинаковыми фонетическими характеристиками, Поэтому не обязательно искать морфологическую границу, когда мы расчлняем звуковую оболочку на составные элементы, основываясь на фонетических характеристиках. В языке важны не акустическое сходство, а различие и сходство, которые помогают носителям языка идентифицировать информацию. Итак, приведенный выше отрезок никак не может быть рассмотрен как субстанция одной фонемы, так как между ними где-то в системе один раз проходит морфологическая граница и тем самым они становятся автономными. Если возникшая на стыке морфем звуковая последовательность воспринимается носителями языка как фонетически однородная, то она может члениться и тогда, когда выступает не на стыке морфем. Вычленение фонемы из потока речи следует тому же принципу, когда морфема совпадает с однофонемными сло-

вами. Например, /o/ (он) в азербайджанском, /ai/ «I» (я) в английском и (яйцо) в немецком языках, /i, u, v, k/ в русском языке и т.д.

Отдельный звук может быть связанным также в образовании новых грамматических форм, когда чередование фонем служит выражению грамматических значений. Например, /getmæk/ (идти), /gedir/ (идет), /ʃpreʃəp- ʃpra:xəp/ (говорить - говорил) или /fa:tər-fe:tər/ (отец - отцы) или в русском языке /n`os-n`esu/ (нес-несу) и т.д. В этих примерах чередование выполняет роль различения двух грамматических форм. А предшествующий гласному и следующий за ним согласные выделяются благодаря принципу остаточной выделительности.

После такой сегментации следует приступить к анализу по идентификации фонем, т.е. теперь необходимо ответить на вопрос, на каком основании разные в акустическом отношении звуковые экземпляры можно отнести к одной фонеме и когда следует эти звуки отнести к разным фонемам. Как при сегментации, так и здесь тоже надо исходить из лингвистических критериев, иначе парадигматическая идентификация не может быть удовлетворительной. Связь аллофонов одной фонемы решается также операцией с морфемой. Морфема должна быть всегда равной самой себе как в плане выражения, так и в плане содержания. Одна и та же морфема будет иметь, очевидно, один и тот же фонемный состав. Когда морфемы соединяются, то в их фонемном составе происходят определенные изменения. Эти модификации приводят к сочетаниям, которые подвергаются коартикуляции, последняя фонема первой морфемы и первая фонема последней морфемы заменяются другими фонемами, т.е. происходит обязательное и закономерное чередование. Возьмем азербайджанские слова /gol/ (рука) и /golu/ (руку). При внимательном рассмотрении этих слов обнаруживается, что в первом слове конечный согласный несколько оглушается. Так что это слово можно было бы протранскрибировать так: /gol/, а в /gol^ou/ тот же согласный произносится с

выпячиванием губ. Это происходит под влиянием следующего гласного. Или можем взять /gaʁ/ (снег) и /gaga/ (снегу). Их произношение показывает, что в первом случае согласный /ɣ/ сильно оглушается, но во втором случае об оглушении речи не может быть, потому что условия реализации их изменились. Поэтому оглушенный /_1._/ и лабиализованный /_1°_/ в азербайджанском языке следует рассмотреть как аллофоны одной фонемы, так как они связаны с одной морфемой. Аллофоны одной фонемы в данном языке никогда не противопоставлены, так как они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Другими словами, они в данной позиции исключают друг друга.

Аллофоны разъединяются акустико-артикуляторными характеристиками, а объединяются тем, что они выступают в составе одной и той же морфемы, т.е. единством смысловой единицы, в составе которой они употребляются. Аллофон вне конкретной позиции не существует. Характеристика аллофона определяется не местом в морфеме, а фонетической позицией. Фонетическая обусловленность связывает варианты фонем и она переходит и на те случаи, когда эти условия совпадают с теми, которые встречаются в пределах одной морфемы. Для этого необходимо, чтобы аллофоны одной фонемы имели сходные акустико-артикуляторные характеристики, т.е. совпадали по этим характеристикам и чтобы они воспринимались носителями языка как одинаковые.

Щербовская школа, так же как и другие школы, исходит при отождествлении вариантов одной фонемы из принципа дополнительной дистрибуции. Однако именно школа Щербы в отличие от других школ настаивает на том, что смысловая связь между звуками является решающей для объединения их разновидностей в одну фонему, т.е. когда они чередуются в пределах одной морфемы. Тогда как другие фонологи исходят из акустического сходства звуков, т.е. они считают их сходство вполне достаточным для идентификации вариантов одной

фонемы, забывая, одни акустико-артикуляторные сходства и различия сами по себе не решают фонемный статус звуков.

Согласно щербовской школе, фонологическая система функционирует не отдельно от говорящих на данном языке, не сама по себе, а в целях общения людей. Поэтому школа Щербы ставит в центр своих исследований человека, для исследования языка необходимо обращаться к человеку. Таким образом, можно увидеть, что язык действует не только благодаря своей системности, не только так, как он отражается в психике говорящих, но и благодаря объективным свойствам самой системы. Восприятие достигается системой языка. Человек узнает частоту услышанного звука без сопоставления его со звуком другой частоты. Мы, азербайджанцы, легко узнаем /г/ и /л/ как разные звуковые единицы, в то время для корейца это недопустимо. Только в случае сравнения он может их различать. Это происходит потому, что они в азербайджанском языке представляют разные фонемы, а в корейском - аллофоны одной фонемы.

Теория об автономности звуковой стороны языка, разрабатываемая школой Щербы, заключается в том, что фонема выделяется из речевого континуума благодаря ее связи со смысловой единицей-морфемой, потому и она существует как особая единица. Гласный /о/ существует как отдельное слово, например, местоимение /о/ «он», а гласный /а/ - как морфема в слове /at+a/ «лошади», выражающая значение дательного падежа в единственном числе. Они существуют также как простые звуковые единицы, принимающие участие в формировании звукового облика сотен слов, в том числе и слов /on/ (десять) и /gan/ (кровь). В то время как фонема /h/ выступает только в последней функции, т. е. в конститутивной функции.

Автономность отдельной фонемы предполагает автономность всей системы. Именно благодаря автономности мы образуем из неограниченного числа фонем множество слов, создаем письменность, выражающей фонетический облик слова, обу-

чаем детей грамоте, когда они записывают отдельные звуки в виде графем, малограмотные пишут, исходя из звучания.

В отличие от многих фонологических школ щербовская школа не признает нейтрализацию как неразличение фонем. В словах «рог» и «рок» простой носитель затрудняется различать, о каком слове здесь идет речь, так как /rok/ служит выражению облика обоих слов. Однако здесь мы можем говорить о нейтрализации не фонем, а слов. Поэтому неразличение относится к незначимым единицам, а не к фонемам. Когда говорят, что омофония, т. е. одинаковое звучание и разные значения, то мы, прежде всего, имеем дело с двусторонней единицей. Например, /baʏ/ имеет два значения: /сад/ и /веревка/. Следовательно, омофония имеет место не на уровне фонем, а на уровне отдельных лексем. По всеобщему признанию, фонема не имеет самостоятельного значения. Правда, некоторые школы склонны считать дистинктивную функцию ее содержанием. Это главным образом ничего не доказывает, потому что все фонемы имеют одно содержание, а именно различать единицы вышестоящих уровней. Различаются же фонемы только своим акустико-артикуляторным коррелятом. Если бы гласные /i/ и /o/ были представлены одним и тем же звуком, т.е. если бы они были омонимичными, тогда они бы не различались как две разные фонемы. Поэтому омонимия к фонемам не приложима.

Каждая фонема представлена в каждой данной позиции определенным аллофоном, который имеет стабильные акустико-артикуляторные характеристики. Путь от одного аллофона к фонеме прямой, а не через другие аллофоны. Вот вкратце суть щербовской школы о теории фонемы¹⁴.

Школа Щербы интенсивно разрабатывает вопросы членения речевого потока и в связи с этим и вопросы о нулевой морфеме и интонации. При этом нулевая морфема трактуется двояко. И.А.Бодуэн де Куртенэ полагал, что отсутствие морфемы является показателем какой-то грамматической категории. Теперь рассмотрим случаи присутствия и отсутствия морфемы

на конкретных примерах. В азербайджанских словах /kaʃ/ (лишь бы) и /daʃ/ (камень) отсутствие нулевой морфемы не может быть истолковано одинаково. В первом случае отсутствие ни о чем не говорит, а во втором случае оно указывает на именительный падеж единственного числа. Ср.:

/daʃ/	(камень)
/daʃin/	(камня)
/daʃa/	(камню)
/daʃi/	(камень)
/daʃda/	(в камне)
/daʃdan/	(из камня)
/daʃlar/	(камни)

Здесь налицо нуль-морфема в именительном падеже единственного числа и функционально она ни чем не отличается от других падежных окончаний и показателя множественного числа. Как видно, нулевая морфема выявляется из парадигмы данного слова. А у Ф. де Соссюра она истолковывается исходя из системы. Если в одной части системы есть какой-то признак, но этого же признака нет в другой части системы, значит, мы имеем дело с нулевой морфемой. С такой постановкой нельзя согласиться по той простой причине, что языковой материал, как мы видели выше, доказывает обратное. В словоформе /daʃ/ действительно присутствует нулевая морфема. Но в слове /kaʃ/ нет парадигмы падежа и числа, поэтому здесь нуль ничего не означает, оно не допускает никакого сочетания и не изменяется. Соссюровское толкование нулевой морфемы базируется на симметрии системы, будь-то система всегда симметрична. Факты доказывают асимметрию. Поэтому о нулевой морфеме можно говорить в том случае, когда в нее вкладывается реальное содержание. Таким образом, можно сказать, что служебные слова не имеют нулевых морфем.

Теперь рассмотрим вопрос о синтагматическом членении и интонации, практически осуществляющей это членение. Интонация рассматривается этой школой как сложное языковое явление суперсегментного характера. Она выполняет две функции: внешнефразовую и внутрифразовую. Первая направлена на просодическое формирование предложения, а вторая – на членение его на синтагмы. В предложении /Universitetimizin gabagcıl tələbələri/ gonagları qarşılamag üçün/ təjjarə limanın'a/ getdilər// (Передовые студенты нашего университета выехали в аэропорт для встречи гостей) внешнефразовая функция интонации выражена в терминальности, которая характеризуется понижением тона, ослаблением интенсивности и замедлением темпа к концу предложения. Фразовое ударение в нейтрально произнесенном предложении падает на синтагму, стоящему перед сказуемым, т.е. на синтагму /təjjarə limanına/. А внутрифразовая функция интонации состоит в расчленении предложения на синтагмы: начальная синтагма /Universitetimizin gabagcıl tələbələri/, срединные синтагмы /gonagları qarşılamag üçün/ и /təjjarə limanına/ и, наконец, на конечную синтагму /getdilər/. Синтагмы отеляются друг от друга паузой, называемой синтагматической (|). Синтагма понимается как фонетическое целое, построенное по грамматическим правилам данного языка и выражает в семантическом отношении кусочек объективной действительности и возникает в речи. Практически два первых этапа в анализе предложения состоит из определения интонационного контура и членение его на синтагмы.

5.9. Литература и замечания

¹ Вот что писал Н.С.Трубецкой о влиянии на него И.А.Бодуэна де Куртенэ: «Я все более удаляюсь от системы Бодуэна... мне кажется все-таки, что если обойти определения, предложенные Бодуэном и Щербой... и если брать только «существенное» из их системы ...будет видно, что наша сегодняшняя точка зрения (Якобсона и моя)

продолжает развивать эти системы, не отменяя их». Цитируется: R. Jakobson. Notes autobiographiques de N.S.Trubetzkoy. Principes de Phonologie. 1949, p. XXVI

² Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungs funktion der Sprache. Stuttgart, 1982

³ Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. Мы перевели эту книгу на азербайджанский язык и выпустили в 2001 году за свои средства. См.: Trubetzkoy N.S. Fonologiyanın əsasları. Almancadan tərcüməsi, “Son söz” və “Qeydlər” prof. F.Veysəllinindir. Bakı, 2001

⁴ Jelmslev L. La notion de rection. «Acta Linguistica», vol.1, 1939, p.11

⁵ Л. Ельмслев Л.. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып.1, М., 1960, стр. 272

⁶ Там же, стр.5

⁷ Блумфильд Л. Язык. М., 1960, стр. 162. Отметим, что Э.Сепир и Л.Блумфильд получили образование в Германии. Первый был верным школе Фослера, а второй-школе младограмматиков. Выпущенный в 1933 году труд Л.Блумфильда под названием «Language» полностью отражает концепцию американских дескриптивистов.

⁸ Chomsky N. Syntactic structures. 1957, p. 13. Так как во второй части этой книги дается отдельный раздел о жизни и творчестве Н.Хомского, мы здесь воздерживаемся от подробного изложения концепции этого ученого.

⁹ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 2004, стр. 90

¹⁰ Weisgerber L. Neoromantismus in der Sprachwissenschaft. 1930; Wirkendes Wort. 1950/51 p.1

+ Приведенный пример относится к германским языкам, где слово «дядя» обозначает как брата отца, так и брата матери.

¹¹ Реформатский А.А. Указ. соч., 2001, стр. 215

¹² Там же, стр. 219

¹³ Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. С.-Пб, 1912

¹⁴ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979; См.: так же: Vejsälli F. Zum Aufbau des phonetisch-phonologischen Systems. Wort, 2004. s.143-157 Отметим, что на страницах Известий АН СССР в 1952-53 гг. развернулась дискуссия о теории фонеме, где со статьей выступил также наш соотечественник Г. Алекберли, который стоял полностью на позициях МФШ. Однако местами он оперировал такими философскими понятиями как общее и отдельное, считая фонему общим, а звук отдельным. См. об этом.: Г.Алекберли (1903-1958). Проблема фонемы в свете марксистско-ленинской теории познания. Изв-я АН СССР, ОЛЯ, 1953, т.Х11, вып. 4, июль-август, стр. 378-383

5.10. Вопросы по пятой главе

1. Какие лингвистические школы известны на сегодняшний день?
2. Какие лингвисты стояли у истоков современного языкознания?
3. В чем основные особенности пражской школы?
4. Можете ли изложить суть теории членения языка в трактовке И.А.Бодуэна де Куртенэ?
5. В чем вклад Ф.де Соссюра в современное языкознание?
6. Сможете ли вкратце изложить дихотомию Ф.де Соссюра?
7. С какими положениями учения Ф.де Соссюра трудно согласиться?
8. В чем суть американского дескриптивизма?
9. Каковы теоретические положения теории датского структурализма?
10. В чем различие между ленинградской (Санкт-Петербургской- СПФШ) и московской (МФШ) школами?
11. Каковы современные тенденции в развитии теории языка (Л.В. Щерба, Э. Косериу, Н. Хомский)?

ГЛАВА VI

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

6.1. Фонетика и фонология – два аспекта одной науки. Фонетика занимает важное место среди других языковедческих наук. Она изучает звуковые средства языка с разных точек зрения. Один из этих аспектов является функциональным, когда воспроизведенные звуки рассматриваются под углом зрения выполняемых ими функций в языке. Звуковые субстанции почти одинаковы во всех языках, но выполняемая им роль очень специфична в каждом языке. Например, признак мягкости и твердости присущ как русскому, так и азербайджанскому языкам. Однако эти признаки релевантны для русского языка, но иррелевантны в азербайджанском языке. В русском языке он не обусловлен позицией согласного, а в азербайджанском языке он зависит от позиций. Так, в азербайджанских словах /ləl/ и /lal/ в первом случае произносится мягкий вариант фонемы /l/, а во втором случае - твердый вариант той же фонемы: /l̥/ и /l/. В отличие от этого в русском языке мягкий и твердый согласные являются двумя классами самостоятельных фонем. Поэтому с терминологической точки зрения будет правильным сказать, что в азербайджанском языке мы имеем дело со смягченным (палатализованным) и отвердевшим (веляризованным) вариантами, а в русском языке с мягкой и твердой фонемами. Именно такие особенности звуковой стороны языка вынудили известных языковедов, в том числе и И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.С.Трубецкого, а в дальнейшем крайних структуралистов, выделить вместо одной дисциплины две науки: фонетику и фонологию. Первая, по их мнению, не имеет никакого отношения к языку. Они объясняли это тем, что язык - это система знаков, а знак произволен и потому его материальность не имеет никакого отношения к языку. Отсюда делался вывод, что

материя языка, будет ли звуковой или состоит ли она из фигур, не имеет значения для понимания сути фонемы. Далее, по их мнению, фонемы есть дифференторы, а природа этих различителей не существенна, т. е. их природа не существенна. То, что она дана в языке в виде звуков, это чистая случайность и потому не существенна для теории фонем. Предположим, что вместо звуков «а», «о», «s», «п» и «т» будем брать кружки с соответствующими цветами «серый», «коричневый», «зеленый», «красный» и «желтый», тогда следующие слова мы должны были обозначить так:

/son/ = зеленый +коричневый +красный.

/nos/= красный + коричневый +зеленый

/san/ = зеленый + серый + красный

/som/ = зеленый +коричневый + желтый

Можно ли представить себе такой язык, в котором бы люди общались не звуками, а такими шариками? Ответ однозначен. Такой язык не известен нигде в мире. Поэтому ради теории нельзя придумывать всякое возможное и невозможное, лишь бы теория была стройная.

Все языки мира без исключения пользуются звуками, а не цветами. В языке наряду с внешней формой есть еще внутренняя релятивность.¹ Поэтому транспозиция возможна для внешней связи знаков, она не пройдет для внутренней связи знаков. Когда мы говорим о транспозиции, то имеем в виду кодировку. Транспозиция заключается не в том, что мы кодируем звуки в цвета, а в том, что материя выступает в виде звуков. Звуковое воплощение предполагает коартикуляцию. Как это возможно будет при цветовыражении? План выражения языка должен быть звуковым. Отсюда вытекает, что каждая фонема должна иметь свою собственную звуковую характеристику. Разные фонемы должны быть выражены разными звуками. Без звукового различия не бывает и фонемного различия. Как член плана выражения фонема служит различению единиц

плана содержания. Не мало случаев, когда в языке нет различия в плане выражения, но имеется различие в плане содержания. Например, в азербайджанском языке слово / baу / имеет два значения: «маленькая веревка для обуви» и «сад».

Спрашивается, каким цветом мы можем обозначить щелинность, шумность или взрывность?

С другой стороны, структуралисты, говоря о фонетике и фонологии как о разных дисциплинах, ссылаются на И.А.Бодуэна де Куртенэ, который в действительности говорил о двух аспектах одного и того же предмета, а не о двух науках: психофонетике и антропофонетике.

Таким образом, мы исходим из того, что фонетика и фонология представляют собой скорее разные аспекты одной науки о звуковой стороне языка. Под звуковой стороной языка понимается сегментные (фонемы и их сочетания) и суперсегментные (ударение, просодия, интонация) явления. Таким образом, мы будем понимать под наукой, изучающей звуковую сторону языка во всех ее проявлениях, фонетику и когда будет необходимость в подчеркивании функционального аспекта, т.е. изучения парадигматического и синтагматического отождествления звуков говорящими, а также роли и функции ударения и интонации при оформлении высказываний, выявлять системные отношения и взаимосвязь между письменной и устной формами языка, будем употреблять термин фонология. Мы считаем фонетику особым разделом грамматики, так как звуковая сторона – это обязательная форма существования языка точно так же, как морфологические и синтаксические свойства являются необходимой формой его жизни. Акустико-артикуляторные особенности образования и восприятия могут составить соответственно акустический, артикуляторный и перцептивный аспекты функционирования языка. Основной вывод здесь сводится к тому, что нет никакой фонетики без фонологии, точно так же как нет никакой фонологии без фонетики.

При рассмотрении звуковой стороны языка обычно выделяют четыре аспекта: артикуляторный или физиологический, акустический или физический, перцептивный или слуховой и, наконец, функциональный или фонологический. Ниже рассмотрим эти аспекты в отдельности.

6.2. Физиологический и акустический аспекты изучения звуковой стороны языка. Этот аспект можно считать традиционно наиболее распространенным, потому что физиология человека как составная часть общей анатомии помогла учению речеобразования.

Известно, что у человека нет особого органа, который можно было бы называть речевым. Первоначально все органы приспособлены к питанию. Зубы жуют, губы закрывают рот, чтобы пища держалась в ротовой полости, язык призван переваривать пищу во рту, легкие обеспечивают вдох и выдох, гортань служит регулированию прохода воздуха и пищи. Только с приобретением человека процесса говорения те самые органы приобрели новую функцию, а именно функцию воспроизводства звуков. Физиологически дыхание – выдох равен вдоху, у взрослых 16-20 в минуту. Объем легких у взрослых при глубоком дыхании равен 4000-6000 см³. Максимальное количество выдыхаемого воздуха достигает 4500 см³. В запасе остается 1000 см³. Нормально обменивается 500 см³. При говорении вдох несколько ускоряется, а выдох значительно замедляется. Количество выдыхаемого воздуха во много раз превышает физиологическое дыхание. Однако воля говорящего диктуется содержанием и построением речи. Обмен воздухом осуществляется при физиологическом дыхании через нос, а при речи – через рот.

Произносительный или речевой аппарат состоит из дыхательных (легкие, грудная клетка или диафрагма, трахея), голосообразующих (гортань, голосовые связки, хрящи) органов и надставной трубы. Надставная труба состоит из трех полостей:

глотки или фарингальной полости, ротовой и носовой полостей. (См.: рисунок речевого аппарата).

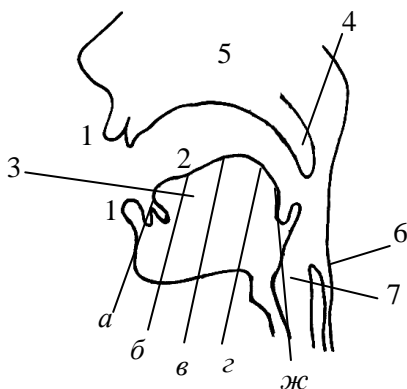

Рис.1. Речевой аппарат: 1) губы; 2) язык: а) кончик языка, б) передняя часть, в) средняя часть, г) задняя часть языка; корень языка, 3) бока языка; 4) небная занавеска; 5) носовая полость; б) глотка; 7) гортань

Следующие рисунки показывают положение хрящей и голосовой щели в гортани (См. рис. 2).

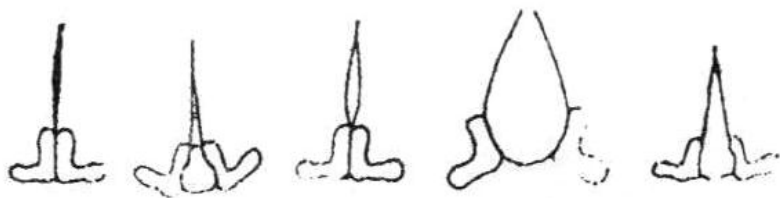

Рис.2. Голосовые связки (вид сверху и сзади)

Ясно, что утонченные физиологические (артикуляторные) описания сами по себе не плохи, но они в целях педагогической фонетики малоэффективны, поскольку в таком случае все описание опирается на физиологические принципы. Пе-

дагогическая фонетика работает в основном с физиологическими понятиями. С этой точки зрения можно было бы здесь ограничиться общими сведениями о произносительном аппарате. Естественно, более тщательный и углубленный анализ физиологических особенностей речеобразования может стать объектом самостоятельных исследований. Однако в общих чертах можно ограничиться тем, чтобы выяснить следующие вопросы: 1. Что является источником голосообразования; какова роль гортани в этом процессе? 2. Как образуются отдельные звуки, т.е. выяснить вопрос о способе образования звука: **голос, трение, смычка с переходом во взрыв**? 3. Где локализуются отдельные фонетические процессы – в гортани, в фаринксе, в ротовой или носовой полостях? Гортань с двумя горизонтально расположенными эластичными связками играет существенную роль при речеобразовании. При полном или частичном смыкании голосовые связки под влиянием выходящего воздуха способны вибрироваться, что служит образованию голоса. При открытом положении связок нет никакой преграды, это означает нормальное дыхание человека. Все гласные и сонорные образуются при открытии сомкнутых связок. Когда воздух проходит через узкую щель голосовых связок, то образуется трение. При неполном сближении голосовых связок образуется шепот. Смыканием и размыканием образуется гортанный взрыв, который известен во многих языках как звук с гортанной смычкой или glottal stop, например, в арабском, датском и в грузинском языках и т.д. (см. рис. 2). Его обозначают таким знаком: /ʔ/. В глотке образуются два звука: верхнефарингальный /h/ в азербайджанском, английском, немецком языках и нижнефарингальный /ɦ/, как, например, в арабском языке и в некоторых дагестанских языках.

Остальные звуковые образования формируются в надставной трубе-ротовой, носовой и фарингальной полостях.

Артикуляторная фонетика обычно делит органы на активные и пассивные. Активные органы (губы, язык, небная занаве-

ска и голосовые связки) являются подвижными, а пассивные органы (альвеолы, десны зубов, зубы, твердое небо и стена глотки) - неподвижными. Мы при дальнейшей классификации звуков речи будем исходить из работы активных органов.

Язык делится условно на 5 частей: кончик, передняя, средняя и задняя части и корень языка. Помимо этого различают спинку и бока языка. Кончик языка приподнимается к деснам верхних зубов и образуются апикальные звуки («**apix**» по латыни - **кончик языка**) Например, английские переднеязычные согласные. Масса языка лежит в ротовой полости, а кончик его опирается к альвеолам нижних зубов. При таком положении образуются дорсальные («**dorsum**» по латыни – **спинка языка**) согласные, как в азербайджанском языке переднеязычные согласные. Если кончик языка загибается назад, то звук, образованный при таком положении языка, называется ретрофлексивным. И, наконец, бока или один бок языка активны, тогда образуется боковой или латеральный (по латыни – «**laterum**» означает **бок**) согласный, например, /l/ в русском и азербайджанском языках. Те фонетисты, которые оперируют пассивными органами, различают межзубные (**по латыни – «interdentum»**), как например, в английском языке /ð/ и /θ/, губно-зубные (/v/, /f/, /w/, /pf/ в большинстве языков мира, в том числе в германских, славянских и тюркских языках) и /pf/ в немецком языке. Увулярные звуки имеют место в немецком и французском языках, они образуются при активном участии язычка.

В русском языке мягкие согласные образуются при активном участии средней части спинки языка, которая поднимается к твердому небу. Потому они и называются палатальными (по латыни – **palatum – твердое небо**) согласными. При одновременном участии образуются также так называемые лабиовелярные звуки, например, в древневерхненемецком языке /k^u/, /g^u/, /x^u/.

Не вдаваясь в конкретные детали артикуляторного описания, ниже дадим общую классификацию звуков языков. При этом мы исходим из того, что согласные – это те звуки, кото-

рые обладают локализованной артикуляцией. Это значит, что они формируются на конкретном месте речевого аппарата. Эта общая характеристика, которая отличает согласные от гласных.

С физиологической точки зрения образование речи проходит следующие этапы. Вследствие вдыхания диафрагма расширяется, затем его сжатие заставляет наполненные воздухом легкие к выдоху. Выдуваемая воздушная струя преодолевает на своем пути преграды, вследствие чего появляется шум. Воздушная струя проходит через бронхи и поступает в гортань, где два упругих тела-голосовые связки начинают вибрировать. От регулярной вибрации получаются синусоидальные кривые, т.е. повторяющиеся воздушные волны с элементами шума и голоса. Затем эти волны поступают в надставную трубу, где три полости выступают как резонаторы: ротовая и носовая полости и глотка. В зависимости от качества звука тот или иной резонатор формирует звуки. При этом активные органы, упираясь на пассивные, окончательно формируют слышимые звуки. Ниже дается классификация звуков в некоторых германских, русском и азербайджанском языках (см. таблицу 1):

Таблица 1.

Классификация согласных фонем

	англ.	нем.	рус.	азерб.
губн.	/b/, /p/, /v/, /f/, /m/, /w/	/b/, /p/, /v/, /f/, /m /, /pf/	/b/, /p/, /v/, /f/, /m / /b`/, /p`/, /v`/, /f`/, /m`/	/b/, /p/, /v/, /f/, /m/,
переднеяз.	/d/, /t/, /z/, /s/, /n/, /tʃ/, /ð/, /th/, /ʃ/, /dʒ/, /r/	/d/, /t/, /z/, /s/, /n/, /tʃ/, /ʃ/, /dʒ/, /r/, /l/;	/d/, /t/, /z/, /s/, /n/, /tʃ/, /ʃ/, /d`/, /t`/, /z`/, /s`/, /n`/, /ʃ`/;	/d/, /t/, /z/, /s/, /n/, /tʃ/, /dʒ/, /l/
среднеяз.	/j/	/j /, /ç/	/j/	/j/, / h/, /k`/
заднеяз.	/k/, /g/, /ŋ/	/k/, /g/, /ŋ/, /x/	/k/, /g/, /x/, /k`/, /g`/, /x`/	/k/, /g/, /x /
фаринг.	/h/	/h/	----	/h/

При более тщательной классификации можно выделить одногубные согласные.

Обычно смычно-взрывные согласные называют просто взрывными. Это в какой-то степени не точное название, потому что взрыв – это только слышимый акустический эффект, являющийся результатом размыкания сомкнутых органов. При таком подходе момент смычки не учитывается. Поэтому с терминологической точки зрения лучше называть их смычно-взрывными. Смычно-взрывные согласные нельзя протягивать. По этому признаку они отличаются от щелевых. Кроме того, смычно-взрывные могут быть либо импловзивными (◌̥), либо экспловзивными (◌̦).

Щелевые согласные характеризуются образованием в ротовой полости щели. Но среди них есть такие согласные, которые образуются при относительной широте по горизонтали и узости по вертикали. Эти согласные называют плоскощелевыми. Язык при их образовании лежит сравнительно плоско. Круглощелевые образуются при поднятии боков языка, как бы образуя желобок. У них щель более узка в горизонтальной плоскости, чем при плоскощелевых, и может быть глубже в вертикальной. Круглощелевые сходны с /s/, их иногда называют свистящими (сибилянтами) и противопоставляют плоскощелевым, у которых щель расположена на средней линии ротовой полости. Поэтому их иногда называют медиальными. Их называют также двуфокусными согласными и они сходны с /ʃ/. Его называют также шипящим звуком. Кроме этого, возможны многочисленные промежуточные образования. Но здесь качество согласного зависит от последующего за ним гласного.

Согласные могут быть либо глухими, либо звонкими. При первых голосовые связки отключены, а при вторых они подключаются. Есть языки, в которых смычно-взрывные сопровождаются придыхательным (аспирированным) взрывом,

обозначаемым [h]: /at^ha/. Отсутствие аспирации обозначают знаком [h=]. При этом, если аспирация предшествует самому взрыву, то мы имеем дело с преаспирированными звуками. Если имеются смычно-взрывные согласные с предшествующей назализацией, то речь идет в таком случае о преназализованном согласном. Ср.: /mb/, /nt/.

Следующим артикуляторным признаком является сила. Произносимые при сравнительно сильной артикуляции звуки называются сильными (*fortis*) и противопоставляются слабым (*lenis*).

Надо сказать, что азербайджанские согласные противопоставляются скорее всего по этому признаку, нежели по глухости/звонкости. Среди них можно выделить еще глоттолизированные и неглоттолизированные, при которых в зависимости от взрыва в гортани формируются гласные. Глоттолизированные согласные имеют место в грузинском языке и в ряде дагестанских языков и обозначаются сверху справа согласного знаком минуты: [t̥].

Есть еще одна группа согласных, которые характеризуются медленным переходом взрыва к щели. Длительный переход производит впечатление смычно-взрывного согласного. Аффриката похожа на смычно-взрывной + щелевой, но при одних активных органах. Самыми распространенными аффрикатами являются /ts/, /tʃ/, /dʒ/ и /pf/ в немецком языке.

В английском языке /w/ характеризуется умеренной лабиализацией и функционирует как согласный. Особым качеством обладает английский ретрофлексивный согласный /r/, который в зависимости от положения имеет ротированный и неротированный варианты. Обычно звуки выступают в речи в сочетаниях и между сегментами провести границу невозможно, так как речевое воспроизводство представляет собой коартикуляционный процесс, где один звук переплетается с предыдущим и последующим. Что же касается членения речевого

потока на функциональные единицы-фонемы, то это результат действия механизма лингвистической модели данного языка. В ряде языков есть латеральные аффрикаты, характеризующиеся тем, что взрыв второго компонента начинается сначала сбоку, так и в различной скорости: /tʎ/ и /dʎ/.

/m/, /n/ и /ŋ/ характеризуются тем, что смычка переходит в взрыв и воздушная струя выходит частично из носовой полости. И, наконец, можно выделить так называемые щелкающие (кликсы), вибрирующие (trills) и хлопающие (flaps) звуки. Во многих языках эти звуки выступают как самостоятельные фонемы, а в ряде случаев как специальные слова или выражения при обращении к животным.

С артикуляторной точки зрения гласные характеризуются нелокализованной артикуляцией.

Поэтому точно охарактеризовать гласные с артикуляторной точки зрения очень сложно. Известные фонетисты, в том числе акад. Л.В.Щерба, предложили трехугольник или трапецию (см.рис. 2, 3, 4, 5):

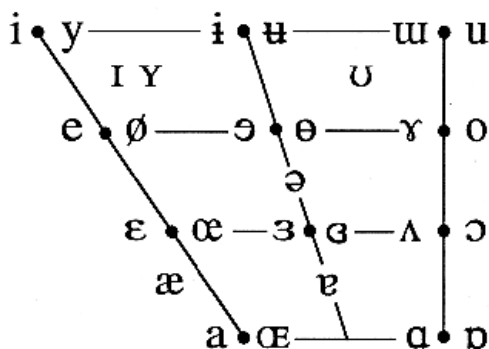

Рис. 2. Изображение гласных в виде трапеции

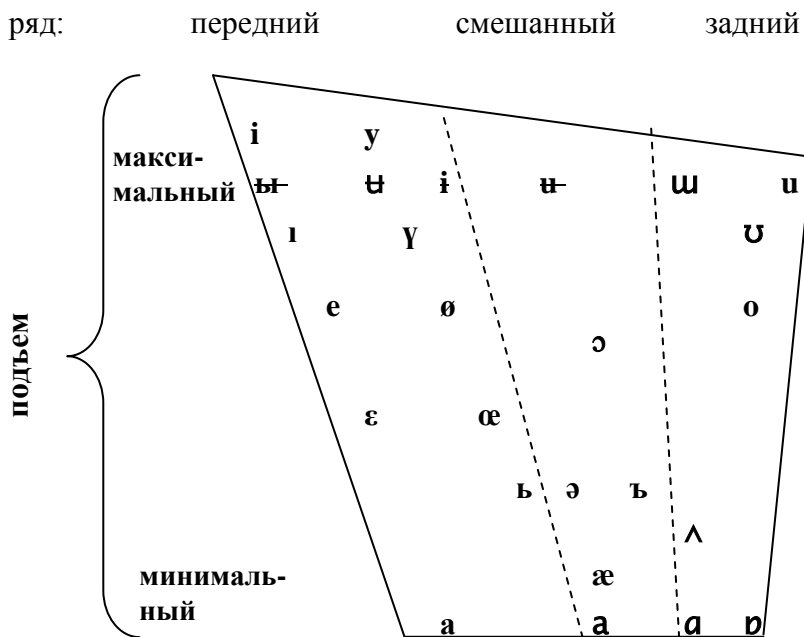

Рис. 3. Важнейшие типы гласных

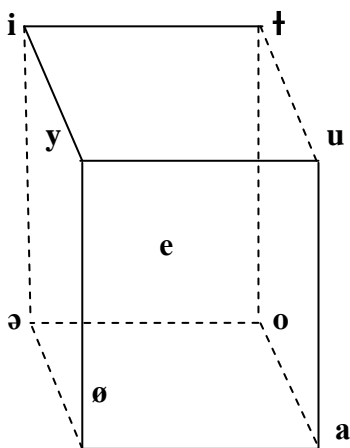

Рис.4. Схематическое изображение азербайджанских гласных

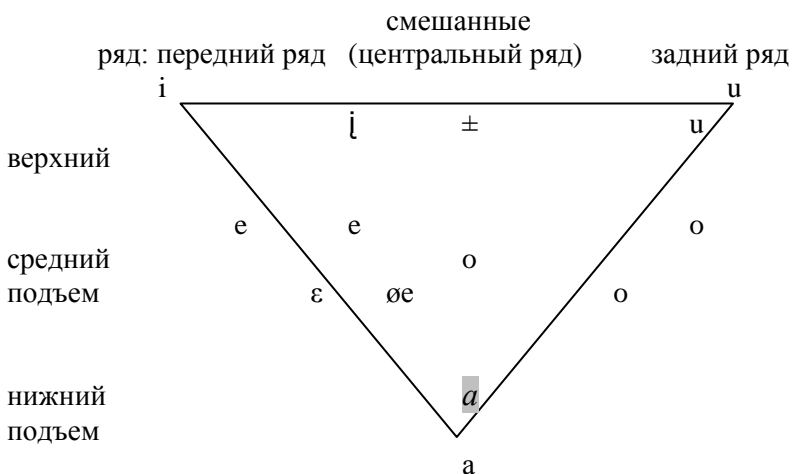

Рис.5. Треугольник гласных.

Кардинальные гласные в очень грубой форме отражают реальные гласные в живых языках. Из 8 кардинальных гласных 4 гласные заднего ряда, но все они лабиальные, а 4 гласные переднего ряда - нелабиальные. Все гласные приведены по системе Международной Фонетической Ассоциации (МФА).⁵

Это означает, что гласные характеризуются разлитым произношением. Другими словами, при гласных нельзя точно указать на какую-то точку в речевом аппарате, где бы образовался какой-то гласный. Исходя из этого, принципа, гласные классифицируют по горизонтальному и вертикальному движениям языка, по участию губ и небной занавески.

По горизонтальному движению языка различают гласные переднего, среднего и заднего рядов. А по вертикальному движению различают гласные верхнего, среднего и нижнего подъемов. По участию губ гласные подразделяются на губные и негубные. И, наконец, по положению небной занавески различают чистые и носовые гласные (см. таблицу 2). Ниже даются гласные в сравнении:

Таблица 2.

Гласные английского, немецкого, русского
и азербайджанского языков

	Я З Ы К И			
	анг.	нем.	рус.	азерб.
губн.	/u/,	/ʏ/, /y:/, /ʊ/, /u:/, /ɔ/, /o:/	/u/, /o/	/ʏ/, /ø:/, /u/, /o/
п.р.	/i/	/i:/, /ɪ/ γ:/, /γ/	/i/	/i/
ср.р.	/e/, /ɛ/, /æ/	/e:/, /ɛ/, /ø:/, /œ/	/e/	/e/, /ə/
з.р.	/a/, /o/, /ʊ/, /ʌ/	/ʊ/, /u:/, /ɔ/, /o:/ /a:/	/a/	/a/
см.р.	/ə/	/ə/	/ɪ/	/i/

Носовые гласные имеют место во французском языке. Ср.: /ã/, /õ/, /œ̃/, /ẽ/. По техническим причинам дать французские носовые гласные трудно. Поэтому мы зафиксировали назальность со знаком дельты (~) сверху соответствующих гласных.

Гласные могут быть напряженными и ненапряженными. Произношение с большим напряжением наблюдается у гласных, реализованных под ударением. Ненапряженные, наоборот, реализуются в безударной позиции.

Гласные бывают монофтонгами и дифтонгами. Если качество гласного не меняется в процессе его реализации, значит, он монофтонг. Если качество гласного меняется в процессе его реализации, значит, мы имеем дело с дифтонгами.

Дифтонги по своему характеру делятся на ровные или действительные, когда голос распространяется равномерно, на нисходящие, если тон голоса скользит вниз то такой дифтонг. Если же тон голоса повышается к концу произношения, то мы имеем дело с восходящими дифтонгами. Английские /au aw, əʊ/ и немецкие /ae, ao, øʊ/ дифтонги являются нисходящими

Есть еще так называемые дифтонгоиды, которые встречаются в диалектах или в редуцированной речи. Например, в азербайджанском языке в словах /gülöüjə/ “gülöyşə” (сорт граната) и /douɣa/ “dovğa” (сваренное из кефира с различной зеленью жидкое блюдо).

Акустический аспект изучает физические особенности звукообразования. Звук, производимый камертоном, называется чистым тоном. Источник звукообразования у человека представляет собой два упругих тела, расположенных в гортани, называемые голосовыми связками. Под влиянием выдыхаемой воздушной струи голосовые связки колеблются. Число колебаний в одну секунду принято называть герцем (Гц). Колебание – это размах движения голосовых связок, совершаемый от состояния покоя в одну сторону, обратно через состояние покоя в противоположную сторону и опять к исходной точке. Это целое колебание называется одним периодом. Частота колебаний продолжается до тех пор, пока не исчерпается энергия и измеряется числом колебаний, совершаемых в одну секунду. От частоты целого тела мы получаем основной тон. А от колебаний каждой части целого тела образуются обертоны (см.: рис. 6).

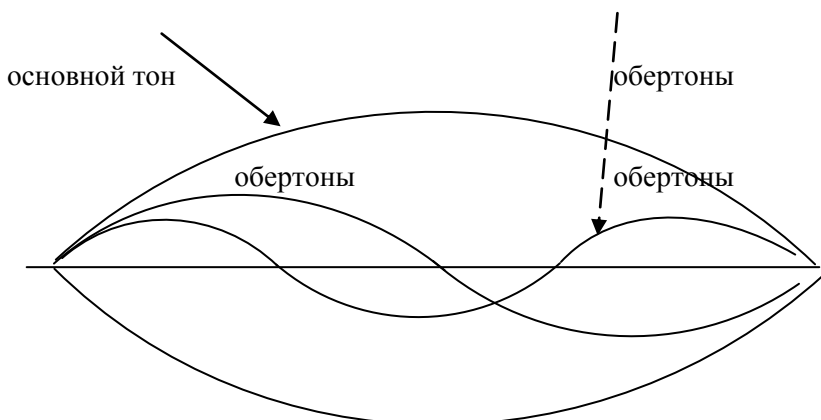

Рис. 6. Основной тон (—) и обертоны (-----)

Если основной тон равен 100 гц, то одна вторая этого тона будет каждая в два раза выше, чем основной тон, следовательно, 200 гц. Если взять одну треть, то каждая часть будет в три раза выше, чем основной тон. Это будет до бесконечности. Соблюдение пропорции между основным и обертонами служит образованию гармоник. Отсутствие математического соотношения между основным тоном и обертонами вызывает негармоничные звуки. Человеческое ухо перестает воспринимать звуки в пределах 20.000-25 000 гц. Нижний порог слышимости где-то в пределах 200 гц. Магнитофоны рассчитаны на запись звуков с частотой колебаний равной 8000 гц, а диктофоны до 4000 гц.

Вторым свойством колебания является его амплитуда, т.е. величина колебания в ту или иную стороны. Амплитуда в какой-то степени связана с громкостью звука. При этом абсолютная амплитуда для лингвиста мало интересно, для лингвиста значение имеет относительная амплитуда. Для нас интерес представляет качество звука, громкость же играет второстепенную роль - сравнительная громкость соседних звуков.

Таким образом, частоты и относительные амплитуды достаточны для характеристики качества любого звука. Третьим важным компонентом звука является время звучания.

Акустики изображают три звуковые параметры-частота колебаний, относительная амплитуда и время звучания в виде видимой речи, которая получается применением специального электронного прибора, называемого спектрографом или сонографом, а получаемые изображения называются спектрограммами или сонаграммами (см.: рис. 7).

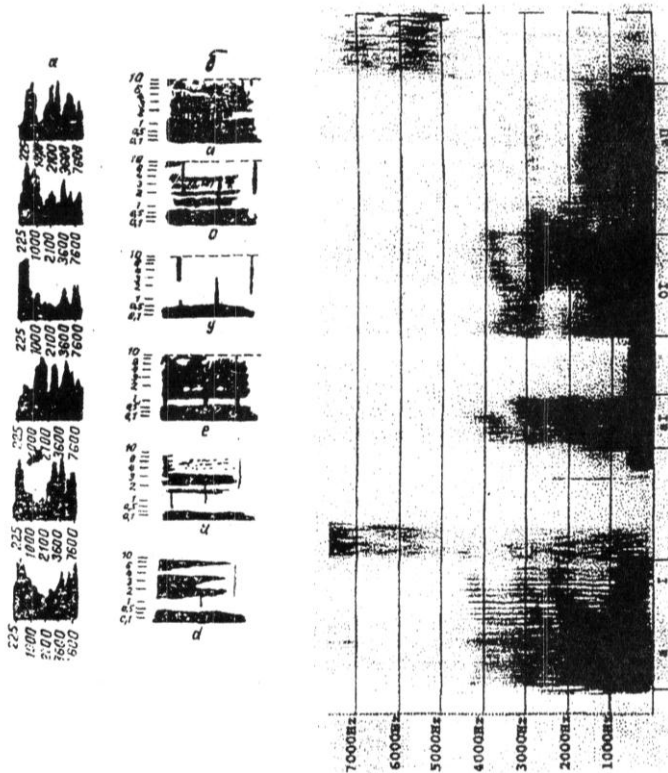

Рис.7. Спектрограммы и сонограммы слов

Раньше для акустического анализа использовались кимографы, осциллографы и т.д. А в последние годы появились новые анализирующие компьютерные программы типа «Праат» или «Сигналайз», которые автоматически осуществляют исчисления значений отдельных параметров, изображают не только спектры, но и их графики и таблицы. Лингвисту остается только прокомментировать эти графики и дать свое заключение, отражающее конкретные лингвистические ценности.

На сегодняшний день существуют две теории относительно определения форманты, т.е. характерные тембральные особенности каждого звука. По Гельмгольцу, характерный тембр гласного

образуется благодаря усилению в надгортанных полостях гармонических обертонов, возникающих вместе с основным тоном голоса в гортани в результате сложных колебаний голосовых связок. По Герману же, тембр гласного образуется в результате наслаения собственного тона надгортанных полостей, возникающего благодаря продуванию через них струи воздуха на основной тон, идущий из гортани. Обе теории не исключают друг друга с фонетической точки зрения, поскольку они признают, что форманты гласных образуются положением органов.

С фонетической точки зрения форманты – это темные области частот, которые являются необходимыми и достаточными для опознавания данного гласного. Мы ниже подробно анализируем фонемы языка по дихотомической теории. Здесь же ограничимся графиком, отражающим значения первой и второй формант гласных английского, немецкого и азербайджанского языков (см. спектрограммы и график формант гласных):

График 1. F I и F II – значения гласных

Из графика видно, что гласные заднего ряда имеют более низкие вторые форманты, а гласные верхнего подъема имеют более низкие первые форманты. Кроме того, этот график в принципе совпадает с треугольником кардинальных гласных, который был построен на основе артикуляторной фонетики.

Из согласных смычно-взрывные отразятся без какой-либо амплитуды. На спектральную картину существенно влияют предыдущий и последующий гласные.

На спектрограммах на самых низах дана частота основного тона (где-то 216-220,5 гц). Над нем расположены F_I и F_{II} , которые сильно разнятся от гласного к гласному (см. табл. 3).

Таблица 3

Значений F_I и F_{II} – значения гласных

англ.яз.

/i/ = 400, 2100	/ɪ/ = 300, 1500	/u/ = 450, 1000
/e/ = 500, 1800	/ə/ = 600, 1300	/o/ = 550, 900
/æ/ = 650, 1700	/a/ = 700, 1100	/ɔ/ = 650, 800

(по Глиссону, стр.299)

нем.яз.

/i:/ = 350, 1980	/ɪ/ = 300, 2140	/u:/ = 360, 1050	/ʊ/ = 390, 1050
/e:/ = 500, 1900	/ɛ/ = 550, 1800	/o:/ = 420, 920	/ɔ// = 450, 1100
/ö:/ = 450, 1350	/oe/ = 350, 1450	/a:/ = 700, 1300	/a/ = 720, 1400
/ü:/ = 360, 1500	/ü/ = 250, 1650		

азерб.яз.

/a/ = 500, 1350	/u/ = 475, 1400
/o/ = 465, 1100	/ə/ = 250, 550
/ö/ = 350, 1450	/e/ = 365, 1550
/ü/ = 390, 1560	/i/ = 300, 1425

/ɪ/ = 240, 1700 (По Вейсъялли, 2009, стр.292-93)

На спектрограммах частота изображается по вертикали, время – по горизонтали. Интенсивность изображена в виде за-

темнения. Так называемые динамические спектрограммы отражают все изменения, которые происходят в звуке в потоке речи.

Для лингвистических целей вполне достаточны F_I и F_{II} . При этом F_I характеризует движение языка по вертикали, т.е. подъем языка, а F_{II} – по горизонтали, т.е. ряд гласного. Чем ниже тело языка, тем выше F_I , и ниже $t F_{II}$. Чем переднее язык, тем ниже F_I и выше F_{II} (см. гр.).

На спектре шумные согласные имеют в виде взрыва, известного по артикуляторной фонетике под названием трения. У щелевых же наблюдается белый шум в чистом виде. Свистящие, например, /s/ имеют белый шум при высокой частоте. А при /θ/ большей частью при низкой частоте. У звонких щелевых добавляется еще гармоники.

С акустической точки зрения звуки языка подразделяются на четыре группы: а) звуки, образующиеся при периодическом колебании голосовых связок; б) звуки, образующиеся при неполном колебании голосовых связок, чему соответствуют сонанты; в) звуки, образующиеся при частичном колебании голосовых связок, которым соответствуют звонкие согласные; г) и, наконец, звуки, образующиеся при отключении голосовых связок (см. рис. 8)

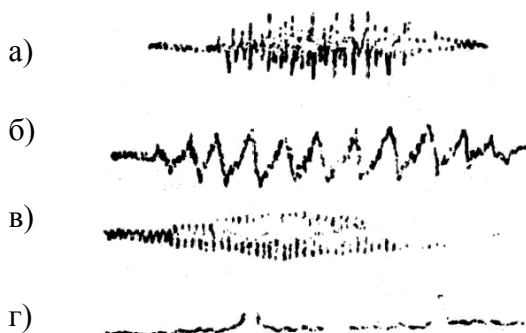

Рис. 8. Звуки языка: а) гласные; б) сонанты и звонкие; в) щелевые; г) глухие

Нет в мире такого живого языка, который бы не существовал в звуковой форме. По этой причине трудно согласиться с утверждением о том, что языку безразлична его материальная сторона, что в языке существуют только различия. Задачей фонетики является изучение звукового многообразия, которое проявляется в речи говорящих. Если проследить звуковые изменения в плане его исторических преобразований, устанавливаем те закономерности и изменения, которым подвергается звуковой состав языка со дня возникновения до настоящего времени, то мы имеем дело с **исторической фонетикой**. В конце XIX и начале XX веков под фонетикой понималось именно историческое изучение звукового строя языка, которая противопоставлялась акустической фонетике, с одной стороны, и физиологической, с другой. В отличие от этой исторической фонетики **описательная или статическая фонетика** изучает звуковой состав языка в данный момент его существования без обращения на его прошлое состояние. Здесь выделяют еще **теоретическую, практическую или нормативную фонетики**. Первая выясняет, в каком порядке действует данная система. Последняя же находит пути эффективного обучения языку, в том числе иностранному, и решению прикладных задач, связанных с переводом, составлением алфавитов для бесписьменных языков, изучением вероятности появления отдельных фонем и их сочетаний, составлением частотных клавиатур для компьютерных программ.

С 70-х годов XIX века сильно развивалась физиологическая фонетика, крупнейшим представителем которой был немец Э.Сиверс, автор первого фундаментального труда по физиологии звуков в Европе.²

Именно в те годы ученые считали, что фонетика должна строиться на основании данных акустики и физиологии, в то же время последние не должны учитывать фонетическую трактовку звуков. Именно пренебрежение фонетикой привело к тому, что некоторые акустики смешивали букву со звуком, употребляя

термин «буква» в значении «звук». Например, Л.Л.Мясников в своей работе был склонен к тому, чтобы смешивать букву и звук, Речь идет о русских буквах «я», «ю», «ё».³

Учение о фонеме должно было изменить представление ученых о лингвистической сущности звуковых единиц языка. С другой стороны, развитие радиовещания и телефонной связи вызвали к жизни новую отрасль акустики-электроакустику, что делало остро необходимым сотрудничество инженеров связи с лингвистами. Теперь начали изучать живую коммуникацию как процесс, где принимают участие не только говорящий и слушающий, но и система языка и канал связи. В этом наряду с другими дисциплинами заинтересована и фонетика. Потому и к исследованию фонетических процессов были привлечены представители как гуманитарных, так и точных наук. Правда, в средневековье фонетикой занимались в основном медики. Однако XIX век был поворотным в изучении звуковой стороны языка. Первым исследователем, кто взялся за всестороннее изучение звуковой стороны языка, был Винтелер. Далее появились возможности зафиксировать продукт воспроизведения. Благодаря электроакустической аппаратуре стало возможным изучить акустическую структуру и физическую картину речи. Одновременно с этим стали изучать влияние того, как воспроизведенное воспринимается человеком. Значит, помимо того, что говорящий это не просто робот, а человек, следовательно, весь процесс речеобразования представляет собой сложный процесс управления речью, т.е. психологию, но и процесс восприятия. Это еще раз показывает, что нельзя исключать человека из процесса коммуникации.

В предыдущих разделах говорилось о том, что самым низким уровнем в структуре языка является меризматический уровень, под которым понимается признак, который выступает как элемент структуры фонемы. Этот признак обычно называют дифференциальным (дистинктивным, конститутивным, различительным или релевантным). Под дифференциальным

признаком (ДП) подразумевается признак, который способен различать минимум одну пару фонем. Например,

в рус. яз.	в англ. яз.	в нем. яз.	в азерб. яз.
/pʲ/:/p/, /tʲ/:/t/, /sʲ/:/s/;	/p/:/b/,/t/:/d/, /s/:/z/;	/p/:/b/,/t/:/d/, s/:/z/;	/p/:/b/,/t/:/d/,/ s/:/z/
пять, пат, тяга : тайга сядь : сад	pet : bet tip - dip sink-zinc	Puppe : Bubbe Tag : Dach lassen : lasen	pir : bir (один) tən : dən (ровно) soyan : zoyal (лук, кизиль)

Мы взяли четыре языка. Только в одном из рассмотренных выше языков, а именно в русском языке фонемы противопоставлены по признаку мягкости и твердости. В остальных трех языках фонемы противопоставлены по признаку глухости/звонкости. Это означает, что в русском языке приведенные фонемы отличаются друг от друга по наличию и отсутствию признака мягкости и твердости, а в остальных языках различие базируется на наличии или отсутствии признака глухости и звонкости.

Следует подчеркнуть, что ДП определяется не акустико-артикуляторными коррелятами, он определяется чисто лингвистической связью, это значит, что к ДП нельзя прийти от акустико-артикуляторной характеристики. Еще И.А.Бодуэн де Куртенэ назвал сопоставление различающихся признаков семасиологизованно-морфологизованностью.

6.3. О дифференциальных признаках и их статусе.
Н.С.Трубецкой вводил для объяснения сути дифференциальных признаков понятие привативной оппозиции. Например, глухость и звонкость являются такими признаками для русского и немецкого языков, так как они служат различению глухих и звонких согласных. Вся бинарная классификация, предложенная Р.Якобсоном и его коллегами, вытекает из привативной оппозиции.

По замыслу бинаристов их классификация должна была исчерпать противопоставления фонем в любом языке. Безусловно, она базируется на уже имеющихся классификациях, представленных в трудах по классической фонетике. Например, участие голоса, способ образования, участие активного органа, локализация на спинке языка и т.д. Бинаристы учитывали голосовые возможности человека и рассматривали ДП как систематизацию признаков. В этой классификации признаки делятся на те, которые обусловлены источником голоса, и на те, которые обусловлены резонансом. С акустической точки зрения источник образует колебания, которые, проходя через резонанс, на выходе дают звуки. Источник издает два вида звуков: 1) тоновые, голосовые признаки; 2) шум, который возникает вследствие преодоления преграды, потому турбулентный проход дает шум. Они выделяют первичные признаки, к которым относятся как гласные, так и согласные. А к вторичным относятся только согласные. Здесь одни и те же признаки различают и согласные и гласные. В этом основное отличие этой теории от всех остальных. Естественно, один и тот же признак не может различать и гласные и согласные, что признал Г.Фант (1919-2009), один из создателей этой теории.

Первичные признаки. К ним относятся I. Гласные-согласные; и II.Согласные-гласные. На спектре видимой речи гласных мы наблюдаем отчетливое наличие формантной структуры, чего нет у согласных (см. рис. 9).

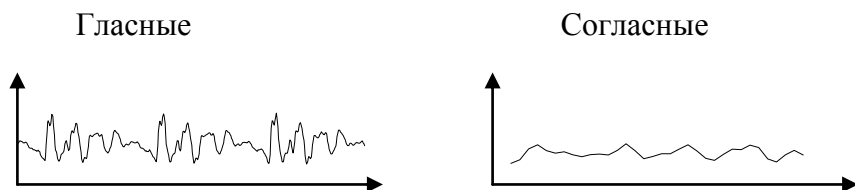

Рис. 9. Спектрограммы гласных и согласных

С артикуляторной точки зрения это означает подключение голосовых связок и отсутствие преград в надставной трубе.

Кроме этого, на спектре согласных мы наблюдаем площадь с меньшей суммарной энергией, а на спектре гласных больше этой энергии (см. рис. 10).

Рис. 10. Распределение энергии на спектре гласных и согласных

Здесь, как и в других случаях, речь идет об относительной характеристике. Именно эта позволяла авторам избавиться от проблемы сонантов. Шумные согласные и не гласные и гласные, а сонорные не гласные и несогласные.

Вторичные признаки подразделяются на те, которые обусловлены источником и на те, которые обусловлены дополнительным источником.

Ко вторичным признакам, обусловленным источником, относится:

Ш. Прерванный и непрерывный. Акустически это означает беззвучность, затем быстрое распространение энергии, что соответствует традиционным понятиям смычно-взрывных /p, b, t, d, k, g/ и щелевых /f, v, s, z, x, γ/. Артикуляторно мы имеем здесь включение и выключение надставной трубы. Сюда же авторы относят различие между /l/ и /r/.

IV. Признак глоттолизованности/ неглоттолизованности. Этот признак тоже обусловлен основным источником. Акустически этот признак характеризуется большим и меньшим выходом энергии в короткий промежуток времени. К глоттолизированным относятся согласные в грузинском и дагестанских языках с гортанной смычкой /t', p', k'/. Все остальные согласные определяются как неглоттолизированные: /t, p, k/ и т.д.

V. К признакам, обусловленным основным источником, относятся также резкие /нерезкие. Акустически это выражено в большей или меньшей интенсивности. Конечно же, речь идет об относительности этого понятия. Большая сумма энергии характерна для резких, иначе говоря, аффрикат, а меньшая сумма характерна для нерезких, т.е. щелевых согласных. Артикуляторно этому соответствует дополнительное препятствие в самом узком месте артикуляции, вызывающей турбулентный шум. Щелевые в свою очередь подразделяются на плоскощелевые и круглощелевые согласные.

Итак, III, IV и V признаки обусловлены основным источником. Теперь один признак, а именно **звонкий/глухой (VI)** относится к тоновым признакам. Это с акустической точки зрения означает наличие или отсутствие низкочастотных периодических колебаний. Артикуляторно это означает подключение или отключение голосовых связок. Ясное дело, что звуки, образующиеся при колебании голосовых связок, будут отнесены к звонким, остальные же определяются как глухие, так как у них нет периодических колебаний.

Остальные признаки обусловлены фильтрующей системой резонансов. При этом 5 признаков обусловлено основным резонатором, т.е. ротовой полостью и только один признак обусловлен дополнительным резонатором, т.е. носовой полостью.

VII. Признак компактности и диффузности. При компактных звуках звуковая энергия концентрируется в одной области спектра. Диффузные характеризуются рассредоточенностью энергии по спектру (см. рис. 11)

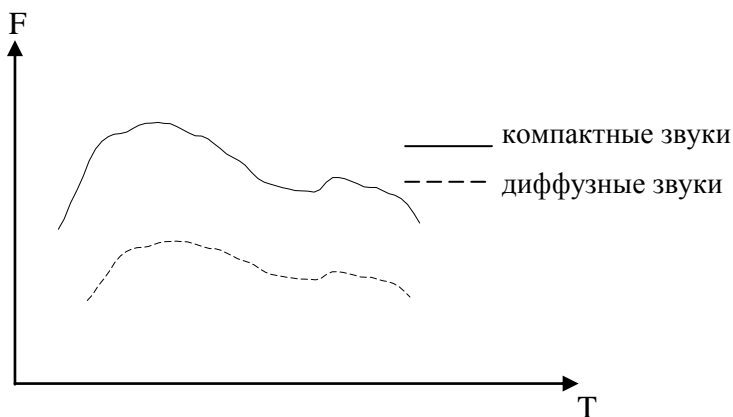

Рис. 11. Распределение звуковой энергии по спектру

У компактных звуков общее количество энергии увеличивается, а у диффузных - уменьшается.

В переводе на артикуляторный аспект это означает, что у компактных звуков резонатор по объему шире где-нибудь, а у диффузных наибольшая часть сужения находится либо впереди, либо сзади. Однако признак компактности и диффузности по-разному характеризует гласные и согласные.

VIII. Низкие (темные)/высокие (светлые). Акустически речь идет о сосредоточивании энергии на спектре звуков. Если она сосредоточена на низких частотах, значит, эти звуки низкие (темные). Наоборот, если она расположена на высоких частотах, значит, эти звуки высокие (светлые). В переводе на артикуляторные термины это означает, что низкие звуки образуются с участием губ и задней части спинки языка, а высокие звуки характеризуются произношением звуков в центральной части ротового резонатора.

IX. Бемольные/простые. Здесь решающим является повышение или понижение верхних составляющих спектра на полтона. Бемольные понижают верхние составляющие, а прос-

тые имеют их повышение. Артикуляторно это означает, что у бемольных наблюдается узкая щель, как например у губных. Широкие же характеризуются широкими щелями, например, у нелабиальных звуков.

X. Диезные/простые. Диезные характеризуются на полтона повышением составляющих на спектре. Артикуляторно, диезные палатализованы. Конечно же, здесь, так же как у предыдущих признаков, речь идет о соотносительной характеристике.

XI. Напряженные/ненапряженные. Акустические характеристики этих звуков сводятся к ограничению резонансных областей. Повышение энергии берется здесь в плане времени- протяженность во времени. Артикуляторно, здесь важно отклонение от положения покоя, за который принимается положение органов при произношении /ə/ (æ). Здесь можно было бы разъяснить положение вещей примерами из любого языка, например сильные и слабые согласные в азербайджанском языке, долгие и краткие гласные в немецком языке. В любом случае речь идет об условности описания.

XII. Носовой/неносовой, другими словами, признак дополнительного резонатора. Носовые находятся на более низких частотах (приблизительно 250 гц). Артикуляторно речь идет о четком и простом спектрах.

Подведем итоги. В этой дихотомической классификации выделяются признаки, обусловленные источником и резонатором. Далее источники звука подразделяются на голосовые и шумовые, соответственно, первичные и вторичные. Шумовые характеризуют согласные. При таком подходе нет четкого разграничения гласных от согласных. Фонологически гласные четко отличаются от согласных, так как первые образуют ядро слога. Это универсально и применимо ко всем языкам мира. Один и тот же признак не может быть отнесен как к гласным, так и к согласным. Например, диффузность гласных и согласных – совсем разные вещи.

Искать акустико-артикуляторные корреляты за фонологическими признакам бессмысленно. Например, в русских словах /s`ila/ «сила» и /s`at`/ «сядь» реализованы мягкий согласный /s`/. В действительности, он имеет одинаковые акустические характеристики, но его фонологическая нагрузка совсем разная: /s`i/ и /s`a/.

Главным недостатком этой теории, подчеркивает Л.Р.Зиндер, в том, что при ее помощи невозможно определить систему фонем языка. ДП вытекает из инвентаря фонем, но не наоборот. Для правильности сказанного обратимся к следующей таблице:

	s	s`	s°		- I	III	V	VI	VIII	IX	X	
I	-	-	-	s	{	- I	III	V	VI	VIII	IX	X
II	+	+	+			+ II	o IV	V	IX	XII		
III	-	-	-									
IV	o	o	o	s`	{	- I	III	VI	VII	VIII	XI	
V	o	o	o			+II	X					
VI	-	-	-			o IV	V	XI	XII			
VII	-	-	-									
VIII	-	-	-	s°	{	I	III	VI	VII	VIII	IX	
IX	-	-	+			II	IX					
X	-	+	-			o	IV	V	XI	XII		
XI	o	o	o									
XII	o	o	o									

Анализ таблицы показывает, что набор элементов у всех трех звуков разный. Исходя из этого, мы должны признать самостоятельность за всеми этими тремя звуками. Однако ни бинаристы, ни кто-нибудь другой никогда не признавал факт наличия трех фонем в русском языке. Все исходят из двух фонем. Следовательно, анализ по ДП должен идти после определения фонемного состава языка. Классификация по ДП не содержит в себе ничего нового, она лишь описывает фонемный состав в

других терминах. Это еще раз подтверждает, что нет прямого пути от физической организации к фонемной идентификации.

Однако преимущество этой классификации в том, что она позволяет понять варьирование фонем языка. Зная, что лабиализация не есть ДП для русского языка, мы можем заранее исключить звук «s°» из состава фонем в русском языке, т.к. он есть вариант фонемы /s/. Если фонема /x/ не имеет с точки зрения ДП звонкой пары, то из этого можем сделать вывод, что звонкий /_γ_/ будет его вариантом.

ДП есть дифферензор, а фонема конструирует эти признаки, образуя из них лингвистическую единицу. В азербайджанском языке, например, признак мягкость/твердость не выступает как дифференциальный признак, он является результатом действия произносительной нормы этого языка, в то время как для русского языка этот признак является дифференциальным, так как в системе фонем существуют мягкие и твердые фонемы.

рус.яз.	азерб.яз.
/m'at/	/daz/ (лысый)
«мят»	/dazi/ (его
/mat`/	лысина)
«мать»	/d'iz/ (колени)
/mat/	/d'iz'i/ (его
«мат»	колени)
/m'at'/	
«мять»	

Как видно из примеров, русские согласные сохраняют функцию противопоставления независимо от позиции. Они остаются мягкими и в позиции перед гласным заднего ряда и в абсолютном исходе слов. Азербайджанский же согласный /z/ перед гласными заднего и смешанного рядов /a/ и /i/ и в абсолютном исходе слов не смягчаются, а в позиции перед /i/ сильно смягчаются. Отсюда можно сделать вывод о том, что

ДП не имеет реальности, так как он отдельно сам по себе не может реализоваться. Для него должна быть среда, в которой он существует.

В русском языке имеет место чередование, которое наряду с окончанием выполняет семасиологизованное значение, как говорил еще И.А.Бодуэн де Куртенэ. В противопоставлении /r`iba/ «рыба» и /r`ib`e/ «рыбе» дательный падеж выражен двояко: чередованием /b/→ /b`/ и окончанием /e/. Причем при беглой речи гласный выпадает, согласный остается как единственный показатель падежа. В этом языке мягкость/твердость, с одной стороны, и глухость/звонкость, с другой, выступают как коррелятивные признаки, они имеют релевантность с точки зрения всей системы. В то время как переднеязычность/ заднеязычность не являются столь существенной для системы фонем русского языка, т.е. они не семасиологизованы. В немецком языке глухая фонема /t/ не имеет звонкой пары /dʒ/. Тем не менее любой немец употребляет /t/ без каких-либо трудностей. О самостоятельности ДП свидетельствует тот факт, что носители языка могут его выделить и произнести отдельно, если даже он не представлен в какой-нибудь отдельной фонеме. Например, фонему /ts/ в слове /tsirk/ «цирк» русские, особенно дети, могут произнести мягко – /t`s`/.

Набор ДП языка можно извлечь из системы фонем, при чем он гораздо меньше, чем состав фонем языка. Этот набор будет разным в разных языках. Ср.:

Набор дифференциальных признаков по бинарному принципу

азерб. яз.	нем.яз.	рус.яз.	англ. яз.
сильн./слаб.	звонк./гл.	звонк./гл.	звонк./гл.
губн./негубн.	губн./негубн.	губн./негубн.	губн./негубн.
перед.яз./	перед.яз./	перед.яз.	перед.яз./
неперед.яз.	неперед.яз.	/неперед.яз.	неперед.яз.
средн.яз./	средн.яз./	средн.яз./	средн.яз./

несредне.яз.	несредн.яз.	несредн.яз.	несредн.яз.
задн.яз./	задн.яз./	задн.яз./	задн.яз./
незадн.яз.	незадн.яз.	незадн.яз.	незадн.яз.
фарин./	фарин./	-----	фарин./
нефарин.	нефарин.		нефарин.
смычновз./шел.	смычновз./шел.	смычновз./шел.	смычновз./шел.
дрож./недрож.	дрож./недрож.	дрож./недрож.	дрож./недрож.
сон./ несон.	сон./ несон.	сон./ несон.	сон./ несон.
-----	-----	палат./непалат.	-----
-----	-----	-----	полугл./
			неполугл.+

Таким образом, число ДП можно определить для каждого языка отдельно. Их по нашей таблице 10 в английском языке и 9 в остальных языках. При этом ДП проходит через всю систему фонем, несмотря на то, что иногда в языке отсутствует какая-то пара по одному признаку, например, сонанты не имеют глухих пар или /t/ в немецком и /ts / в русском языке не имеют соответствующих звонких пар. Вместе с тем трудно приписать все признаки системе фонем. Так, например, в азербайджанском слове /d^ouz/ согласный /d^o/ огубляется, хотя в системе фонем этого языка нет противопоставления огубленного и неогубленного согласных. Этот признак так же, как палатализованность, веларизованность и аффрицированность можно определить как интегральный признак, так как он не является системообразующим признаком, не образует не одну фонему, но выступает как непосредственно составляющие при функционировании фонем языка. С точки зрения функционирования фонем языка интегральный признак выступает как необходимый элемент, без которого не мыслимо функционирование системы фонем языка вообще. Учитывая этот момент, мы предложили назвать фонему не только как пучок дифференциальных признаков, но и интегральных признаков.³ Если ДП существует самостоятельно и с этой точки зрения можно было бы говорить об отдельном уровне ДП-ов, то интегральные

признаки строго зависимы от позиций и комбинаций, а также от влияния суперсегментных явлений. В связи с этим надо сказать, что ДП выводятся из системы фонем, а не наоборот.

6.4. Перцептивный и функциональный аспекты. В языке все подчинено плану содержания. Об этом свидетельствует явление омонимии. Одинаковые по звучанию единицы выражают разные значения. Москвичи рассматривают фонему как часть языкового знака. Некоторые вместо омонимии употребляют скрещение. Но если фонема - единица плана выражения и она не имеет сама по себе значения, как можно говорить об омонимичности фонемы? В немецком языке есть звукосочетание /pf/, которое выступает в словах /[^]>apfəl/ (яблоко) и /[^]>apfal/ (падение) почти одинаково. Значит ли это, что мы имеем дело с омонимией на фонемном уровне? Нет, конечно, потому что здесь различие не в звучании, а в морфологической структуре слова. Разные звучания - необходимые предпосылки для наличия разных фонем, говорит Л.Р.Зиндер. Без этой предпосылки нельзя построить теорию фонемы. Однако, обратное не верно, т.е. разные звуки не обязательно ведут к разным фонемам. Например, «л» и «р» в японском языке. Указанные противоречия между единообразием фонемы и многообразием ее материального воплощения и решение этого противоречия обусловило появление теории фонемы. Фонема выступает в языке как функциональная единица. Появление разновидностей фонемы зависят от условий ее функционирования. Звуковые критерии не могут объяснить причину соотношения фонемы и ее вариантов. Только лингвистически можно решить эту проблему.

Ясно, что артикуляция звука воспитывается через слух. Когда говорят, что язык передается от поколения к поколению, то имеют в виду, что он передается именно через слух. Моторная теория признает единство артикуляторных и акустических признаков. Они переплетаются и представляют какую-то фонему языка. Однако признаки сами по себе, вне фонемы не существуют. То, что фонемы – это реальность, вовсе не означает,

что обучение идет пофонемному. Мы узнаем слова, даже неизвестные нам, по звуковому составу и по значению. Но восприятие происходит на фонемной основе. Если бы было пословное узнавание, тогда мы имели бы в нашем мозгу отпечатки всех слов. Это не реально, потому что человеческий мозг не может охватить рисунки всех слов. Человек знает не только все фонемные сочетания, но и закономерности их реализации. А это уже вопрос нормы, который воспитывается у него с рождения под воздействием окружающего мира. Однако это не значит, что значение слова складывается из фонем, но их оболочка делится на фонемы благодаря связи фонем со значением в потенции.

Поэтому правильнее будет сказать, что план выражения членится на предельные единицы, которые мы называем фонемой. Но неправильно будет сказать, что слово складывается из фонем. Л.В.Щерба подчеркивал еще в 1912 году, что в памяти носителей языка хранится основной вариант фонемы. Он осознается всеми носителями языка. Но путь от фонемы к ее оттенкам и, наоборот, прямой, а не через другие варианты. В азербайджанском языке можно выделить пять основных оттенков согласных: губной/негубной, темный/нетемный, светлый/ несветлый, ударный/неударный, вариант в открытом и закрытом слогах. Ср.:

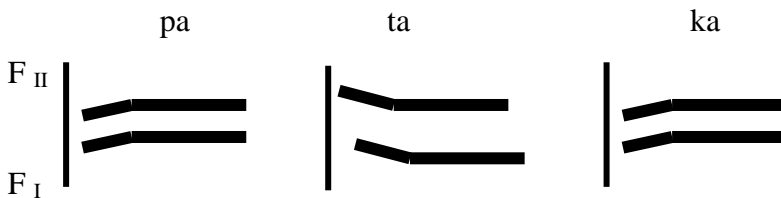
/daz/	(лысый)
/duz/	(соль)
/diz/	(колени)
/dizi/	(его колени)

Л.Р.Зиндер пишет, что с точки зрения сознания материальным субстратом фонемы будет его типичный оттенок. Типичным оттенком для гласных может быть их изолированное произношение. А для согласных практически найти типичный вариант невозможно. Есть попытка взять в качестве типичного аллофона статистически чаще встречающиеся варианты. Допустим, для русского языка типичным вариантом гласного /a/ будет его реализация между двумя мягкими согласными, т.е. /_æ_/ в словах «пять», «мяч», «мять» и т.д. Такая постановка не

спасет положение, потому что этот вариант не имеет никакого сходства с гласным /a/, следовательно, распознавание гласного не произойдет. Именно так поступают с решением вопроса акустики. Они думают, что фонему можно определить акустически. Потому и предлагают термин «звукотип», определяемый как класс звуков. Однако и этот подход не смог решить проблему восприятия. Если изолировать звуки от контекста, например, в азербайджанском языке /d/ из /düz/ (ровный), то мы получим очень сильно огубленный согласный: /_d°_/. В русских словах /kot/ «кот» и /tok/ «ток» гласный /o/ имеет /_uo_ / или /^uo/ - u-образный переходный участок, так что он производит дифтонгоидное впечатление. Значит ли это, что в русском языке есть такой звукотип и путь от этого к фонеме прямой. Нет, конечно.

Затем была предложена теория звукоэталонов, которая базируется на звуковой неоднородности. Тем самым эта теория, развиваемая в основном Л.А.Вербицкой (1939) пришла к выводу, что русские носители различают не 6, а 18 единиц-гласных: по 4 варианта гласных /a/, /o/, /u/ и /e/ и по одному варианту /i/ и /i/. Когда из потока речи вырезается /e/ и дается на прослушивание, то слышится /i/.

В речевом акте нет смысла искать акустический коррелят фонемы, потому что каждая фонема имеет разный рисунок в зависимости от расположения ее в различных позициях. Если возьмем отрезки / ra / , /ta / и / ka/, то их спектральная картина будет выглядеть приблизительно так:

Практически четкой границы между начальными согласными и следующими за ними гласными нет. Об этом свиде-

тельствует **закон коартикуляции**. Поэтому восприятие не отличает согласных друг от друга. Важно, чтобы была смычка и ее взрыв, причем взрыв не бывает отдельно для каждого согласного. Таким образом, мы реальной границы между звуками никогда не найдем. Они перекрываются. Раньше полагали, что лингвистическая граница совпадает с акустической. И это доказали эксперименты Н.Дукельского в работе «Принципы сегментации речевого потока» (1962). Поэтому, кроме лингвистического критерия, другого критерия членения речевого потока не существует. К фонеме мы приходим в результате анализа. Физический субстрат – это то, чем мы общаемся. Поэтому отказаться от него мы не вправе. Однако, этот субстрат не дан нам дискретно, он существует в сочетании звуков. Восприятие есть алгоритмическое решение задачи. Звуки /s/ и /ʃ/ не воспринимаются отдельно. Но как только мы их употребляем в словах /su/ «вода» и /ʃad/ «радостный», то восприятие 100-процентное.

Мы узнаем аллофоны, которые зависят от позиции, комбинации и суперсегментных факторов. Через аллофон узнаем фонему, которая абстрагирована от всех этих факторов, но которая функционирует всегда в своих аллофонах, последние же в звуках. Вот, собственно говоря, диалектика общего, частного и отдельного.

Ниже будет описана методика выделения фонем языка на основе лингвистического критерия СПШ и разработанной нами и нашими учениками в трудах, опубликованных с начала 80-х годов прошлого века.⁴ Суть этого анализа сводится к следующему.

В азербайджанском языке есть сегмент /o/, который может составить оболочку самостоятельного слова, – это местоимение 3-его лица ед. числа. Когда это местоимение склоняется, то оно принимает, кроме падежного окончания, еще и соединительный элемент, так как в этом языке на стыке морфем появление двух гласных невозможно. Ср.:

/o/ - (он)

/o+n+un/ (его)
/o+n+a/ (ему)
/o+n+u/ (его)
/o+n+da/ (у него)
/o+n+dan/ (от него)

То же самое наблюдается при образовании от этого местоимения формы множественного числа: /o+n+lar/ (они).

Как видно из анализа морфологической структуры этих единиц, между гласным /o/ и согласным /n/ проходит морфологический шов. Значит, они не могут быть материальным субстратом одной фонемы. В азербайджанском языке звуковое сочетание /nl/ тоже не может быть субстанцией одной фонемы, поскольку между ними проходит морфологическая граница, как это мы видели в слове /o+n+lar/ (они). У нас есть такие пары слов /gala/ «скала» и /gal+a/ грамматическая форма изъявительного наклонения от глагола /gal/ «оставайся». Можно взять еще слово /uža+l/ «возвышайся» от слова /uža/ «высокий» или /ana+j+a/ «матери», /ana+s+1/ «его мать», /bala+m/ «мой ребенок» и /tixa+ž/ «пробка». Мы видим, что согласные /l/, /j/, /s/, /m/ и /dž/ так же, как гласный, отделяются от предшествующей и последующей частей слова морфологической границей.

Итак, при помощи критерия морфологической границы мы выделили /o/, /n/, /l/, /a/, /j/, /s/ /m/ и /dž/.

Анализ можно продолжить и выделение остальных фонем азербайджанского языка будет показано этим же методом. В слове /dolab/ «шкатулка» согласный /b/ отделяется от корневой морфемы /dola/ «завертывай» и «обвести вокруг пальца». Далее, в словах /dol+u/ «заполненный», /at+1/ «лошади», /əl+ə/ «руке», /üz+ü/ «его лицо», /iş+i/ «его работа» последние гласные отделяются от корня морфологической границей. Кроме того, они являются носителями падежных значений. Из гласных только /e / и /ö/ не встречаются в конце слов, потому и не могут выполнять функцию окончания. Однако, это не значит, что их выделение этим способом не возможно. Их выделение дости-

гается по принципу остаточного членения, т.е. если мы доказали, что /l/ отделяется с обеих сторон морфологической границей, то естественно предположить, что этот согласный автоматически отделяется и в словах /ǒl/ «умри» и /el/ «народ, страна».

К приведенным выше восьми выделенным единицам можно добавит еще 8 единиц, а именно /a/, /u/, /ɪ/, /ə/, /ü/, /i/, /ö/, /e/.

У нас есть слово /jaʃa/ «живи», из которого образуется новое слово /jaʃa+r/ «имя». Здесь в качестве словообразовательного элемента выступает согласный /r/. Нам могут возразить, что корнем здесь будто является /jaʃ/. Но с этим согласиться нельзя, так как инфинитивная форма у них разная: /jaʃ+max/ и /jaʃa+max/. Таким образом, еще один согласный выделяется с помощью морфологического критерия. А вот в словоформе /udž+a+l+t/ «возвышай» согласный /t/ отделяется, так как он является единственным выражением грамматического значения адхоратива (понудительный залог глагола).

Из противопоставления /dara+x/ «гребень» и /çɪraχ/ «лампа» выводится, что /x/ в конце первого слова отделяется от корня, выступая как словообразовательный элемент. Таким образом, /r/, /t/ и /x/ то же вычлняются по тому же морфологическому принципу.

Из противопоставления /gujɣux/ «хвост» и /gogu+x/ «заповедник» и /bəzək/ «птица» и /bəzək+k/ «украшение» вытекает, что в словах, приведенных в левой части пары, конечные согласные вычлняются благодаря морфологической границе, которая проходит между ними и корневой морфемой. То же самое можем сказать о выделении /ʃ/ в слове /tanɪ+ʃ/ «знакомый». То, что в слове /tanɪʃ/ последний согласный является единственным показателем словообразования, подтверждается корнем глагола /tanɪ+ʃ/. В.Вейсалова (1973), исследовавшая закономерности проблемы формирования и развития детского языка, писала в этой связи следующее: «Если гласный /a/ выделяется из

речевого потока благодаря своей связи с морфемой в потенции, потому что в слове /gal+a/ «остался бы» гласный в препаузальной позиции отделяется от предшествующего согласного /l/ при помощи морфологической границы, тем же способом вычленяется /l/ в слове /udža+l/ «возвышайся». Этим способом они приобретают самостоятельность и сохраняют ее во всех остальных случаях. Автономность звуковой стороны, подчеркивает Л.Р.Зиндер, заключается в том, что выделяясь из речевого потока благодаря потенциальной связи со значимой единицей-морфемой, фонема становится самостоятельной и сохраняет эту самостоятельность и в тех случаях, когда она непосредственно не связана с нею. Поэтому выделение гласного /a/ в словах /as, aʃ, az, aj, ad, at, ax, aç, atʃ, ah/ становится возможным на основе потенциальной связи его со значением. Значит, если /a/ выделяется, следовательно, выступают /ʃ, s, z, j, d, t, x, dʒ, tʃ, h, g, ɣ/ как минимальные сегменты. На основе этого критерия выделяются также согласные /ʃ, s, z, j, d, t, x, dʒ, tʃ, h, g, ɣ/ от гласного /a/. Таким образом, вычленение /j, g, k, g, h/ и др. основывается на принципе остаточной выделимости».⁴

/o/, /n/, /l /, /a/, /j/, /s/, /m/ , /dʒ/, /b/, /u/, /l/, /ə/, /ü/, /i/, /ö/, /e/, /r/, /ʃ /, /s /, / z /, /j /, /d /, /t /, /x /, /dʒ/, /tʃ /, /h /, /g /, /ɣ/ , /j /, /g /, /k /, /g /.

По той же методике можно выявить инвентарь фонем любого языка.

После того, как мы устанавливаем инвентарь фонем языка, можем приступить к выявлению отношений оппозиций между отдельными фонемами, т. е. можем решить вопрос парадигматических отношений между фонемами системы.

6.5. Теория о системе фонем. Выяснение внутреннего устройства фонем требует выяснения отношений субстратов фонем. Субстрат от фонемы отделить невозможно, точно так же невозможно отделить фонему от субстрата. Практически это означает изучение типичного варианта, который реально представлен в виде звуков. Когда мы берем гласный /a/ азербайджан-

ского языка, то тем самым мы освобождаемся от влияния на него накладываемых особенностей сочетаний и позиций. Сам Н.С.Трубецкой тоже построил свою теорию именно на основе типичных оттенков. Л.В.Щерба говорил, что когда мы говорим о фонемах, имеем в виду типичные оттенки. Система фонем предполагает противопоставление каждой фонемы всем остальным фонемам языка. Это значит, что мы должны установить отличия каждой фонемы от всех остальных фонем данной системы.

Если нам встречаются /р/ и /р`/, то относительно их фонематичности спора не бывает, так как они обладают самостоятельными различительными признаками. Но когда речь идет о /р/ и /р`/, то необходимо доказать их самостоятельность. Типология противопоставлений базируется на ДП. Мы уже выше говорили о ДП. Однако от его определения зависит типология фонологических оппозиций. Под ДП-ом понимается наличие того или иного признака в системе языка или же такой признак, который способен различать хотя бы одну пару фонем языка. ДП действует во всей системе языка. Тут наблюдается расхождение между структуралистами. Например, в русском языке есть следующие противопоставления:

/d/ и /n/
/d`/ и /n`/
/b/ и /m/
/b`/ и /m`/

Из звонких /g/ не характеризуется неназальностью, так как в русском языке нет противопоставления /g/ : /ŋ/.

Н.С.Трубецкой предложил следующую классификацию фонологических оппозиций:

А. Классификация фонологических оппозиций с точки зрения сходства между членами одной оппозиции:

одномерные
/p/: /b/

/f/: /b/;

многомерные
/f/:/d/

гомогенные
/f/ : /b/

гетерогенные
/f/ : /d/

Одномерные характеризуются сходством, кроме одного признака, а многомерные – это такие оппозиции, члены которых различаются между собой двумя и более признаками.

Данную классификацию оппозиций можно провести с точки зрения различия между членами оппозиций. Здесь можно выделить пропорциональные, когда члены одной оппозиции по сходству признака пропорциональны членам других оппозиций, и изолированные, члены которых не имеют больше себе подобных. Ср.:

пропорциональные

/p/ : /b/

/t/ : /d/

/k/ : /g/

изолированные

/z/ : /j/

В азербайджанском языке нет больше такой пары фонем, члены которой различались бы только переднеязычными и среднеязычными, признаками.

Слева даны оппозиции одномерные, пропорциональные, а справа – многомерные, изолированные. /f/ : /t/ и /v/ : /d/ пропорционально многомерные, а /f/ : /r/ и /g/ : /x/ -многомерные изолированные.

Б. Оппозиции можно классифицировать с точки зрения отношений одной оппозиции к другим оппозициям. Здесь можно выделить привативные, градуальные и эквиолентные. Оппозиция привативная, если отношение между членами больше не повторяется ни в одной оппозиции. Она градуальная, если различие между крайними членами оппозиций ступенчатая. Все одномерные изолированные оппозиции можно назвать эквиолентными. Ср.

привативные

/t/ : /d/

градуальные

/u/ - /o/ - /a/

эквиолентные

/p/ : /x/

Для установления отношений между каждой фонемой и всеми остальными фонемами надо провести исследование по всем фонемам данного языка. Предложим методику установления отношений между одной и всеми остальными согласными азербайджанского языка. Ср.:

1. /p/: /b/: - одномерн., пропорц.и привативн.(обе губн., смычно-взрывн., неназ.)

2. /p/: /m/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (губные, смычно-взрывн.).

3 /p/: /t/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (глухие, смычно-взрывн.).

4. /p/ : /d/ - многомерн., прпорц. эквиполен. (смычно-взр., неназал.).

5. /p/ : /n/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн.).

6. /p/ : /k/ - многомерн., пропорц., эквиполен.(смычно-взрывн.).

7. /p/ : /k`/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн.).

8. /p/ : /g/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн.).

9. /p/ : /x/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн, щелевой).

10. /p/ : /s/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн., щелевой).

11. /p/ : /z/ - многомерн., пропорц., эквиполен.(смычно-взрывн., щелевой).

12. /p/ : /f/ - одномерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн, щелевой).

13. /p/:/j/ - многомерн., пропорц., эквиполен.(смычно-взрывн., щелевой, двуфокусный).

14. /p/ : /ʒ/ - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн., щелевой, двуфокусный).

15. /p/ : /t/ - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн., аффриката).

16. /p/ : /dʒ/ - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн., аффриката).

17. /p/ : /r/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн., дрожащий).

18. /p/ : /l/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн., скользящий).

19. /p/ : /j/ - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн., щеловой).

20. /p/ : /v/ - многомерн., пропорц., эквиполен. (смычно-взрывн., щеловой).

21. /p/ : /ɣ/ (xh) - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн., щеловой)

22. /p/ : /λ/ (gh) - многомерн., изол., эквиполен. (смычно-взрывн.).

Таким образом, из 22 оппозиций 20 многомерные, 2 одномерные, 1 привативная, 21 эквивалентная, 6 изолированные, 16 пропорциональные. Здесь мы исходили из инвентаря согласных фонем в количестве 24-х фонем. Всего у нас получится $22 \times 22 = 524$ оппозиции.

Только в одной оппозиции, а именно в /p/ : /b/, признак глухости/звонкости играет решающее значение. Две оппозиции, а именно /p/ : /b/ и /pʰ/ : /bʰ/ являются одномерными, так как различие между их членами базируется на одном признаке. В любом случае надо исходить из общего понимания ДП. Например, в русском языке твердость/мягкость является ДП и он проходит через всю систему фонем. Это значит, что если даже какой-то фонеме по этому признаку не противостоит никакая другая фонема, то она все равно является носителем этого признака, в инвентаре согласных фонем есть русская фонема /ts/, которая является твердой, если даже у нее нет мягкой пары.

6.6. Фонологические корреляции. Привативные, одномерные и пропорциональные оппозиции находятся в особен-

ном отношении. Их отношения в системе оппозиций Н.С.Трубецкой назвал корреляцией. Всякие одномерные и пропорциональные оппозиции образуют корреляции, которая может быть определена как совокупность всех пар, обладающих коррелятивным признаком. Например, звонкость и придыхательность образуют единый класс. Ср.:

/b/ : /p/ /b/ : /p/ : /ph/ /p/ : /ph/

На самом деле корреляция – это родственный класс фонем, где они группируются по какому-то признаку. Коррелятивные ряды могут быть трех-, четырех- и пятичленными.

корреляции

четырёхчленные

трехчленные

нем.яз.

русск. яз.

древнегреч. яз.

/u/ : /o/ : /ö/ : /e/;

/p/ : /p`/ : /b/ : /b`/;

/φ/ : /β/ /π/

А.А.Реформатский придерживался другой терминологии: коррелятивные /некоррелятивные. А последние подразделялись на замкнутые (/t/ : /d/) и незамкнутые. Замкнутые соответствуют одномерным оппозициям. Незамкнутые в свою очередь делятся на ступенчатые (градуальные) и неступенчатые. Неступенчатые оппозиции имеют два типа:

неступенчатые

неступенчатые цепочки

неступенчатые пучки

/p/ : /t/ : /k/

/ts/

/b/ : /d/ : /g/

/t/ /s/

Теории Н.С.Трубецкого и А.А. Реформатского построены по чисто фонетическому принципу. В них лингвистический статус ДП не учитывается. Еще И.А.Бодуэн де Куртенэ подчеркивал связь между коррелирующими парами семасиологизован-

ной, т. е. лингвистически обусловленной. Палатальность и непалатальность в русском языке являются не просто физическим субстратом мягких звуков, они выражают определенное грамматическое значение. Например, в азербайджанском языке /get+mək/ (идти) и /ged+ir/ (он идет) или в русском языке /truba/ и /trub`e/. Чередование, выраженное в одном признаке, служит формированию самостоятельной грамматической формы.

Фонетические классификации давным-давно противопоставляет гласные и согласные, называя их признаки вокалическими и консонантными признаками. К вокалическим признакам относятся признаки раствора - подъема языка и степень сонорности, и признаки локализации акустически тембровый признак, то есть положение губ и движение языка по горизонтали. От участия губ зависит лабиальная, а от движения языка лингвальная корреляции. Различают линейную, четырехугольные и трехугольные оппозиции. Линейную оппозицию мы находим в адыгейском языке:

$$\begin{array}{cc} /i/ & /u/ \\ & /a/ \end{array}$$

В следующей схеме представлены корреляции по признакам лабиальности и лингвальности:

задн.	передн.
/a/	/æ/
/o/	/e/
/u/	/i/

В польском языке мы имеем корреляцию лабиальный непереднего ряда, другую - нелабиальный непереднего ряда. Ср.

/o/ - /e/	/u/ - /i/
/a ^o / : /a/	/u ^o / : /ü/

В ташкентском говоре узбекского языка мы имеем следующие корреляции, где /a^o/ и /æ/ эквивалентны. Ср.:

низкие	высокие
/ɔ/	- /æ/
/o/	- /e/
/u/	- /i/

В русском языке нет лингвальной корреляции, есть только лабиальная клорреляция. Ср.:

/a/
/o/
/u/

Эти могут заменить свой характер по ряду. Ср.:

/æ/	«пять»
/ö/	«тетя»
/ü/	«люди»

В немецком языке мы имеем трехклассную, трехугольную систему. Ср.:

/a/		/a:/
/ɔ/	/oe/	/ε/
/o:/	/ø:/	/e:/
/v/	/γ/	/l/
/u:/	/γ:/	/i:/
<u>/ao/</u>	<u>/ɔo/</u>	<u>/æ/</u>

Вокализм азербайджанского языка можно было бы представить в такой схеме:

/ o /	/ a /
/ u /	/ i /
/ ö /	/ ə / / e /
/ ü /	/ i /

В. В фонологической литературе принято различать типы оппозиций с точки зрения функционирования их членов. Если

один член привативной оппозиции не встречается там, где возможен другой член, то эту оппозицию принято называть нейтрализованной.

В русском и немецком языках нейтрализуется признак глухости/звонкости. Противопоставление в русском языке гласных /a/ и /o/ нейтрализуется в безударной позиции: /xot/ («ход») - /xɔdɪ/ («ходы»), точно так же, как нейтрализуется противопоставление /t/ и /d/. В этих случаях учитывается фонологическая система языка. Однако, отсутствие здесь лингвистического критерия делает теорию Н.С.Трубецкого о нейтрализации фонологических противопоставлений непригодной. По Н.С.Трубецкому, нейтрализация имеет место в тех случаях, когда противопоставление базируется на одном признаке. Если возьмем /b/ и /d/, то у них общими являются признаки смычные, неносовые, звонкие и заднеязычные. Для /t/ и /d/ /t/ является архифонемой. Здесь можно было бы согласиться. Но причина нейтрализации не в фонетических условиях, а в лингвистических факторах, а именно нейтрализующиеся фонемы являются лингвистически родственными, так как они выступают в пределах одной морфемы. Возьмем примеры из русского и азербайджанского языков:

рус.яз.	нем.яз.
/sut/ : /suda/ «суд-суда»;	/ra:t/ : /ra:d(ə)s/ «колесо»- «колеса»
но /kot/ : /kata/ «кот- кота»;	/ra:t/ : / ra:t(ə)s /«совет» - «совета» ⁵

Конечно, с точки зрения функционирования некоторые фонемы имеют ограниченную дистрибуцию. В каких-то позициях встречается только один признак. Щербовская школа различает два вида ограничения дистрибуции: 1. Ограничение, не ведущее к чередованию фонем; 2. Ограничение, ведущее к чередованию фонем. В немецком языке, например, /d/ не встречается перед /l/. Наоборот, /b/ может сочетаться с /l/. Ср.: /dlao/*, но /blao/ («синий).

6.7. Литература и замечания

¹ Hintze F. Bemerkungen zur Methodik phonologischer Untersuchungen der Wortstruktur "Studia linguistica", 1948, №2

¹ Sievers E. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig, 1871, 1901

² Мясников Л.Л. Объективное в распознавании звуков речи. «Журнал технической физики», М.-Л., 1943, т. XIII, вып. стр. 109

+Комментарии к таблице. Азербайджанские согласные противопоставляются по признаку сильные/слабые, в то время как всем другим языкам характерен признак звонкость /глухость. Что касается признака по активному органу, то согласные можно классифицировать по бинарному принципу: губные/негубные, переднеязычные /непереднеязычные, среднеязычные/несреднеязычные, заднеязычные/незаднеязычные, фарингальные/нефарингальные. Далее по способу образования можно выделить признаки смычно-взрывные и шелевые, дрожащие/недрожащие. И, наконец, необходимо выделить еще один признак, который может быть определен как сонанты/несонанты. Из таблицы видно, что признак палатальности/непалатальности присущ только русскому языку, равно как и полугласность/неполугласность существует только в английском языке.

³ Вейсалов (Вейсялли) Ф.Я. Проблема варьирования фонем языка в современной лингвистике. «Вопросы языкознания», 1990, № 3.стр. 72-80.; Veysəlli F. Seçilmiş əsərlər. Bakı, "Mütərcim", 2010, 640 s.

⁴ Veysəlova V.F.Uşaq dilinin formalaşması və inkişafı. ND, Bakı, 2002, s.56. См.: также: Буланин Л.Л. Фонетика современного русского литературного языка. Л., 1977, 245 стр. Выявление состава фонем немецкого, английского, французского и русского языков по описанной методике сделано соответственно Ф.Вейсялли (Вейсаловым), В.Вейса-

ловой, С.Поладовой, М.Тахмазовой, Дж.Мамедкулиевым и Дж.Бабаевым. См.: Вейсалов (Вейсялли) Ф. Варьирование гласных фонем современного немецкого языка (теоретические проблемы и экспериментальные данные). ДД, Л., 1980; Veysəlova V.F. Uşaq dilinin formalaşması və inkişafı. Bakı, 2002. Поладова С. Теория фонемы в англистике последжоунзовского периода. Баку, 2006; Тəhməzova M. Çağdaş ingilis dilində periferik fonemlər. ND, Bakı, 2004; Мамедкулиев Дж. Варьирование интонации в терминальной синтагме (экспериментально-фонетическое исследование), Баку, 1989; Бабаев Дж. Конфронтативный анализ вариантов гласных фонем русского и азербайджанского языков. Баку, 2005, 152 с.

⁵ Транскрипция дана по Международному Фонетическому Алфавиту.

Handbook of the International Phonetic Association. Cambridge University Press. 1999.

6.8. Вопросы по шестой главе

1. Согласны ли в с резким разграничением фонетики и фонологии?
2. В чем они сходны и в чем различны?
3. Какие аспекты изучения звуковой стороны языка вам известны?
4. Чем занимается артикуляторный аспект?
5. Каковы успехи акустического аспекта изучения звуковой стороны языка?
6. Как Вы себе представляете перцептивный аспект?
7. В чем особенности функционального аспекта изучения звуковой стороны языка?
8. Что лежит в основе типологической классификации Н.С.Трубецкого?
9. Сможете описать систему фонем при помощи дифференциальных признаков?

10. Есть ли в языке на самом деле нейтрализация фонем?

ГЛАВА VII

АЛЛОФОНИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ФОНЕМ ЯЗЫКА

7.1. Комбинаторика фонем. Структурно-фонологический анализ призван установить не только принципы выделения отдельных фонем языка, определения их инвентаря и системных отношений между фонемами и их группами, но и правила, по которым единицы фонологического уровня сочетаются, пределы и условия варьирования каждой фонемы. Тем самым мы устанавливаем совокупность комбинационных правил, которые позволяют носителям языка построить из исчисляемого множества единиц сотен тысяч слов и предложений. Подобно тому, как мы в синтаксисе выявляем валентные свойства каждой лексемы, взаимоотношений слов в развернутой речи, также в фонологии необходимо выделить специальный раздел, который рассматривал бы комбинаторные способности или же функциональные нагрузки каждой фонемы. Этот раздел можно назвать комбинаторикой или фонотактикой. Фонотактика или комбинаторика изучает сочетательные возможности, типичные/нетипичные, допустимые/недопустимые сочетания каждой фонемы внутри слова или большей единицы, чем слова, что открывает новые горизонты для фонологической и лингвистической типологий. Мысль о необходимости нового раздела в фонологии была высказана еще И.А.Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром, Н.С.Трубецким, а в последнее время Дж. Гринбергом¹, по мнению которых комбинаторика характеризует язык не в меньшей мере, чем фонемный состав.

Комбинаторику фонем особенно в немецкоязычной литературе принято называть фонотактикой², что с терминологической точки зрения нельзя признать удачной по той простой причине, что этот термин ассоциируется с фонемами. Создается

впечатление, будто речь идет о сочетании фонов, будто сочетаются фоны, а не сами фонемы. Во избежание недоразумений и с целью подчеркнуть принадлежность термина к эмическому уровню-фонемам, представляется целесообразным термин комбинаторика фонем. Мы самым решительным образом отвергаем тезис о том, что будто фонемы являются абстрактными единицами, которые реализуются в речи в виде аллофонов или вариантов, что в речи сами фонемы никогда не существуют.³

Выявляя комбинаторику каждой фонемы, мы можем дать классификацию аллофонов, обусловленных дистрибуцией той или иной фонемы, определить информативность или функциональную нагрузку фонем в зависимости от их позиций, что является очень обнадеживающим для разработки проблем автоматического распознавания и машинного перевода. Комбинаторика в известной мере способствует решению не только технических проблем, но и таких вопросов как разработка новых методов стенографии, закодирования и декодирования текстов, а также создания в языке новых слов для обозначения названия товаров и знаков. Комбинаторика имеет немаловажное значение для обучения неродному языку, поскольку контрасты имеются не только в системе фонем контактирующих языков, но и в сочетательных свойствах фонем каждого из языков. Она подчинена в каждом языке своим закономерностям. Если взять фонемы немецкого языка /t/, /t̥/ и /r/ и попытаемся образовать из них существующие в немецком языке слова, то легко убедимся в том, что по формуле Перм. 3!³ = 1.2.3 из 6 теоретически возможных слов только слово /t̥ r/ (дверь) встречается в этом языке. Так обстоит дело в любом языке.

Благодаря комбинаторике мы можем предсказать тот вариант фонемы, который связан с данной позицией и комбинацией. В русском языке, например, гласная фонема /e/ встречается в анлауте слов после четырехчленного сочетания /fstr/ и перед /ç/, тогда как для немецкого и азербайджанского языков такое сочетание невозможно. При обучении неродному языку

можно предложить весь диапазон варьирования каждой фонемы с подробными акустико-артикуляторными характеристиками каждого проявления фонемы. Давая вариативные ряды каждой фонемы, мы создаем условия для говорящего и слушающего реализовывать в процессе коммуникации на месте варианта родного языка необходимый вариант изучаемого языка. Сравним варианты гласного /a/ соответственно в немецком, русском и азербайджанском языках:

ЯЗЫКИ

азерб.	нем.	рус.
1.[ã] /ad`a/ (остров)	[^ã] /aber/ (но)	[ь] «головой»
2.[ä.] /a.d`il/ (справедливый)	[á:] +К (зв.) /Asien/ (Азия)	[ь] «говорится»
3.[ã] /jala`ma/ (ст.Ялама)	[á:] +К(гл.) /Pappel/	[ə] «дядя»
4.[a] /paltar`da/ (в одежде)	[^á:] +К(зв.) /Ader/	[Λ] «баранина»
5.[a] +К /ham`am/ (баня)	[ã.] /Garage/ (гараж)	[a] «баран»
6.[a/] /bala/ (ребенок)	[á:/] /sah/ (увидел)	[a] «мат»
7.[ã] /ganan/ (смышленный)	[ã./] /Aroma/ (арома)	[ã] «банан»
8.[ã] /babam/ (мой дед)	[ã:] /mahnen/ (упомянуть)	[ã] «бабушка»
9.[a→] /axmax/ (дурак)	[ã:] /Gabel/ (вилка)	[a:→] «хаганат»
10.[←a] /dadanmax/ (привыкнуть)	[a:→] /lag/ (лежал)	[←a] «дата»
11.[a] +К(гл.) /batabat/ (село Батабат)	[←a:] /Tat/ (дело)	[á:] «баба»
12.[a] +К (зв.) /zaval/	[`a:] +К (гл.) /Atem/ (дыхание)	[ã.] «огонь»

В каждом из рассматриваемых языков мы выделили 12 вариантов. Их число может быть значительно больше, если будут учтены все особенности реализации каждой фонемы. Сравнение вариантов показывает, что в русском языке градация или же варьирование протекает в направлении преобладающих

качественных изменений с незначительными количественными изменениями, в то время как в немецком языке варьирование протекает в количественном направлении с незначительными качественными изменениями. В азербайджанском языке варьирование зависит как от качественных, так и от количественных факторов. Но начальный или первый корневой гласный слова произносится всегда четко и внятно, потому что выполняемая им функция – быть предопределителем сингармонической организации просодии слова – не позволяет ему сильно редуцироваться. Но вопрос о том, какой из этих вариантов является для механизма языка наиболее существенным, требует тщательного исследования. Для лингвистического анализа и практических целей наиболее релевантным вариантом является тот, который находится в позиции максимальной независимости, так как подставка этого варианта на месте другого не приведет к нарушению смысловых связей. Поэтому этот вариант Л.В.Щерба в свое время назвал типичным.³ Статистически наиболее часто встречаемый вариант может иметь преимущество перед другими вариантами. Но это опять-таки чисто статистически. Однако, язык не всегда поддается четкому статистическому моделированию.

Результаты комбинаторного анализа во многом зависят от теории и от объема привлекаемого к анализу материала. Так, например, в немецком языке гласная фонема /a:/ реализуется в абсолютном начале перед всеми звонкими согласными, кроме /ŋ/, в то время как в абсолютном исходе слов за ней могут следовать только согласные /m/, /l/, /r/ и /n/. Если в анлаутной позиции /a:/ встречается, кроме аффрикат и /ʃ/, перед всеми глухими согласными, то в абсолютном исходе слов за ней могут следовать одна из следующих согласных: /p/, /t/, /k/, /s/ и /f/. Комбинация этого гласного приобретет совсем иную картину, если к анализу будут привлечены слова, обозначающие собственные имена, географические названия и другие заимствования. В таком случае возникнут некоторые комбинации, чуждые исконным словам языка, что непосредственно связано с проб-

лемой установления фонемного состава слов иноязычного происхождения.

Известный американский ученый К.Пайк (1912) предложил следующие исходные условия для проведения фонотактических исследований:

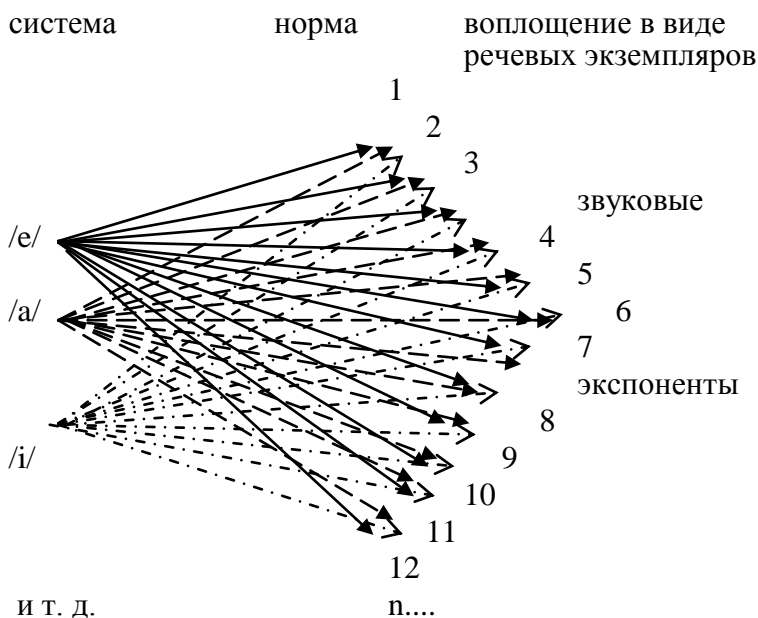
а) высказывания; б) слова; в) морфемы; г) слоги; ж) отношения фонем друг к другу; з) отношения к суперсегментным единицам. Но, прежде чем, говорить о комбинаторике фонем, необходимо выяснить вопрос о составе фонем языка.

Инвентарь фонем языка имеет немаловажное значение при изучении комбинаторики фонем. Если инвентарь мал, например, в немецком языке без дифтонгов и аффрикат, тогда /ae/, /ao/, /oo/, /pf/, /ts/, /tʃ/ следует рассматривать как сочетание двух самостоятельных фонем.

А это уже зависит непосредственно от теоретического подхода. Для школы Щербы приведенные выше дифтонги и аффрикаты нельзя считать сочетаниями двух фонем по той простой причине, что они не делятся на составные части при помощи лингвистических критериев, т.е. они не членятся на компоненты морфологическим швом. Если возьмем русское слово /nau`gat/, то между /a/ и /u/ проходит морфологическая граница и потому /au/ никак не может быть рассмотрена как субстанция одной фонемы. Именно поэтому существенным является вопрос о том, можно ли выводить правила комбинаторики до установления фонемного статуса или же о комбинаторике может идти речь в том случае, если известен фонемный статус звуков. На наш взгляд, не правы те, которые устанавливают фонемный состав языка через дистрибутивные отношения, ибо искать дистрибуцию того, что еще неизвестно, абсолютно бессмысленно. Дистрибуция, то есть распределение какой-то единицы языка в его системе вообще, хороша только после установления ее статуса.

Взаимоотношения между фонемой и вариантом, с одной стороны, и ими и звуком с другой, имеет важное значение для

решения теоретических проблем фонологии. Мы исходим из того понимания проблемы, что фонема является единицей системы, что она противопоставлена всем остальным фонемам языка. Этой сетью отношений определяется лингвистическая ценность фонемы, и противопоставления фонем позволяют выявить парадигматические отношения в системе языка. Фонема теоретически может сочетаться с любой фонемой, кроме самой себя. Но синтагматические отношения между фонемами имеют целый ряд ограничений, зависящих от фонологического, морфологического и синтаксического уровней структуры языка. Варианты одной фонемы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Они обусловлены позицией и комбинацией, а также речевой ситуацией, интеллектом говорящих. Фонема как общее охватывает все свои варианты как частные, которые реализуются при определенных условиях в виде звуков как отдельные. Их взаимосвязь можно изобразить так:

7.2. Типы сочетаний и аллофонов. При комбинаторном анализе мы можем выявить целый ряд сочетаний, которые сводятся к следующему:

1. Виртуальные сочетания. Это такие сочетания, которые встречаются в структуре слова по отдельности, но они вместе не встречаются. Например, в азербайджанском языке /rt/ возможно в конце слов. Ср.: /sərt/ (острый), /pərt/ (обиженный) и т.д. Но в этой позиции не допустимо /tr/. Однако, /tr/ встречается в начале заимствованных слов. Ср.: /traktor, trener/ и т.д. Вполне возможно, что в азербайджанском языке появится слово типа /TRERT/, хотя бы в виде аббревиатуры, потому что они подчиняются структурным моделям, но конкретно не встречаются. Допустим, “Təməl Razılaşmaların Ekspert Rəyindən sonra Təsdiqi” (Утверждение фундаментальных согласований после экспертной проверки).

2. Недопустимые и не встречающиеся. Такие сочетания не подчиняются никаким структурным моделям языка.

3. Есть сочетания, которые встречаются, но не подчиняются структурным моделям языка. Например, французские носовые гласные /ɑ̃:/, /ɛ̃:/, /ɔ̃:/, /ø̃:/ часто употребляются немцами в словах французского происхождения. Ср.: /ʃɑ̃: s/ (шанс), /bɔ̃: bɔ̃:/ (конфета) и т.д. Их называют маргинальными сочетаниями. Здесь статус фонем ставится под сомнение.

4. И, наконец, есть сочетания, которые согласуются с моделями языка и встречаются. Их можно назвать фактическими.

Комбинационные модели фонем можно произвести в терминах дифференциальных признаков, т.е. любая комбинация разлагается на дифференциальные признаки. При таком подходе устанавливаются сочетательные способности признаков, а не фонем. Недостаток этого метода заключается в том, что он не раскрывает вариативные свойства фонем, что непосредственно связано с интегральным признаком. Например, в азербайджанском языке в словах /ləl/ (золото) и /lal/ (глухой) в звуках [l̥] и [l] реализованы два варианта фонемы /l/: палатали-

зованный [Г] и веляризованный [П]. Мы знаем, что в азербайджанском языке нет противопоставления согласных по палатальности /непалатальности. Поэтому при анализе по ДП эти свойства фонемы не раскрываются.

Допустимость/недопустимость сочетаний можно определить еще через обращение к языковому чутью говорящих на данном языке. Допустимой можно считать комбинацию, которую носитель языка воспринимает без затруднений. Такой анализ очень эффективен для решения проблем автоматического распознавания. Но для выявления вариативных свойств фонем вряд ли имеет смысл составлять бессмысленные сочетания фонем и проверить их допустимость/недопустимость через восприятие говорящих, тогда как структурный метод позволяет однозначно и четко ответить на этот вопрос. Аллофоны фонем принято сгруппировать так:

1. Типичный (по терминологии Л.В.Щербы, основной оттенок) вариант или вариант, реализуемый в позиции максимальной независимости. Сюда относятся фонемы, выступающие в виде отдельных слов или морфем и изолированно произнесенный представитель. Ср.:

языки

англ.	нем.	русск.	азерб.
/a/ / (я)	/ae/ (яйцо)	/i/, /s/ (предлоги)	/o/ (он)

Правда, их число в каждом языке немного. Но в качестве суффиксальных морфем можно найти достаточное количество этих вариантов. Ср.:

языки

англ.	нем.	русск.	азерб.
/s/, /z/ (суф. мн.ч.);	/s/, /n/ (суф. мн.ч.);	/u/, /e/ (пад. оконч.);	/a/, /ə/ (пад. оконч.)

2. Вариант гласных под ударением, а согласных перед ударными гласными. Эти аллофоны наиболее четко реализуются в качественном и количественном отношении. Ср.:

языки

англ.	нем.	русск.	азерб.
/kəts/ (кошки);	/ˈtantə/ (тетя);	/nam`ok/ (намеки);	/ata`lar/ (отцы)

3. Варианты, реализуемые в предударной и заударной позициях. Гласные варианты здесь сильно редуцируются и вместе с ним редуцируются также согласные. Причем, чем дальше от ударного слога, тем сильнее редукция реализуемых в этой позиции вариантов фонем. Ср.:

языки

англ.	нем.	русск.	азерб.
/pɪ`teitou	/le.`bendɪç/	/гьль`voj/	/űzűmtʃi/
/(картофель);	(живой);	(головной);	(винодель)

Надо отметить, что в азербайджанском языке в абсолютном исходе слов происходит делабиализация, т.е. вместе ожидаемого лабиального гласного употребляются делабиализованные гласные. Ср.: /doldı/ (наполнился), /durdı/ (встал) и т.д.

4. С статистической точки зрения вариант, обладающий наиболее частой встречаемостью, имеет преимущество перед другими вариантами. В английском и немецком языках это будет редуцированный гласный /_ə_/, в русском языке гласный /a/, а в азербайджанском языке гласный /ə/.

5. Факультативные варианты - это те варианты, которые могут заменить друг друга без изменения значения. В немецком языке сюда относятся переднеязычный и увулярный согласные /_r_ / и /_R_ / или /_ε:_ / и /_e:_/. Различие между ними не используется для различения слов. То, что в немецкой традиции они истолковываются как разные фонемы, так это потому, что нормализаторы исходили из правописания. При написании с умлаутом считалось, что это долгий и открытый гласный /_ε:_/, а при прочих условиях встречается долгий закрытый гласный /_e:_/. Здесь сыграли свою решающую роль

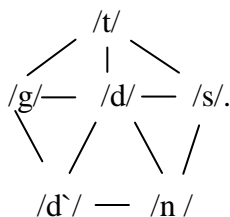
метод противопоставления и функция смысловоразличения. Ср.: „Ähre“ (колос) и „Ehre“ (совесть). Реальное немецкое произношение не различает эти гласные. Они выступают как факультативные варианты одной фонемы.

6. Можно еще выделить индивидуальный или диалектный (региональный) вариант, который обусловлен говорящим или региональным типом произнесения. При индивидуальном варианте тот или иной вариант литературного языка приобретает особую окраску. Например, у кого-то есть физиологический дефект, который выражен в большем объеме тела языка, что приводит к отклонению орфофонической нормы в данном языке. У нас работал один преподаватель, который произносил согласный /š/ с прidyханием. Носители нахичеванского диалекта произносят гласный /o/ и /e/ очень открыто или согласный стандартного азербайджанского языка /tʃ/ заменяют аффрикатой /ts/. Или в карабахском диалекте азербайджанского языка вместо /dž/ реализуется /ž/.

7. Особое место в речи интеллигенции занимают так называемые заимствованные фонемы. Образованные азербайджанцы, особенно работающие в области искусства, часто употребляют в словах, заимствованных из русского языка, мягкий вариант согласного /l/. Например, /ro1' / вместе /ro1/. Любители такого произношения забывают, что в фонологической системе азербайджанского языка нет противопоставления мягких и твердых согласных. Согласно закону сингармонизма все согласные в соседстве с гласными переднего ряда произносятся мягко, а твердые в соседстве с твердыми - твердо. Так что по системе нашего языка нет никакого основания заимствовать мягкий согласный в соседстве с гласным заднего ряда. Мы не говорим +/go1' / (рука), +/bo1' / (изобилие) и т.д.

7.3. Фонема, аллофонема и звук. При подходе, что каждая данная фонема отличается от всех остальных не только дифференциальными (релевантными) признаками, но и интег-

ральными (иррелевантными) признаками, мы в обязательном порядке должны найти противопоставления. Ср.:

Из этого противопоставления вытекает, что признаки «глухой, переднеязычный, смычно-взрывной, твердый и неносовой» являются для русской фонемы /d/ релевантными. Но в слове /sud°u/ эта фонема получает еще признак огубленности чего нет в системе фонем. Однако не один фонолог не признает огубленный вариант самостоятельной фонемой. Мы не найдем ни одной пары слов, которые бы различались губной и негубной фонемами. Напротив /ḍ/ и /d/ являются двумя самостоятельными фонемами, так как они различают разные слова. Ср.: /suda/ (суда) и /sud`a/ (судя). Значит, фонетическая характеристика не совпадает с фонологическим признаком. Непосредственному принятию принципа различения мешает явление омонимии. Вместе различительной функции можно предложить конститутивную и словоопознавательную функции, потому что абсолютно необходимо, чтобы звуковая единица оформлялась так, что носитель языка был способен узнать слово как таковое.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения функционирования каждый аллофон является полноправным представителем данной фонемы. Поэтому для вариантов точнее будет предложить термин аллофонема, как это сделал Ю.С.Маслов. Реально произнесенный звук без какого-либо обобщения не имеет никакого лингвистического значения. Звук речи обладает физическим- акустическим свойством, называемым линейностью. Звук речи, помещенный в определенной позиции, можем на-

звать аллофонемой, оттенком или вариантом, который является прямым представителем определенной фонемы.

Фонема представляет собой не класс звуков. Это – языковая единица, которая через аллофоны связана в каждом конкретном случае со звуком. Это можно изобразить следующим образом:

общее	↔ частное	↔ отдельное
фонема	↔ аллофонема	↔ звук
система	↔ норма	↔ речевой акт

Следует отметить, что фонемное различие не определяется акустико-артикуляторным критерием. Но оно не существует без него. Акустические различия группируются так, что носители языка благодаря лингвистическому критерию устанавливают определенное число дискретных элементов в системе языка. Число это определяется лингвистическим критерием. В памяти человека существуют определенные эталоны, с которыми совпадают материально выраженные варианты в определенных позициях и положениях, которые реализуются в потоке речи в виде звуковой субстанции. Любая теория фонем, пренебрегающая звуковой манифестацией фонем в вариантах, не имеет право на существование. Московская фонологическая школа (МФШ) исходит, как уже отмечалось выше, из морфемного тождества, иными словами, она полагает, что раз морфема одна, значит, фонемный состав должен быть неизменным. Ср.:

языки:

анг. /mən/ (man) «человек» - /men/ (men) «люди»;

нем. /bant/ (Band) «том» - /(im) bandə/ (im Bande) «в томе»;

рус. /xot/ - /xoda/ «ход - хода»;

азерб. /getmək/ (идти) - /gedir/ (он идет)

7.4. Орфофония. Надо сказать, что акустические свойства являются первоначальными условиями для осуществления

языковой коммуникации. Даже при невербальном общении наличие определенного знака есть необходимое условие реализации общения. Чрезмерная трудность здесь соприкасается с так называемыми **факультативными вариантами**. В пределах одного языка наличие факультативного варианта немислимо. В азербайджанском языке у носителей стандартного произношения невозможны такие дублеты как /həlejsən/ “gəleysən” и /hələdzəksən/ “gələcəksən” со значением «придешь». Или в немецком языке /ra:t/ (Rat) и /ra:t/(Rat) оба со значением “совет». На наш взгляд, прав Э. Косериу, который считает, что мы имеем здесь с разным членением языка. То же самое относится к русским примерам «уплочено», «уплачено», «галоши» и «калоши», «шкаф» и «шкап» и т.д. При соблюдении орфофонической нормы носитель азербайджанского или немецкого языков никогда не будет реализовывать в своей речи и тот и другой вариант. Он может использовать либо первый, либо второй вариант. Мы не можем смешивать вопрос о фонемном составе слов и орфофонической норме языка. Говоря словами Э.Косериу, либо придерживаемся диафатического, либо синфатического членения языка⁵. При строгом анализе языка мы должны четко разграничивать эти два плана. Тогда не будет никаких дублетов. Фонемный состав морфемы не может быть всегда стабильным. Как реализуется каждая морфема, лексема и т.д., зависит от орфофонической нормы языка. Орфофония занимается выявлением произносительных особенностей каждой фонемы в системе языке. Раньше это называлось орфоэпией. Однако орфоэпия теперь занимается установлением фонемного состава слова или высказывания. Например, в азербайджанском языке в системе имеется фонема /d/. Однако в словах /d°üz/ (прямой) и /→daz/ (лысый) реализованы губной /_d° _/ и оттянутый назад /_d →_/ варианты согласной фонемы /d/. Выявление этих особенностей и составляет задачу орфофонии. А то, что в этих словах реализованы три фонемы /d/, /ü/, /z/ и /d/, /a/, /z/ есть задача орфоэпии.

7.5. Об опознавательной функции фонемы. ЛФШ предлагает различать дифференциальную функцию от опознавательной. Фонема как единица языка служит различению не значений, а слов и словоформ. А для того чтобы различать слово, надо его сначала опознавать. Различение предполагает наличие квазиомонимов: /dom/ «дом» и /tom/ «том». А как быть в тех случаях, когда в языке невозможно найти соответствующих минимальных пар. Их число значительно мало. Различительная функция является вторичной. Слову /dɫs`ka/ (доска) нельзя найти пару типа + /nɫs`ka/ (носка). Из этого, однако, не следует вывод, что слово /dɫs`ka/ не опознается носителями русского языка.

Опознавательная функция выступает всегда. А дифференциация выступает вторичным элементом. Дифференциальный элемент присущ фонеме, вне фонемы она существует как отвлеченная языковая сущность. Фонема различает, так как она есть носитель дифференциального признака.

Слово опознается благодаря своей звуковой оболочке. В таком случае корректное произношение снимается как избыточность. В опознавании участвуют не только релевантные, но и иррелевантные признаки. С точки зрения дифференциации безразлично сказать /ʃak/ или /s`ak/. Но для опознавания это имеет большое значение, ибо русский сразу узнает слово, если произнесем /ʃak/ (шаг), так как русская /ʃ/ является всегда твердой фонемой. Дифференциальные признаки осуществляют вариативность фонемы. Аллофонемы не могут встречаться в другой позиции. Поэтому они являются зависимыми от конкретных положений и позиций. В этом суть критерия дополнительной дистрибуции. Это значит, что варианты одной фонемы взаимоисключаются. Возьмем следующие примеры:

I /tat/ - /t`ət`/

II /tət/ - /t`et`/

/ʃest/ - /s`est`/

Гласные в I образуют аллофоны одной фонемы. Во II гласные то же образуют аллофоны. А гласные из I и II образуют

разные фонемы. Многие фонологи, в том числе и Д.Джоунз и американские дескриптивисты, исходят из дополнительной дистрибуции или акустического сходства. Дополнительная дистрибуция есть результат фонетической зависимости. Этот критерий, безусловно, надо учитывать в определении инвентаря фонем. Губной /_d°_/ и негубной /_d →_/ исключают друг друга в пределах слова. В немецком языке нет никакого сходства между /h/ и /η/, тем не менее они не относятся к одной фонеме, так как между ними нет никакой лингвистической связи.

Акустическое сходство не может быть принято, так как это не лингвистический критерий.

Языковое единство аллофонов определяется тем, что они могут чередоваться в пределах одной морфемы. Л.Р.Зиндер сформулировал это единство так: при постоянном присутствии акустического сходства обязательно чередование вариантов в пределах одной морфемы. При этом акустическое сходство подчинено лингвистическому принципу. Например, немецкая фонема /e:/ выступает в словах /'le:bən/ (жить) и /le.`bendɪç/ (живой) в долгом и полудолгом вариантах. Их объединение в одну фонему детерминировано тем, что /_e:./ и /_e./ акустически сходны, но главное в том, что они чередуются в одной морфеме : /le:(e.)b/ən/.

7.6. Литература и замечания

¹ Ф.Я.Вейсялли. Проблема варьирования фонем языка в современной лингвистике. «Вопросы языкознания», 1990, № 3. стр. 72-80; см. также: Veysəlli F. Seçilmiş əsərləri. Bakı, “Mütərcim”, 2010, 640 s.

² O.Werner. Probleme der Phonotaktik, diskutiert am Deutschen. In: Jahrbuch für Internationale Germanistik. Jg. IV, Heft 1, Fr.a./Main, 1972; B.Narr. Studien zu einer Phonotaktik des Deutschen. Salzburger Beiträge zur Linguistik. Akten der I.Salzburger Frühlingstagung für Linguistik. 1975; B.Sigurd. Phonotactic Structures in Swedish. Lund, 1965

Утверждение подобного рода приводит, как неоднократно подчеркивалось в теоретической литературе, к полному и необоснованному отрыву фонемы от ее материального воплощения, следовательно, к отрыву фонологии от фонетики. См.: Л.Р.Зиндер. Фонема и восприятие. Proceedings of International Congress of Phonetic Sciences. Prague. 1967; Ф.Я.Вейсалов (Вейсялли) и А.А.Гасанов. Еще раз о минимальной единице членения речевого потока. «Уч.зап. АПИЯ им. М. Ф. Ахундова», серия языка и литературы, Баку, 1971, № 2. Повторно вышла: F.Veysəlli. Seçilmiş əsərlər. Bakı, 2009, s. 10-21

³Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1957

⁴Pike K. Phonemics. A Technique for Reading Language To Writing. An-Arbor, 1964

⁵Coseriu E. Einführung in die allogemeine Sprachwissenschaft Tübingen, 1996

7.7. Вопросы по седьмой главе

1. В чем суть аллофонического варьирования фонем?
2. Каковы взаимоотношения между инвариантом и вариантом, с одной стороны, и звуком, с другой?
3. К какому уровню структуры языка относятся варианты фонем?
4. Какие теории существуют сегодня по определению статуса вариантов?
5. В чем преимущество теории вариантов акад. Л.В.Щербы?
6. Какие типы вариантов выделяет школа Щербы?
7. Есть ли у какого-нибудь варианта преимущество перед другими вариантами?
8. Каков лингвистический механизм определения вариантов?
9. Какую роль играют акустико-артикуляторные корреляты при отождествлении вариантов фонем?
10. Можно ли определить инвентарь вариантов фонемы, если да, то как это сделать?

ГЛАВА VIII

ЧЕРЕДОВАНИЕ ИЛИ АЛЬТЕРНАЦИЯ ФОНЕМ

8.1. Позиционные и комбинаторные чередования. Для возникновения теории фонем значительную роль сыграли идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ о чередовании фонем.¹ Исследование изменений фонем в составе единиц вышестоящих ярусов структуры языка-морфем, лексем и высказываний, взаимовлияние фонем друг на друга в потоке речи или же переход одной фонемы в другую позволило ему разработать оригинальную теорию фонемы, которая не потеряла свое значение по сей день. Все эти идеи впоследствии были взяты на вооружение его учеником Л.В.Щербой и его последователями. Способность фонем или их вариантов заменять друг друга в пределах морфемы можно назвать **чередованием или альтернативой** фонем. Причиной чередования может быть позиция фонемы в морфеме или влияние фонем друг на друга. Например, в русском и немецком языках в абсолютном исходе слов звонкие согласные чередуются с глухими. Или в немецком языке долгие и полудолгие варианты чередуются в зависимости от ударности. Ср.:

языки

нем.	рус.
/lant/ «Land» (страна) –	/sut/ «суд» -/suda/ «суда»
/ˈlɛndər/ «Länder» (страны);	

Это объясняется законом конца слова. В английском языке, напротив, нет такого закона, т.е. там в конце слова могут встречаться как звонкие, так и глухие согласные.

Прежде всего, необходимо различать фонемное и аллофонное чередование. При этом фонемное чередование может быть живым или фонетическим и историческим. А аллофонем-

ное чередование бывает только фонетическим. При историческом чередовании установить причину изменения исходя из современных факторов невозможно.

Вокализм немецкого языка богат историческим чередованием. Историческое чередование было результатом требований морфологических изменений. Например, еще Я.Гримм установил, что внутренняя флексия служит образованию новых морфологических средств. Законы Я. Гримма по первому и второму передвижению фонем как раз очень хорошо объясняет причину изменений фонем в составе морфем. Согласно второму передвижению фонем в начале слов согласные /t/ и /tt/ переходят после согласного в /ts/, а после гласного в /s/. Ср.:

англ. «two»- нем. /tsu./ (к)
«Water»- /ˈvasɐ/ (вода) и т.д.²

Различают позиционные и комбинаторные чередования. При позиционном чередовании двух фонем одна бывает связанной с фонетическим положением. Звонкие и глухие в русском языке в абсолютном конце всегда имеют место. Ср.: /sat/ «сад» → /sadʌ/ «сада», /xot/ «ход» → /xodʌ/ «ход» и т.д. Но не всегда в интервокальном положении имеет место чередование. Ср.: /brat/ «брат» → /bratʌ/ «брата», /kot/ «кот» → /kʌta/ «кота». Из этих примеров видно, что /d/ связано с позицией, а /t/ нет. В качестве примера на позиционное чередование вариантов можно привести примеры из корейского языка. В этом языке в середине слов между гласными встречаются звонкие, а в начале и конце – глухие.

При комбинаторном чередовании фонем их зависимость кажущаяся. Ср.:

/truba/ «труба», /trub`it/ «трубит», /trub`a/ «трубя».

Комбинаторное чередование аллофонов зависит от соседних фонем. Например, в азербайджанском языке лабиализованный /_d°_/ и нелабиализованный /_d→_/ зависят от влияния

следующего гласного, потому и являются оттенками одной фонемы. Ср.: /d^oüz / (прямой) и /→daz/ (лысый).

При историческом чередовании найти фонетические закономерности можно только обращаясь к истории языка. В средневерхненемецком языке /h/ в интервокальном положении чередовалась с /ç/. Но в современном немецком языке /h/ в этой позиции исчезла, вследствие чего появился ряд чередующихся элементов. Ср.:

/ho:x/ “hoch” (высокий)	- /hö:əR/ “höher” (выше)	- /hö:çst/ “höchst” (самый высокий)
/na:/ “nah” (близкий)	- /ne:əR/ “näher” (ближе)	- /ne:çst/ “nächst” (самый близкий). ³

В немецком языке историческое чередование делится на три группы: умлаут, аблаут и брехунг. Будучи историческим чередованием, умлаут появился под влиянием фонем суффикса /i/ или /j/. У существительных, относящихся к типу склонения «i», корневой гласный получал умлат не только во множественном числе, но и в единственном числе в дативе и аккузативе. Ср.: /krefiti/. В средневерхненемецком языке все безударные суффиксы унифицировались в редуцированном гласном «e». В дальнейшем условии, вызывающее чередование гласного, исчезло, а чередование осталось как морфологическое средство.

8.2. Умлаут как особый тип чередования. Умлаут в немецком языке служит выражению множественного числа существительных, образованию претеритума в конъюнктиве сильных глаголов, настоящего времени сильных глаголов, компаратива и суперлатива прилагательных, отглагольных существительных, а также слов при помощи следующих суффиксов: /-ling, -ig, -isch, -chen, -lein/.

1. Образование множественного числа:

/a/ → /ɛ/- /gast/ “Gast” (гость) → /gɛstə/ “Gäste” (гости)

/o:/ → /ö/- /zo:n/ “Zohn” (сын) → /zö.nə/ “Zöhne” (сыны) и т.д.

В ряде случаев умлаут является единственным средством образования множественного числа. Ср.: “Mutter” (мать) - “Mütter” (матери), “Vater” (отец) - “Väter” (отцы), „Tochter“ (дочь) - „Töchter“ (дочери), „Garten“ (сад) - “Gärten“ (сады), „Vogel“ (птица) - „Vögel“ (птицы).

2. При спряжении сильных глаголов в настоящем времени:
/falə/ «falle» (падаю) → /fɛlst/ «fällst» (падаешь),
/fa:rə/ «fahre» (еду) → /fe:rst/ «fährst» (едишь),
/ʃto:sə/ «stoße» (толкаю) → /ʃtö:st/ «stößt» (толкаешь).

В третьем лице глагола /halten/ «halten» (стоять, держать) умлаут выступает как единственное средство образования настоящего времени единственного числа : /hɛlt/ «hält» (держит).

3. Образование претерита конъюнктива сильных глаголов. Ср.:

/klaŋ/ “klang” (звучал) → /kleŋə/ “klänge” (звучал бы),
/va.r/ “war” (был) → /ve.rə/ “wäre” (был бы),
/bo:t/ “bot” (предложил) → /bö:tə/ “böte” (предложил бы).

4. При образовании сравнительной и превосходной степеней прилагательных. Ср.:

/gro:s/ “groß” (большой) → /grö:sər/ “größer” (больше чем),
/klu:k/ “klug” (умный) → /klý:gər/ “klüger” (умнее).

5. При образовании отглагольных существительных. Ср.:

/ja:gən/ “jagen” (приследовать) → /je:gər/ “Jäger” (охотник),
/bakən/ “backen” (печь) → /бекэр/ “Bäcker” (пекарь) и т.д.

6. При образовании слов при помощи этих суффиксов /-ling, -ig, -isch, -chen, -lein/. Ср.:

/banj/ “Bank” (скамейка) → /бенjкchen/ “Bänkchen” (скамеечка),
/ʃvax/ “schwach” (слабый) → /ʃвечлɪŋ/ “Schwächling” (слобак),
/gu:t/ “gut” (хорошо) → /gü:tiç/ “gütig” (добрый),
/ju:də/ “Jude” (еврей) → /jü:diʃ/ “jüdisch” (еврейский) и т.д.

8.3. Аблаут и брехунг. Второй тип исторических чередований фонем составляет так называемый аблаут, который охватывает в немецком языке приблизительно 180 сильных глаголов. Их по характеру можно сгруппировать по 43 группам. В

18 случаях аблаут представлен только одним глаголом. Аблаут состоит из чередования корневых гласных, которое необходимо для образования претерита и партиципа II, а также для образования новых слов. Ср.:

/fa:Rən/ “fahren” (ехать)	→ /fu:R/ “fuhr” (ехал)	→ /gə`fa:Rən/ “gefahren” (поехавший),
/bə`ginən/ “beginnen” (начинать)	→ /bə`gan/ “begann” (начал)	→ /bəg`nən/ “begonnen” (начавший),
/ʃRaebən/ “schreiben” (писать)	→ /ʃRi:p/ (писал)	→ /gə`ʃRi:bən/ “geschrieben” (написанный),
/ʃpRa:xə/ “Sprache” (язык)	→ /ʃpRu:x/ “Spruch” (поговорка),	
/kɛRn/ “Kern” (ядро)	→ /k)Rn/ “Korn” (жатва) и т.д.	

Для раскрытия особенностей аблаута необходимо сравнительный анализ с другими германскими и индоевропейскими языками.

И, наконец, третий тип чередований называется брехунгом, преломлением корневого гласного. Он охватывает несколько глаголов и ряд словообразований. Ср.:

/ge:bən/ “geben” (давать)	→ /gi:pst/ “gibst” (даешь),
/hɛlfən/ “helfen” (помогать)	→ /hɪlfst/ “hilfst” (поможешь),
/bɛrk/ “Berg” (гора)	→ /gəbɪrgə/ “Gebirge” (горы),
/e:rdə/ “Erde” (земля)	→ /ɪrdɪ/ “irdisch” (земляной) и т.д.

Брехунг не смог превратиться в морфологическую категорию. В некоторых диалектах Германии даже он не соблюдается. Ср.: /hɛlfən/ “helfen” (помочь), /hɛlfst/ “hilfst” (поможешь), /hɛlft/ “hilft” (поможет).

8.4. Литература и замечания

¹I.A.Boudain de Courtenay. Versuch einer Theorie der phonetischen Alternationen. Stuttgart, 1896

²F.Yadigar (Veysəlli). German dilçiliyinə giriş. Bakı, “Təhsil”, 2003

³F.Y.Veysəlov (Veysəlli). Alman dilinin fonetikasi. Bakı, “Maarif”, 1980, s.124-127

8.5. Вопросы по восьмой главе

1. Что такое чередование (альтернация)?
2. Каковы причины появления чередований?
3. Кто впервые поднял вопрос о научном исследовании чередований?
4. Какие типы чередования принято выделять?
5. Под каким названием объединяют позиционные и комбинаторные чередования?
6. Чем характеризуется историческое чередование?
7. Выражают ли чередования определенное грамматическое значение?
8. В чем особенность умлаута?
9. Какие типы аблаута выделяют?
10. Чем характеризуется брехунг?

ГЛАВА IX

МАНИФЕСТАЦИЯ ФОНЕМ В ПОТОКЕ РЕЧИ

9.1. Слог как фонетическая единица. Для функционирования фонем языка слог является благоприятствующим средством, где они проявляют свои качественные и количественные характеристики. Слог не имеет семантику, он при случайном совпадении оказывается значимым. Например, в односложном азербайджанском слове /тəп/ «тəп» (я) граница слога совпадает с границей морфемы. Однако, когда к корню этого слога-слова прибавляется гласный /тəпə/ «тəпə» (мне), окончание родительного падежа, оно делится на два слога и связь его со значением оказывается нарушенной. Этот пример показывает, что слоговая граница не совпадает с морфемной: /тə-пə/, но при морфемном делении /тəп+ə/. Во всех остальных случаях слог представляет собой фонетическое пространство, где гласные сочетаются с согласными.

Н.С.Трубецкой считал, что слог является носителем просодических признаков.¹ Во всех языках гласные функционируют в качестве слогиносителей. Однако из этого вовсе не следует, что согласные не могут образовывать ядро слога. Такими согласными являются сонанты. В тех языках, где сонанты образуют ядро слога, наблюдается слияние очень слабого гласного элемента с плавным или носовым согласными, так что получается слогиобразующая группа «гласный+согласный». Например, в пекинском диалекте китайского языка) /l⁴/ (два). Однако в нем, так же как в таких словах /s⁴/ (четыре), /j²/ (камень), /ʒ⁴/ (день), /s¹/ (десять) определить слогиносителя не легко. В отличие от немецкого /s/, французского /тр/, русского /s!,c!/, в которых приведенные примеры выступают как междометия, китайское /l⁴/ (два) является числительным. Говоря о типологии слогов в различных языках, различают слогосчитающие

(например, немецкий, английский, азербайджанский, в которых просодические единицы всегда совпадают со слогом, т.е. слогоносите́ль рассматривается как целостная единица, а не как сумма более дробных единиц) и моросчитающие языки (например, африканские языки эфик, эве или китайский), в которых дву-членные слогоносители имеют разную высоту тона в обеих частях, т.е. восходящего и нисходящего тона, поэтому в этих языках минимальная просодическая единица не совпадает со слогом.²

При изучении слога мы обычно сталкиваемся с двумя вопросами: 1. Каковы фонетические характеристики слога? 2. Каковы принципы слогаделения?

Исследования последних лет показали, что наиболее характерным типом слога является СГ.³ Следовательно, ГС не характерный тип слога. Доказательством этого служит тот факт, что при повторении слога типа ГС, он открывается и превращается в модель СГ+СГ. Ср.: азерб. /an-an-na-na/ “an” (мгновение) или нем. /in-in-ni-ni/ «in»(в).

9.2. Основные теории слога

На сегодняшний день существуют 4 теории слога:

1. В слове сколько гласных, столько и слогов. Этот тезис не совсем раскрывает суть слога. В мире много языков, в которых ядро слога могут образовать также согласные. Например, в чешском слове /vlk/ (волк) в качестве слогаобращающего элемента выступает сонорный согласный /l/. Сонорные образуют ядро слога также в немецком и английском языках. Ср.: /'li:bm. `haest `le:bn./ >unt `le:bn. `haest ``li:bm.// (любить значит жить, а жить значит любить). Или в английском языке в слове /teibl./ конечный сонорный /l/ образует ядро второго слога.

Кроме этого, согласно этой теории при стечении согласных не ясно, где проходит слоговая граница.

2. Экспираторная теория слогообразования заключается в том, что группа звуков произносится одним выдохом. При этом граница проходит в момент слабого выдоха. Здесь тоже невоз-

можно установить границу при стечении согласных. Кроме этого, одним выдохом можно произнести несколько слогов. Ср.: /jat'eb'er'edupr'ed'il/ (Я тебя предупредил).

3. Теория мускульного напряжения, которую предлагал М.Граммон (1866-1960) и в дальнейшем развивал Л.В.Щерба, рассматривает слог как звуковое образование между максимальной и минимальной мускульной напряженностями в речевом аппарате. Согласно этой теории, выделяется три типа согласных: 1. Сильноначальный: например, в русском языке /on/ «он», /ot/ «от»; 2. Сильноконечный: например, в нем. языке /na/ “Na” (но), /nu/ “Nu” (мгновение) и т.д.; 3. Двухвершинный. Например, в русском примере /kot/ /t/ является сильноначальным, потому что началом своим примыкает к гласному, но при добавлении окончания он становится сильноконечным и поэтому отходит к следующему гласному. А /k/ представляют собой сильноконечный согласный. Но в /od:ix/ «отдых» слоговая граница проходит внутри долгого согласного /d:/. При гомогенных согласных слоговая граница проходит между ними. В этом случае слоговая граница совпадает с морфемной. Ср.: нем. />àn|one:mən/ (принимать). Л.Р.Зиндер полагает, что в немецком языке сила и слабость согласного, следующего за гласным, зависят от долготы и краткости последнего. Если гласный долгий, то согласный, следующий за ним, будет слабым, потому что согласный примыкает к гласному при его затухании. Напротив, если согласный примыкает к гласному при вершине его звучания, значит, это будет сильным согласным. Ср.:

Следует отметить, что еще Э.Сиверс называл первое примыкание слабоусеченным, а второе сильноусеченным акцентами. Эта теория наиболее адекватно отражает реальное состоя-

ние слогоделения. Слоговая граница может проходить 1) после гласного перед согласным; 2) между двумя гласными; 3) между двумя согласными и 4) между согласным и гласным. Ср.

яз.: нем.	англ.	рус.	азерб.
1./>`a:bənt/ “Abend” (вечер);	/`fa:ðə/ “Father” (отец);	/`ba bΛ/ “баба”;	/ba-`ba/ “baba” (дед)
2./tə-`>atəR/ “Teater” (театр);	/plai-ɪŋ/ “playing” (игра);	/na-ugat/ “наугад”;	/na-insaf/ (бессо- вестный.)
3./kan-tən/ “kannten” (знали);	/kan-tri/ “Cantry” (страна);	/nes-ti/ “нести”;	/dər-ja/ “dərya” (долина)
4./`vaʃ-ən/ “waschen” (мыть);	/`he:vi/ “heavy” (тяжелый);	/nΛ-p`iʃi/ “напиши”;	

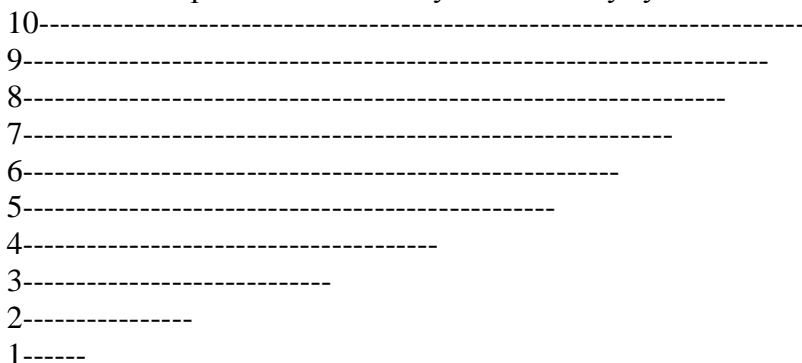
4. Сонорная теория, которую впервые предложил О.Есперсен (1863-1943).⁴ Он выделяет в звучании минимальные и максимальные моменты. В соответствии с этим он предлагает 10-бальную шкалу, где фонемы расположены по принципу от максимального звучания к минимальному или наоборот. По принципу от минимального звучания к максимальному фонемы языка можно расположить так:

1. Смычно-взрывные глухие согласные: /p/, /t/, /k/;
2. Щелевые глухие согласные и аффрикаты: /f/, /s/, /ʃ/, /ç/, /x/, /pf/, /ts/, /tʃ/;
3. Смычно-взрывные звонкие согласные: /b/, /d/, /g/;
4. Щелевые звонкие согласные: /v/, /z/, /ʒ/;
5. Смычно-взрывные сонорные: /m/, /n/, /ŋ/;
6. Боковой сонорный согласный: /l/;
7. Переднеязычный или увулярный дрожащий согласный: /r/, /R/;
8. Гласные верхнего подъема: /i:/, /ɪ /, /ü:/, /ü/;
9. Гласные среднего подъема: /e:/, /ö:/, /ɛ/, /oe/;

10. Гласные с нижним подъемом: /u:/, /ó/, /o:/, /ɔ/, /a:/, /a/.

Схематически сонорность по принципу от максимума к минимуму это можно изобразить следующим образом:

Степень сонорности от максимума к минимуму

Фонемы

Недостаток этой теории заключается в том, что она не учитывает реального звучания фонем в потоке речи. Каждая фонема имеет специфическое звучание в зависимости от положения и отношения к ударению. Кроме этого, пока не удалось экспериментально проверить достоверность этой теории.

9.3. Структурная теория слога. В последнее время американские лингвисты выдвигают чисто структурную теорию слога. Они делят структуру слога на превокальную (онсет), пиковую (пик) и завокальную (кода) части. Причем пик с кодой объединяется под общим названием «рифма».⁵ Ср.:

слог			
в англ. яз.	в нем. яз.	в русск. яз.	в азерб. яз.
/it/ «it» (оно)	/an/ «an» (на)	/on/ «он»	/an/ «an» (миг)
/i t/	/a n/	/o n/	/a n/
/p a i/ «rai»	/m a i/ «Mai» (май)	/m o j/ «мой»	/s o j/ «soy» (фамилии)
/p a i/	/m a i/	/m o j/	/s o j/
/p r a i/ «prai»	/f R a i/ «frai» (свободно)	/k r a j/ «край»	/k r a l/ «kral»
/p r a i/	/f Rai/	/kraj/	/kral/

Префиковая позиция, т. е. онсет может состоять минимум из одного, а максимум из нескольких согласных. В исконно тюркских словах в этой позиции обычно встречается один согласный. Два и более двух согласных в этой позиции в тюркских языках может иметь место в заимствованиях. Ср.: /ʃlang/ «*şlanq*» (шланг), /ʃpris/ «*şpris*» (шприц), /ʃtrix/ «*ştrix*» (штрих) и т. д.

А в индоевропейских языках в качестве онсета может выступать один или несколько согласных. Например, в германских языках онсет может состоять из сочетаний до пяти согласных. Ср.: /sprinj/ «*spring*» (прыжок), /stri:t/ «*street*» (улица) в английском, /ʃtra:sə/ «*Straße*» (улица), /ʃpra:xə/ «*Sprache*» (язык) в немецком, /fstreçʌ/ «встреча» в русском и /mkrtɕjan/ «*Мкртычян*» в армянском языках соответственно. Интересно отметить, что во всех этих сочетаниях один из согласных является сонорным. При изучении этих языков азербайджанцы, равно как и другие тюркоязычные обучающиеся, вставляют внутри этих сочетаний согласных гласный элемент, который Р.О.Якобсон называл в свое время зондергласным или вокалоидом. Это можно считать интерференцией, обусловленной влиянием родного языка на изучаемые языки в области сочетаний согласных в анлауте слов индоевропейских языков.

Что касается запиковой позиции, то и здесь положение сильно разнится от языка к языку.

В тюркских языках на месте коды допустимо максимум два согласных. Ср.: /kənt/ «*kənd*» (село), /sərt/ «*sərt*» (острый), /nəsr/ «*nəsr*» (проза) и т.д. Но это не значит, что нет слогов, оканчивающихся на гласные. Такие слоги имеют место, как правило, во многих языках мира. Ср.: /nə/ «*nə*» (что), /da/ «*da*» (усилительная частица) в азербайджанском, /fri:/ «*free*» (свободный), /si:/ «*see*» (видеть) в английском, /da/ «*da*» (здесь, в это время), /tsu:/ «*zu*» (к) в немецком, /nu/ «*nu*», /do/ «*do*» в русском языках соответственно.

Но в большинстве случаев слоги в германских языках характеризуются скоплением согласных в позиции коды. В немецком языке в этой позиции могут быть от одного до четырех согласных. Ср.: /ra:t/ “Rad” (колесо), /rant/ “Rand” (окраина), />e:rst/ “erst” (сначала), /hɛrpst/ “Herbst” (осень) и т. д. То же самое можно сказать относительно сочетаний согласных в позиции коды в английском и русском языках. Ср.:

англ.	рус.
/bæd/ «bad» (плохо),	/tot/ «тот»,
/film/ «film»(фильм), /tekst/ «text» (текст);	/tort/ (торт) и т.д.

Здесь, так же как в препиковой позиции, один из согласных является, как правило, сонорный согласный.

Этот структурный подход ставит американских исследователей в затруднительное положение, когда они сталкиваются со слогоделением. Так, например, в английском слове /ˈpetrəl/ «petrol» (нефть) согласный /t/ оказывается отнесенным как к коде первого, так и к онсету второго слога. Практически это предлагается в следующей схеме:

слог рифма			слог рифма		
онсет	пик	кода	онсет	пик	кода
х	х	х	х	х	х
/p	ε	t	r	ə	l ⁶

Таким образом, мы видим, что структурный анализ, предложенный американцами, практически не способен выявлять сущность слога и не может решить проблему слогоделения.

9.4. Модели слогов. Теоретически слог может состоять из одного гласного или из их комбинаций. Анализ языкового материала позволяет установить следующие модели или структурные типы слогов в односложных словах: С обозначает согласный, Г – гласный:

Г			
яз.: нем. / >ae/ “Ei” (яйцо)	англ. /ai/ “I”(я)	рус. /Λ/ (о) (о нем)	азерб. /o/ “o” (он)
ГС			
яз.: нем. /an/ (на)	англ. /ən/ (неопр. арт.)	рус. /on/ (он)	азерб. /on/ (десять)
ГСС			
яз.: нем. /amt/(офис)	англ. /ənd/ (и)	рус. /акт/ (акт)	азерб. /əzm/ (воля)
ГССС			
яз.: нем. / >a:R tst/	англ. /	рус. /askr/ (аскр)	азерб. -----
СГ			
яз.: нем. /nu:/	англ. /nou/	рус. /tɪ/ (ты)	азерб. /nə/
ССГ			
яз.: нем. /blau/	англ. /blu:/	рус. /dva/	азерб. -----
СССГ			
яз.: нем. /ʃpRe:/ “Spree” (река)	англ. -----	рус. /mgla/ (мгла)	азерб. -----
СГС			
яз.: нем. /dan/ “dann” (потом)	англ. /ten/ «ten» (девять)	рус. /dom/ (дом)	азерб. /mən/ (я)
СГСС			
яз.: нем. /balt/ “bald” (скоро)	англ. /hənd/ “hand” (рука)	рус. /port/ (порт)	азерб. /kənt/ “kənd” (село)
ССГСС			
яз.: нем. /kraŋk/ “krank”; (больной)	англ. /klark/ “Clark” (имя)	рус. /prost/ (прост)	азерб. /fraxt/ “fraxt” (фрахтовка)

Относительно типов слоговых структур нет единства среди языковедов. В частности, один из известных русистов Азербайджана А.А.Гасанов (1938) пишет, что его анализ силлабической структуры русского языка показал, что в этом языке из теоретически возможных 25 типов встречается только 21 тип слогов. Полностью открытый слог-1 тип (Г), прикрыто- открытый слог-4 типа (СГ, ССГ СССГ и ССССГ), неприкрыто-открытый слог-3 типа(ГС, ГСС, ГССС) и полностью закрытый слог-13 типов (СГС. СГСС, СГССС, ССГ, ССГСС, ССГССС, ССГСССС, ССССГС, ССССГСС, ССССГССС, ССССГС, ССССГСС).⁷

Теперь вопрос о том, каковы конкретные наполнения этих структур, должен обсужден в каждом языке отдельно. Если в индоевропейских языках допустимо скопление согласных в превокальной или поствокальной позициях, то в тюркских языках преобладает ГС, СГС и СГСС. Число структурных моделей будет значительно больше, если будут учтены качество, долгота и краткость гласных, составляющих ядро слога.

9.5. Литература и замечания

¹ Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 2000, стр. 195

² Там же. Н.С.Трубецкой писал в этой связи следующее: «Дифференциация просодем происходит в слогосчитающих языках при помощи интенсивности, а в моросчитающих языках – высотой тона» N.S.Trubetzkoy. *Gundzüge der Phonologie-Prague*, 1938, s. 179

³Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979; Л.В.Бондарко. Структура слога и характеристики фонем. «Вопросы языкознания». М., 1967, № 1.; Бондарко Л.В., Павлова Л.П. О фонетических критериях определения места слоговой границы. В: «Русский язык за рубежом», М., 1967, №4; Veysəlov F. (Veysəlli). *Alman dilinin fonetikasi*. Bakı, 1980, s.129-133; Vejsälli (Vejsälov) F. J. *Lehrbuch der deutschen Phonetik*. Baku, 1989

⁴О. Jespersen. *Lehrbuch der Phonetik*. Leipzig-Berlin, 1926

⁵ Giegerich H.J. English Phonology. An Introduction. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge University Press, 2003, p. 130-178

⁶ Там же, стр. 177

⁷ Гасанов А.А. Русский слог. Баку, 1998, с. 43-44

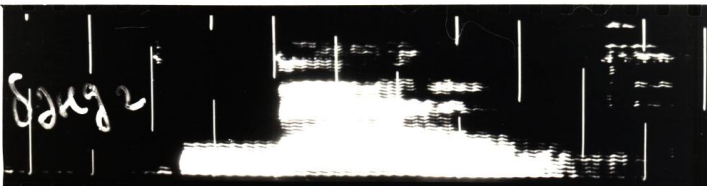
9.6. Вопросы по девятой главе

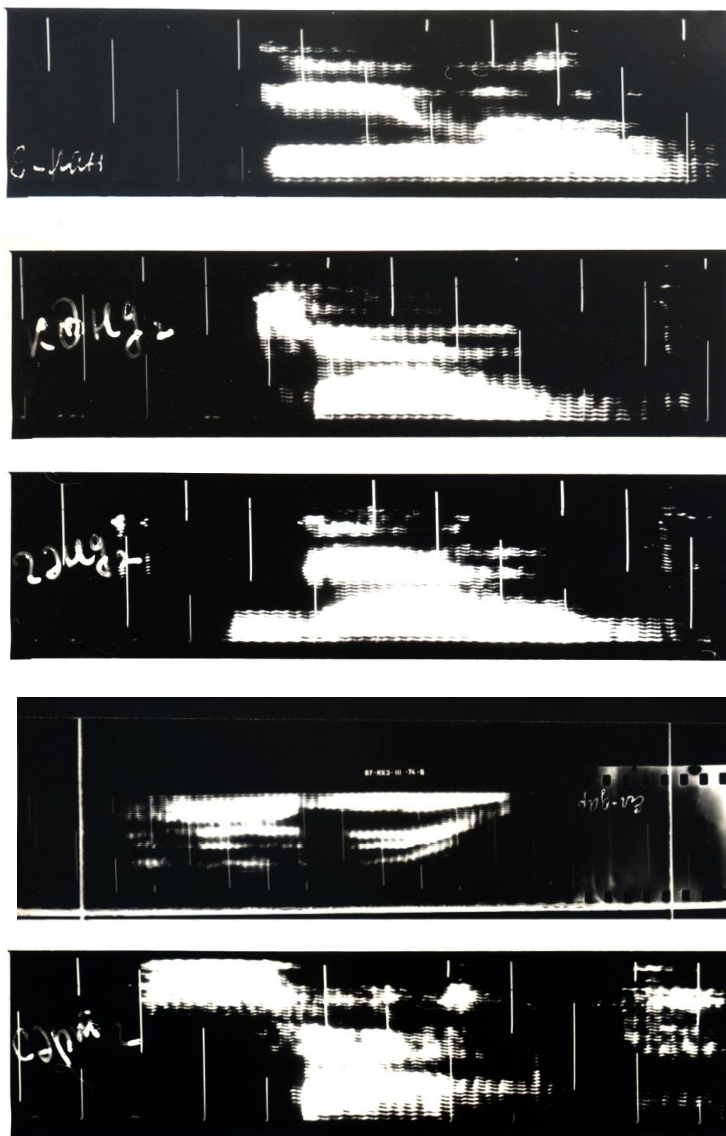
1. Где происходит манифестация фонем языка?
2. Имеют ли слоги семантическое значение?
3. Что такое слогосчитающие и моросчитающие языки?
4. Каков подход американских лингвистов к слогу?
5. Какие теории слога существуют сегодня?
6. В чем суть имеющихся на сегодняшний день слоговых теорий?
7. Какая теория наиболее адекватно позволяет произвести деление на слоги?
8. Каковы основные типы слоговых моделей в различных языках мира?
9. Какие структурные типы можно выделить в различных языках?
10. Одинаковы ли слоговые модели в разных языках?

ГЛАВА X

РОЛЬ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В МАНИФЕСТАЦИИ ФОНЕМ ЯЗЫКА

10.1. Суперсегментные единицы языка. До сих пор мы рассматривали сегментные единицы в отдельности или в их сочетании. Теперь настало время изучить те явления, которые цементируют отдельные фонемы и их сочетания в неразложимые единицы-слова, синтагмы, высказывания и т.д. К таким явлениям суперсегментного характера относятся ударение, просодия и интонация. Обычно ударению дается следующее определение: в слове, состоящем более чем из одного слога, один из слогов произносится сильнее, выше по тону и длительнее. Это и есть ударение. Такое определение рассчитано на акустическое выделение одного из слогов в многосложном слове. Однако практически можно встретить языки, в которых нет никакого выделения, тем не менее слог в них воспринимается как ударный. В качестве примера можно сослаться на азербайджанский язык, где, по утверждению многих лингвистов-тюркологов, ударение падает на последний слог слова. Но практически здесь ни о каком выделении речи не может быть (см. рис. 12).

*Рис.12.Спектрограммы азербайджанских слов
/bənd/, /elxan/, /dʒəld/, /eldar/, /pərt/*

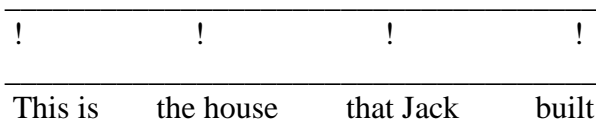
Разумеется, что фонемы выступают в потоке речи связанными между собой в слове благодаря словесному, а в предложении благодаря фразовому ударению. Поэтому мы считаем, что словесное ударение – это такое фонологическое средство, при помощи которого фонемы и их сочетания становятся неразлаживаемыми целыми.¹ Неправильно поставленное ударение в слове и в предложении вызовет непонимание смысла произносимого носителем языка слова. Эту функцию Л.Р.Зиндер предлагает называть словопозновательной или конститутивной.²

Если бы все слова языка состояли из одной фонемы, то не стоило бы говорить о наличии в этом языке словесного ударения. В любом языке слова состоят минимум из одного слога, максимум из множества слогов. Так как в язык вливаются все больше слов, то выяснить количество слогов практически невозможно. По словарю Дудена 1962 года, в немецком языке слова могут состоять максимум из 9 слогов. Но вот есть такое слово как \wedge dampf_ı|ıf fa:rtsgə_ızel|aftsdı.̀rektı. rən_ıtelfer_ıtre:tər gə`ma:linzanda.ıletən/³ “Dampfschiffahrtsgesellschaftsdirektoren stellvertretersgemahlinsandaletten“ (сандалии супруги заместителя директора общества по парашютству), где имеется ровно 21 слог. В этом слове главное и второстепенное ударения на протяжении всего произносимого чередуются. Но несмотря на это данное слово с точки зрения плана выражения помещено в одну ударную оболочку, которая и сохраняет целооформленность⁴ этого слова.

Если мы изменяем место ударения в таких словах, как например, /`muk/ (мука) и /mu`ka/ (мука), то значение их будет непонятным. Поэтому ударение выполняет не только цементирующую, но и опознавательную функции. Отсюда следует, что ударение является составной частью звуковой организации слов, высказываний и предложений.

10.2. Проблема ударения у американцев. Американские исследователи рассматривают ударение как вторичные фонемы. Выявление вторичных фонем осуществляют так: берут слова типа /^ˈtɪʃ,lampə/ “Tischlampe” (настольная лампа) как сложное слово, образованное из /^ˈtɪʃ/ “Tisch”(стол) и /^ˈlampə/ «Lampe» (лампа). Первый слог в этом сложном слове характеризуется усилением акустико-артикуляторных коррелятов: интенсивности, высоты тона и длительности. Из этого следует, что здесь имеется две фонемы-ударения, чем и оно отличается от слов /^ˈtɪʃ/ “Tisch”(стол) и /^ˈlampə/ “Lampe”(лампа). Таким образом, в немецком языке можно выделить четыре секундарных фонем: /^ˈ/, /[˘]/, /, / и /-/⁵. С этой трактовкой ударения согласиться нельзя. Фонемы - по сути дела сегментные единицы и они располагаются по принципу одна за другой, каждая из которых имеет свою собственную позицию в потоке речи.⁶ А ударение приковано минимум к слову, но характеризует все выражение, на которое оно накладывается. Поэтому если в слове «туда» ударение перенесем на первый слог, т.е. произнесем как /^ˈtuda/, то это вызовет недоумение у носителей русского языка, потому что любой русский привык ставить ударение на второй слог этого слова. Эта привычка воспитывается у человека с рождения при общении с соотечественниками.

Американцы вводят также термин “foot” (нога), под которым они понимают как целое (stretch) фонетического материала, который начинается с онсета ударного слога и заканчивается онсетом следующего ударного слога. Так, например, в предложении /This is the house that Jack built// (это дом, который построил Джэк) имеется 7 слогов и три ноги. Это можно схематически изобразить так:

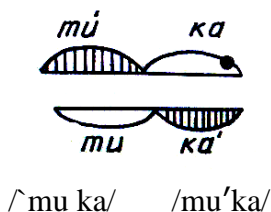
«Foot» характеризуется изохронностью. Сегменты высказывания организованы в составе слогов, а слоги в составе ноги.⁷

Здесь мы ничего нового по сравнению с интерпретацией фонетической структуры высказывания, которую мы находим в концепции щербовской школы, не видим. Согласно концепции этой школы речевой поток фонетически членится на синтагмы, которые представляют собою фонетическое, семантическое и грамматическое целое, состоящее минимум из одной автосемантической лексемы или из ее сочетания с синсемантическими словами. Например, в русском языке /ˈxolɫdnɫ/ и в азербайджанском языке /axʃam/ «axşam» (вечер) определяются как назывные предложения, которые состоят из одной автосемантической лексемы. В них предикация выражена интонацией, но в отличие от русского языка в азербайджанском языке мы можем безличное предложение оформить окончанием предикации: //axʃamdir/. В то время в немецком и в английском языках высказывания />ɛs ʁe:gnət/ «Es regnet» (дождит) и /İt ʁeɪnz/ «It rains» (дождит) оформлены как двуполюсные нормальные предложения. Подлежащее выражено в них формально неличным местоимением />ɛs/ и /it/. А сказуемое в немецком и английском языках выражены соответствующими глаголами в третьем лице, ед. числа и настоящего времени. Кроме этих грамматических характеристик, у этих высказываний есть существенное различие, связанное с их фонетической организацией. Дело в том, что безличные местоимения являются безударными, они выступают как безударные элементы, потому и их называют проклитиками, так как в потоке речи они встречаются перед ударной лексемой. Если же безударные элементы выступают после ударных лексем, то такие элементы принято называть энклитикой. Ср.: нем. />Iç ɡe:ə/ >in di. ʃu:lə//. Здесь />Iç/ и />in di. ʃ/ являются проклитиками. А в немецком высказывании /maenəç maenuç ɔna:x/ “meiner Meinung nach” (по моему, по моему мнению) /maenəç/ является

проклитикой, а /na.x/ энклитикой, так как он неударный и произносится с автосемантической лексемой слитно. Отсюда следует, что ударение слова в отдельности и в составе предложения должны рассматриваться отдельно. Словесное ударение не подвергается тем воздействиям интонации, которой характеризуется каждое предложение. В составе предложения слова подвергаются сильному влиянию фразовой интонации.

Наши многолетние наблюдения позволяют сделать вывод о том, что флективные языки характеризуются развитой проклитикой, а агглютинативные языки –энклитикой. В азербайджанском языке все послелогои выступают как энклитики. В немецком языке есть также целый ряд предлогов, выступающих в постпозиции. Ср.: /Hans tsu.fɔlgə/ “Hans zufolge” (согласно Гансу), /maenər̩ maenʊŋ ɔna.x/ “meiner Meinung nach” (по моему, по моему мнению) и т.д., в которых tsu.fɔlgə/ и /na.x/ выступают как послелогои.

С точки зрения системы мы можем рассматривать словесное ударение как противопоставление ударного слога неударному слогу. Если в языке имеются только односложные слова, тогда, видимо, нет смысла говорить о словесном ударении. Когда оно разноместное, тогда резонно говорить о словесном ударении, причем о разноместном ударении. Схематически можно эту идею изобразить так:

Ударный слог характеризуется наличием тех свойств, которые отсутствуют у неударного слога. Причем не обязательно, чтобы ударные и неударные слоги выступали в речевом потоке

рядом. Противопоставление ударного, как носителя определенных свойств, и неударного, лишённого этих свойств, слогов присуще системе языка и потому остается в силе даже там, где нет их непосредственного противопоставления. Ударение – это конкретные акустико-артикуляторные свойства, которые вместе с фонемами образуют единицу, поле, где совершаются позиционные и комбинаторные изменения. Ударение – это не только выделение слога, на котором оно расположено, но и неотделимое свойство слога, с которым оно совместно функционирует.⁸

При рассмотрении словесного ударения необходимо выяснить вопросы: природа, функция и место ударения, передвижение ударения и типы ударения.

10.3. Природа и функции ударения. Она связана с тем, каким способом ударный слог отличается от неударного. По своей акустико-артикуляторной характеристике ударение в разных языках может быть определено по-разному. А.А.Гасанов, говоря о природе русского ударения, подчеркивает, что «в русском языке ударение в значительной мере является количественным».⁹ Но тут же этот автор исключает возможность существования одного лишь количественного ударения. Ясно одно, что ударный слог более сильный, более длительный и более высокий. Потому и Л.В.Щерба впервые говорил о качественном характере русского ударения.¹⁰

Звуковая субстанция всех языков одинаковая, она складывается из движения тона, силы тона и времени звучания речевого отрезка. Если в языке один из этих компонентов берет верх над другими компонентами, природа ударения может быть в зависимости от этого мелодическим, динамическим и количественным. Иначе говоря, каждый язык по-своему пользуется звуковым арсеналом человеческой речи. Это значит, что звуковая материя по-разному используется в различных языках мира. Например, в немецком языке длительность релевантна на

уровне сегментных единиц, т.е. она используется для различения долгих и кратких гласных. Следовательно, длительность не может быть использована на уровне ударения как релевантный признак, она может быть вспомогательным средством для формирования ударения в этом языке. Поэтому в немецком языке ударение по своей природе является мелодическим и динамическим. В русском языке ударение является количественным, потому что при прочих условиях ударный гласный 1,5 раза длиннее, чем неударный.¹¹ В азербайджанском языке природа ударения выглядит несколько иначе (об этом речь пойдет ниже). Мы можем относительно этого языка говорить о сингармоническом характере слова в целом и слога в частности. Движение тона определяет природу английского словесного ударения. Поэтому при акцентологическом описании этого языка оперируют в основном движением тона. Особо следует говорить о тональных языках, в которых движение тона внутри слога может изменить значение. К таким языкам относятся китайский, вьетнамский, хорватский и т.д.

В любом языке ударный и безударный слоги надо рассматривать в их соотношении. Ударный слог превышает безударный по всем параметрам, у первых фонемы не редуцируются. Напротив, в безударных слогах реализации фонем подвергаются сильной качественной и количественной редукции.

Относительно выражаемых ударением функций в языках мира Р.О.Якобсон различал три функции: дистинктивную, кульминативную и делимитативную или демаркативную функции.¹² Ударение в русском языке он называет дистинктивным, поскольку оно различает слова. Приведенные выше примеры из русского языка подтверждают сказанное. Кульминативная функция ударения выражается в том, что оно указывает на начало или конец слова. Например, в чешском языке ударение падает на начальный слог слова, а в польском языке оно всегда падает на предпоследний слог, называемый пенульtima. Такое

ударение можно называть кульминативным, потому что оно сигнализирует о начале слова. Например, /pols`kego/ (польско-го). Кроме того, если в предложении столько слов, сколько и ударений, то такой язык можно называть также языком с кульминативной функцией. Русский язык относится к таким языкам. Ср.: /`Tut `brat `vz`al `noj/ (Тут брат взял нож), где каждое слово имеет свое собственное ударение. А если ударение всегда падает на последний слог, то тогда мы имеем дело с демаркативной или делимитативной функцией ударения, потому что оно указывает на границу слова. К таким языкам относятся тюркские языки. Ср. /baba`sı/ “babası” (его отец), /babasin`dan/ “babasından” (от его отца) и т.д.

Надо сказать, что высказанные Р.Якобсоном идеи еще в конце 30-х годов прошлого века могут быть заложены за основу акцентологической типологии языков мира. Следующим выводом из теории Р.Якобсона является то, что ударение связано со смысловыми единицами, в то время фонемы как пучок ингерентных различительных признаков, действующих симультанно, существуют лишь как вспомогательные средства для первых. Против дистинктивной функции ударения выступает немецкий исследователь Х.Пильх. Он пишет, что ударение не выступает дистинктивно как фонемы, а кульминативно. Дистинктивным является лишь постановка сильного акцента на определенный слог слова. /`a:ha:/ “Aha” (название местности в Швейцарии) может трансформировано в /a.`ha:/ “Aha” (восклицание), причем место ударения на обоих слогах меняется, а не происходит замены сильного ударения на слабое на определенном месте.¹³

10.4. Типы и свобода ударения. В общелингвистическом плане различают свободное и связанное ударения. Свободное ударение - такое ударение, которое не связано с конкретным слогом в структуре слова. Так, например, в русском языке оно может падать на любой слог. Ср.: /`baba/ (баба), / ru`ka/ (рука),

/gʏlʌvoj/ (головой), /mejdunl`rodnj/ (международный) и т.д. Традиционно так принято, что в азербайджанском языке, за исключением заимствований из иностранных языков, особенно из европейских языков, ударение всегда падает на последний слог. Однако последние исследования показывают, что это утверждение не имеет под собой никакой научной почвы. Оно есть результат прямого давления евроцентризма на описание тюркских языков (об этом чуть позже).

Однако есть языки, которые занимают промежуточное положение между языками с свободным и несвободным ударениями. В немецком языке, например, ударение - и свободное и несвободное. Оно может падать на любой слог слова. Но анализ языкового материала показал, что в большинстве случаев ударение падает на корневой слог. А это может быть второй, третий, четвертый и т.д. слоги. На основе статистического анализа орфофонического словаря немецкого языка, который вышел в 1967 году в Лейпциге, выяснилось, например, что в словах, начинающихся с буквой «J», зафиксировано всего 895 слов. Ударение в этих словах расположено так:

I	II	III	IV	V	VI
1 2	1 2 3	1 2 3 4	1 2 3 4 5	1 2 3 4 5 6	1 2 3 4 5 6
J 7	94 56	93 76 80	40 53 140 53	27 1 31 82 21	5 - - 6 27 7

Цифры показывают, что в немецком языке наибольшее число имеют четырех-, трех- и двухсложные слова. При этом ударными словами являются либо второй, либо третий слог. Только в пятисложных словах в наибольшем количестве ударным является четвертый слог, а в шестисложных словах ударение чаще всего падает на пятый слог. Более подробные сведения содержит таблица, которая отражает результаты статистического анализа указанного словаря (см.таблицу 3)¹⁴.

Таблица 3.

Распределение ударения в немецком языке

Buchstaben	I		II			III			IV				V					VI					
	1	2	1	2	3	1	2	3	4	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6			
A	30	328	259	960	484	381	90	129	20	200	14	9	66	266	51								
B	136	508	248	258	580	122	24	238	160	28	4	34	20	26	8		4				4		
C	50	238	170	141	223	103	10	50	142	26			24	20	4					2	4		
D	31	220	159	45	112	99	74	97	119	36			7	16	24					3	7		
E	59	217	143	81	157	78	17	90	110	43			4	40	36					2	14		
F	42	411	148	144	161	129	103	28	71	63		1		12	7					3	12		
G	53	438	270	60	53	62	19	70	86	43			2	4	21						5		
H	111	300	142	110	111	127	41	61	113	64		1	11	42	20	1		1	2	9	8		
I	7	94	56	93	76	80	40	53	140	53	27	1	31	82	21	5				6	27		
J	44	137	63	82	66	30	5	20	32	3		1	4	7	1				1	1	2		
K	158	665	241	258	204	271	36	93	413	108		3	36	116	27	1			7	9	34		
L	90	545	162	146	173	107	18	42	225	51	1	5	9	25	11						2		
M	84	583	200	251	438	279	30	82	224	77	3	1	37	56	15	1			1	10	19		
N	47	334	78	225	153	79	24	23	56	25	2	1	2	24	2					1	12		
O	14	131	48	79	121	68	15	48	98	44			15	32	10					2	5		
P	113	630	262	215	424	322	22	121	397	117		1	77	127	37				1	9	23		
Q	17	51	24	12	27	20	1	5	15	6			1	1							1		
R	86	525	158	154	197	161	22	48	230	45	4	2	8	87							33		
S	312	1549	327	367	411	293	59	89	291	78	6	3	40	96	7					1	25		
T	131	560	264	187	294	163	29	62	170	70	3	5	20	44	36	3	3				6		
U	5	142	22	206	49	36	188	14	54	12	11	1	14	15	13				1	1	1		
V	35	180	162	143	451	84	22	124	87	33	5	17	15	41	9					1	9		
W	103	503	51	247	64	25	63	16	39	3	6		14	2	5			3					
X	2	6	20	44	4	7	1	3	2	8			1	1									
Y	8	14	14	6	1	10	2	1	2	1													
Z	54	343	65	200	149	69	25	40	57	30	2	11	13	17	2						5		

Подобные исследования на материале других языков могли бы прояснить многие вопросы расположения ударения на отдельных слогах

Второй вопрос связан с передвижением ударения при изменении словоформы. К языкам с движущимся ударением

относится русский язык. Немецкий и английский языки характеризуются связанностью ударения, хотя в этих языках можно найти примеры, в которых при изменении словоформы ударение перемещается на другой слог. Ср.:

рус.	нем.	англ.	азерб.
/ru`ka/ (рука)	^le:bən/“leben” (жить)	/pri`zent/“present” (представлять)	/al`ma/ “alma” (яблоко)
^ruk`i/ (руки)	/le.`bendic/ (живой)	/prizent`eujn/ (представление)	/alma`ni/(то яблоко)

Мы видим, что во всех приведенных примерах ударение перемещается. Однако в английском и немецком языках это не характерный признак. В русском и азербайджанском языках же перемещение ударения обычное дело. Тем не менее эти последние языки существенно отличаются по передвижению ударения в пределах слова. В азербайджанском языке оно всегда стремится на конечный слог, в русском же языке оно гораздо свободнее и вовсе не обусловлено конечной позицией в слове.

Языки могут быть акцентологически описаны с точки зрения ударности той или иной морфемы в структуре слова. В немецком языке, например, отделяемые морфемы всегда ударные, а неотделяемые обычно безударные. Более подробно мы об этом будем говорить в разделе «Классификация морфем» (срт. 264-269). В этом языке префикс /mis /“miss“ (отрицает значение) и />ʊn / «un» (не) может быть ударным или безударным. Ср.: /mis`laetən/ и /misləetən/ (плохо руководить), но /`misklaŋ / (плохое звучание), /`mɪsfɛr`tendnis/ (недорозумение), //>ʊndaŋk/ (неблагодарность) и т.д. Префикс /ən / ударный также в английском языке: /`ənpaʊn/ ”unpown” (незнание).

Ударение может падать на суффиксы. К таковым относятся английский /-eujn/ “ation”, немецкие /-tsjə:n/ “tion”, /-i:rən/ “ieren”, /-i:/ “ie”, /-ae/”ei”, а также суффиксы, заимствованные из латинского и греческого языков : /-ent/”ent”, /-ant / “ant”, /-ɪst/

“ist”, /-ismʊs/ “ismus”, /-ta:t/ “tat”, /-te:t/ “tät“, /-u:r/ “ur” и т.д. Ср.: /ʃtu.ˈdi:rən/ “studieren”, (учиться), /me.lo.ˈdi:/ “Melodie” (мелодия), /bɛkəˈrae/ “Bäckerei” (пекарня), /ʃtu.ˈdɛnt/ “Student” (студент), /aspi.ˈrɑnt/ “Aspirant” (аспирант), /na.ˈtsjo:n/ “Nation” (нация), /kɔmu.ˈnist/ “Kommunist” (коммунист), /re.a.ˈlismʊs/ “Realismus” (реализм), /re.zʊlˈta:t/ “Resultat” (результат), /u.ni.vɛrzi.ˈtɛ:t/ “Universität” (университет), /na.tu:r/ “Natur” (натура) и т. д.

Иногда, отталкиваясь от противопоставления таких слов как /ˈalma/ «alma!» (не бери, не покупай), /aɪˈma/ «alma» (яблоко) или немецких слов /ˈ>ü:bər.zetsən/ ”übersetzen” (перевозить) и />ü.bər ˈzetsən/ «übersetzen» (переводить), делают вывод, будто ударение выполняет смысловоразличительную функцию. Такой подход не приемлем по той простой причине, что ударение не различает смысл, оно лишь оформляет слово, синтагму и фразу как единое целое. В азербайджанском языке речь идет о противопоставлении единиц разных уровней - восклицательного предложения и слова. С другой стороны, все примеры исключают друг друга в плане их употребления. Там, где встречается /ˈ>ü:bər.zetsən/ ”übersetzen” (перевозить), не встречается />ü.bər ˈzetsən/ «übersetzen» (переводить). А это очень важный фактор для говорящего и слушающего в немецком языке. Так же обстоит дело с ударением в таких словах как /ˈblu:t>arm/ (малокровье) и /blu.tˈ>arm/ (очень бедный), /ˈʃtaen,raeç/ (богатый камнями) и /,ʃtaenˈraeç/ (очень богатый). Когда ударение находится на первом компоненте, то оно выступает определяющим смыслового содержания слова, т.е. малокровье и богатый камнями. Но в случае нахождения ударения на втором компоненте, он оказывается решающим для значения слова. Такая интерпретация проблемы не вызывает возражения, когда мы рассматриваем эти примеры отдельно, в отрыве от контекста. Ведь мы знаем, что языковое общение не протекает в виде отдельных, самостоятельно употребляемых слов. А в контексте каждое слово подчиняется грамматической,

семантической и интонационной структурам предложения, т.е. каждое слово оформляется грамматически, выбор его осуществляется согласно принципу семантической солидарности и организуется по требованию общей интонационной структуры предложения. Все это дает нам основание думать, что приведенные слова нельзя считать разными в плане фонетической организации, они должны быть рассмотрены как разные слова, так как они находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

В русском сложном слове /vʲɔdɫrɪɫˈvot/ «водопровод» ударение падает на второй слог второго компонента, так как он является определяющим элементом. А в немецком языке в сложных словах обычно ударение падает на первый компонент, так как он является определяющим элементом. Но бывают случаи, когда второй компонент выступает как определяющий элемент, тогда он берет на себя главное ударение. Ср.:

/ˈtɪʃlam.pə/ “Tischlampe” (настольная лампа)

/ˈʃrɛɪptɪʃ/ “Schreibtisch” (письменный стол) и т.д.

Но /,ja.rˈtao.zənt/ (столетие)

/,nɔrtˈzɔst/ (северозапад) и т. д.

10.5. Литература и замечания

¹ Vejsälli F. Kontraste auf der Ebene der Prosodie. Vortrag, gehalten an der XIV Deutschlehrertagung in Jena 2010. Magazin der XIV-DLT. Jena, 2010, S.76-80. (См. также:

Veysälli F. Seçilmiş əsərləri. Bakı, 2009, s. 380-386

² Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979, стр. 259

³ Vejsalov (Vejsälli) F.Y. Lehrbuch der deutschen Phonetik. Baku, 1989

⁴ Смирницкий А.М. Современный английский язык. М., 1951

⁵ Блумфильд Л. Язык. М., 1968; Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 2009

⁶ Французский лингвист А.Мартине выступает за четкое разграничение фонем и просодических признаков. По его

утверждению, фонемы имеют определенную позицию в потоке речи, тогда как просодические признаки лишены такой позиции, поскольку они надстраиваются над первыми. См.: Мартине А. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике», М., 1963, вып. 3

⁷ Giegerich H. J. Указ. соч., стр. 181

⁸ Vejsalov (Vejsälli) F. Lehrbuch., s. 197

⁹ Гасанов А. А. Указ. соч., стр. 199

¹⁰ Щерба Л.В. Об ударении. В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 177

¹¹ Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения. АКД, Л., 1953, стр. 7

¹² Jakobson R. Über die Beschaffenheit der Betonung der prosodischen Gegensätze. „Melanges de linguistique et de phonologie“. Paris, 1937

¹³ Pilch H. Phonemtheorie. München, 1964, s.102

¹⁴ Таблица взята из: Vejsalov (Vejsälli) F. Lehrbuch der deutschen Phonetik. Baku, 1989, s. 202

10.6. Вопросы по десятой главе

1. К какому уровню относится ударения?
2. Какова природа ударения?
3. Можно ли сказать, что все языки по природе одинаковы?
4. Каковы функции ударения вообще и в частности?
5. Можно ли предложить общую теорию акцентологической типологии?
6. Что вы можете сказать о месте ударения в различных языках?
7. Как вы понимаете свободу ударения?
8. В чем суть передвижения ударения?
9. Как ведет себя ударение с точки зрения морфемного состава слова?
10. Каковы особенности ударения в сложных словах?

ГЛАВА XI

ПРОСОДИКА И ИНТОНАЦИЯ*

11.1. Дефиниция просодики. Просодика языков с агглютинативным строем характеризуется двумя резко отличающимися особенностями, одна из которых проявляется на уровне слова, другая - на уровне высказывания. При этом под просодикой мы понимаем фонетические характеристики всех без исключения сегментных последовательностей, включая коммуникативные единицы и их составляющие-синтагмы и фонетические такты. Такое понимание предполагает синонимичность просодии и интонации. Вместе с тем нельзя не согласиться с Н.Д.Светозаровой, которая считает, что термин «просодия» шире, но в определенном отношении и уже термина «интонация». Если просодическая структура – это способ организации звуковых последовательностей, начиная со слога (слога, слова, ритмические группы, синтагмы, высказывания), то под интонацией, по крайней мере в наиболее распространенном значении этого слова, понимается лишь способ организации синтагм и высказываний. С другой стороны, говоря о просодике, обычно имеют в виду лишь средства просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации (интонация языка, его интонационной системы) входит и содержательный аспект¹

На уровне слова просодическая структура в агглютинативных языках характеризуется двувёршинностью.²

Первый центр надсегментных (просодических, акцентологических) средств сосредоточен на последнем слоге, выполняющая одновременно и организующую, и кульминативную функции. На уровне предложения указанная выше кульминативная функция переплетается с делимитативной функцией. Здесь функция обозначения количества слов (вершинообразующая или же кульминативная функция) тесно связана с функцией

обозначения границ слов (демаркативная или делимитативная функция ударения). Такой просодический центр характерен, за исключением некоторых суффиксов, для всех азербайджанских слов со всеми деривативными и релятивными формами.³ При словообразовании и словоизменении каждый вновь прибавляемый к основе аффикс перетягивает ударение на себя. Ср.:

/daʃ/ “daş” (камень) - /daʃ+`lɪx/ “daşlıq” (камнистый) - /daʃ+`sɪz/ “daşsız” (без камня) - /daʃ+`lar/ “daşlar” (камни) - /daʃ+lar+`dan/ “daşlardan” (из камней) и т.д.

/baʃ/ “baş” (голова) - /baʃ+`tʃɪ/ “başçı” (глава) - /baʃ+`sɪz/ “başsız” (без головы) - /baʃ+`lar/ “başlar” (головы) - //baʃ+lar+`dan/ “başlardan” (из голов) и т.д.

Но суффиксы отрицания /m/ ma/mə/ перебрасывает ударение на предшествующий слог. Ср.: /gaz+`ɪr/ “qazır” (копает)- /`gaz+ma+j+ɪr/ (полный стиль) или /`qaz+m+ɪr/ (разговорный стиль) (не копает)- /`gaz+ma+j+ɪr+lar+mɪ/ (полный стиль) или /`gaz+m+ɪr+lar+mɪ/ (разговорный стиль) “qazmayırlarmış” (не копали) и т.д.

Вследствие этого все слоги, предшествующие ударному аффиксу, сильно редуцируются вплоть до выпадения из потока речи. При этом вполне возможно, что акустико-артикуляторные корреляты ударения в конце слов не имеют особого выделения⁴, поскольку слова произносятся либо с терминальной, либо с перечислительной интонацией. Поэтому нередко показатели акустических коррелятов (особенно движение тона и интенсивность) сильно понижаются.⁵

Однако, такое положение вещей не воспрепятствует распознаванию конечных слогов как ударных, так как здесь действует закон каденции. Исключение из этих правил составляют лишь отрицательные формы глагола во всех числах и лицах настоящего, будущего и прошедшего времен и вопросительная частица /-mɪ/ в четырех вариантах, что свидетельствует об эллиптической форме предложения. В высказываниях с этими аффиксами ударение падает на предшествующий слог. Ср.:

/almadım/ “almadım” (я не купил) - /almamışam/ “almamışam” (я не покупал) - /almadıx/ “almadıq” (мы не купили) - /almamısan/ “almamısan” (ты не купил) и т.д.

İal`+dın+ mı? (купил ли ты?) - İo+dur+mu? (он ли это?) - İsu+dur+mu? (вода ли это?) - İgoz+mu? (орех ли то?) и т.д.

Эти и другие аналогичные примеры представляют собой парцелятивные конструкции. Их перевод на русский язык подтверждает мысль об их парцелятивности. С подлинно научной точки зрения мы не вправе рассмотреть их в одном ряду со словами как с номинативными единицами языка. Но в этих словоформах, а также во многих заимствованиях (ср.: /ˈopera/, /ˈradio/, /ˈpasport/, /pro`fessor/, /ˈdoktor/, /afˈtobus/ ударение всегда падает на один и то же слог, если к ним прибавляются словообразовательные аффиксы. Ср.:

/ˈalma/ (не купи)- /ˈalmadıx/ (не купили) - /ˈalmadıymız/ (то, чего не купили) - /ˈalmadıglarımız / (из некупленных) и т.д.

/ˈopera/ (опера) - /ˈoperalar/ (оперы) - /ˈoperalardan/ (из опер) - /ˈoperalarımızdan/ (из наших опер) и т.д.

Как видно, слог – носитель просодических характеристик при исходной форме сохраняет свое господствующее положение при наращении. Но в тех заимствованиях, в которых в языке-этимоне ударение падает на последний слог, и в заимствующем азербайджанском языке оно находится также на последнем слоге, при наращении деривативными и релятивными аффиксами ударение неперемежно переходит на конечный слог, что говорит об освоении этих заимствований азербайджанским языком. Ср.: /dirižor/ (дирижор) - /dirižorlar/ (дирижоры)- /dirižorlardan/ (от дирижоров) - /dirižorlux/ (дирижерство) и т.д.

Итак, одна вершина в просодической структуре азербайджанского слова находится в исконно азербайджанских словах в конце на последнем аффиксе словообразования или же словоизменения, акустический коррелят которой может быть выражен нулем. По своей акустической природе каденция выражена силой, потому и говорят, что ударение в тюркских языках

экспираторно. А высотный компонент выступает в качестве сопровождающего признака.

Второй центр сингармонических характеристик расположен на начальном гласном слова или на конечном гласном основы. Иначе говоря, важной особенностью тюркского слова является то, что в двух и более двух сложных словах гласные всех последующих слогов подчиняется гласному начального слога или же последнего гласного основы, названному Р.Якобсоном зондергласным, по признакам ряда, подъема и огубленности. Этот закон, известный в литературе как сингармонизм, соблюдается в современном азербайджанском языке полностью или частично. Ср.: /a`ta/ (отец), /ata`lar/ (отцы), /atar`dan/ (от отцов) или /uz`un/ (длинный), /uzu`nu/ (длину), /uzn`lux/ (длина) и т.д. Здесь имеет место гармония гласных, поскольку во всех слогах реализованы варианты одной и той же гласной фонемы и твердые по тембру согласные, обусловленные качеством вариантов гласных фонем /A+a₁+a₂+a₃/ и /U+u₁+u₂+u₃/. Частичная гармония гласных имеет место в словах типа /dämirt`ilär/ (кузнецы) и /üzümt`ilär/ (винодели), поскольку здесь нарушается закон следования друг за другом гласных по признакам подъема и огубленности. Кроме того, в этих словах реализованы мягкие по тембру согласные. Ср.: /ə+i+i+ə/ и /ü+ü+ü+ə/.

В азербайджанском языке в структуре слова все гласные подчиняются этому закону. Исключение составляют гласные /ö, e, o/, которые по причине своей ограниченной дистрибуции не употребляются в словообразовательных и словоизменительных аффиксах. В огромном большинстве наших слов мы имеем следующую последовательность гласных: /a+i/, /a+ı/, /a+o/, /a+u/, /o+u/, /e+i/, /e+ə/, /ə+ə/, /ə+i/, /ö+ə/, /ü+ö/ и наоборот. Ср.: /a.lim/ “alim” (ученый), /a.dil/ “adil” (справедливый), /sa.dig/ “sadiq” (верный), /balı/ “balış” (подушка), /aul/ “aul” (село), /otuz/ “otuz” (тридцать), /tezlik/ “tezlik” (частота), /etmæk/ “etmæk”

(делать), /ətək/ “ətək” (подол), /ətir/ “ətir” (одеколон), /ötən/ “ötən” (прошедший), /bütöv/ “bütöv” (целый) и т.д.

Исходя из вышеизложенного, азербайджанские слова с учетом слоговой структуры и просодической организации могут быть протранскрибированы следующим образом:

$$L_2=V_1+V_2, \quad L=V_1+V_2+V_3, \quad L=V_1+V_2+V_3+V_4, \quad L=V_1+V_2+V_3+V_4+V_5.$$

Само собою разумеется, что просодическая структура слова в азербайджанском языке сильно подвергается изменениям, как только оно выступает в сферу влияния фразовой интонации. Следует подчеркнуть, что из тюркских языков турецкий и тувинский характеризуются небной и губной гармонией, казахский – небной, а киргизский – губной гармонией. Кроме того, гармония гласных имеет место также в тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках. Похожее на гармонию гласных является не начальный гласный, а гласный аффикса, под влиянием которого корневой гласный получает новое качество. Это явление известно в литературе под названием умлаутизация.⁶

Необходимо отметить, что в современных азербайджанских словах, особенно в именах собственных, нет строгого соблюдения гармонии гласных. С: /aj`sel/ “Aysel”, /aj`gün/ “Aygün”, /kən`an/ “Kənan”, /el`fat/ “Elşad” и т. д. Но морфологическая система с ее богатым словообразованием и словоизменением полностью соблюдает гармонию гласных, по крайней мере, по признакам подъема и ряда.

11.2. О фразовом ударении. В предложении отдельные слова со своими акцентологическими характеристиками подчиняются фразовому ударению, образуя иерархию суперсегментных особенностей, в котором при нейтральном произнесении выпукло выделяются слова, стоящие непосредственно перед предикатом.

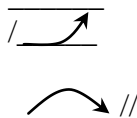
Об этом свидетельствуют приведенные ниже предложения:

(1) /o/ kitabı ana``ra verdi// (Он отдал книгу Анару)

(2) /o/ anara ki``tab verdi// (Он отдал Анару книгу)

(3) /anara kitabı ``o verdi// (Анару книгу он отдал)⁷ и т. д.

Совершенно очевидно, что данный порядок слов в приведенных выше примерах обусловлен конситуацией (контекстом и ситуацией). В речевой ситуации, где необходимо констатировать факт о том, что он отдал книгу Анару, высказывание должно иметь порядок слов как в первом примере. А если речь идет о том, что он отдал Анару книгу, говорящий должен выбрать порядок слов как во втором примере. И, наконец, если в речевой ситуации необходимо сказать о передаче книгу именно Анару, то употребляется третий вариант. Во всех трех примерах фразовое ударение падает на слово, стоящее непосредственно перед сказуемым. Слово с фразовым ударением образует центр просодической и интонационной структуры высказывания. Просодическая структура азербайджанских односоставных предложений, выражающих законченность, имеет следующий тональный контур:

В тех случаях, когда перед сказуемым употребляются адвербиальные и атрибутивные элементы, фразовое ударение падает на определяющий компонент сочетания. Ср.:

4. /anar onlarla jol``da rastla[di// (Анар встретился с ними на дороге)

5. /dünən bu hadisə ``ba[jolda ba[verdi// (Вчера это произошло на главной дороге)

В последнем примере выделено слово /ba[/, потому что в данной речевой ситуации необходимо выделить место происшествия, а не констатацию совершившегося факта. Если транскрибировать указанные выше предложения с учетом сингармонических и просодических характеристик, то они получают следующие формулы:

$S_{10} = /V+v/+v+v+v+v+{}^{\sim}V+v+v+v//$

$S_{12} = /V+v/+v+v+v+v/+{}^{\sim}V+v+v+v+v+v//$

В (4) примере так называемый зондергласный /V/ берет на себя функцию сингармонической организации, он предопределяет тембральную окраску гласных и согласных, одинаковых по тембру. В (5) примере роль начального гласного не велика, его организующая функция заметно ослабла, так как в нем нарушается гармония гласных. Функцию фонетической организации берет на себя фразовое ударение, которое во взаимодействии с другими компонентами интонации формирует его как неразложимое целое. Однако, возможна пауза после отрезков /anar/ и /dünən bu hadisə/, длительность которой может быть совсем незначительной или же достаточно большой, что зависит от конкретных условий реализации этих предложений.

11.3. Сингармония и просодема. Таким образом, для полного и непротиворечивого описания азербайджанской акцентуации надо ввести понятие просодемы, под которой понимается признак, реализуемый в двух вершинах азербайджанского слова. Одна из этих вершин находится в начальной части слова и которую можно обозначить 4 знаками: $V_{(губной)}$, $V_{(негубной)}$, $V_{(темный)}$, $V_{(светлый)}$. Если слово начинается с губного гласного, как например, в слове /odun/ (дрова), то все прибавляемые окончания будут непременно губными. Ср.: /oduntʃu/ (дровяник), /oduntʃunu/ (дровяника), /oduntʃulug/ (торговля дровами) ит.д. Если слово начинается с негубного гласного, значит, все следующие за ним фонемы будут негубные. Ср.: /araba/ (повозка), /arabatʃı/ (извозчик), /arabatʃılar/ (извозчики) и т.д. Далее если слово начинается с темного гласного, то все следующие за ним фонемы будут темными. Ср.: /araba/, /arabatʃı/, /arabatʃılar/. И, наконец, если слово начинается со светлого гласного, значит, все следующие за ним фонемы будут светлыми. Ср.: /iʃ/ (работа), /iʃim/ (моя работа), /iʃimi/ (мою работу) и т.д. Причем здесь речь идет не только о тембре гласного, но и согласного.

Вторая вершина в структуре слова приходится на последний слог, которая по закону каденции может быть выражена нулем. Отсутствие материального признака может восприниматься как наличие признака.

11.4. Интонация и система интонационных единиц. Интонация как явление суперсегментного характера до сих пор принадлежит к числу наименее изученных, хотя ее значение для языка как средство общения признается всеми.

Изучение интонации представляет большой интерес не только для лингвистики, но и для других отраслей науки, которые занимаются проблемами передачи и принятия информации, автоматического распознавания речи, решения проблем автоматического перевода, общения человека с машиной и наоборот и т.д.

При описании интонации представляется необходимым выделить в основном три аспекта: 1) лингвистический; 2) акустический; 3) физиологический. По физиологическому аспекту изучений интонации фундаментальные работы появились лишь недавно. В связи с этим очень интересным является исследование некоторых авторов, которые стремятся показать физиологическую базу образования и действия интонации⁸.

Однако важное значение имеет лингвистический аспект интонации, который должен базироваться на акустико-артикуляторных параметрах, а также восприятие интонации, поскольку лингвистический аспект предполагает восприятие и понимание передаваемой говорящим информации. Акустическое сходство и различие, как мы уже отмечали выше, сами по себе не могут определить интонационное тождество и различие речевых единиц, так же как и сходство и несходство не решают вопроса о фонематичности звукового различия.

Все имеющиеся по интонации работы разных языков, можно сгруппировать по трем группам. Первая группа опирается на субъективные наблюдения, т.е. основным методом для этой группы является слуховой. Вторая группа исходит из

экспериментального анализа акустических параметров интонации. Третья группа в отличие от первых двух выбирает объектом своего исследования синтезированную речь.⁹

Немецкий исследователь Х.Гримме отстаивает необходимость слухового анализа, отвергая значимость объективной методики. Свой скептицизм к эксперименту Х.Гримме объясняет тем, что кривые кимограмм неотчетливо показывают закономерности логико-модальных аспектов речевой мелодии (о том, сколько аспектов выделяет Х.Гримме при рассмотрении интонации, речь пойдет ниже). По мнению Х.Гримме, на первый план выдвигается эмоциональная сторона.

Изучение работ всех указанных трех типов показывает, что среди лингвистов разных направлений нет единого мнения по общим вопросам интонации. Поэтому сначала надо выяснить, каковы взгляды языковедов на место и значение интонации.

Следует отметить, что имеются расхождения во взглядах лингвистов не только по определению самого понятия интонации, ее функции в языке, но и по ряду вопросов, которые можно свести к следующим:

- а) интонация и синтаксис
- б) интонация и фонология
- с) интонационные единицы
- д) возможности членения интонации

Некоторые другие проблемы, как например, соотношение акустических параметров и восприятие интонации, выявление интонационных универсалий и т.д. ждут своего решения.

В фонетике издавна было очевидным, что характер высказывания (например, повествования, побуждения, вопроса и т.п.) связан с определенным характером интонации. Это положение остается незыблемым и в современном языкознании. Что же касается проблемы более глубоких связей интонации и синтаксиса, как раздела грамматики, то специальные работы, рассматривающие соотношение синтаксиса и интонации, появились относительно недавно, и число их в общем невелико.

Немецкий исследователь Х.Гримме выделяет 4 аспекта, имеющих своим выражением интонацию, а именно: 1) логический; 2) модальный; 3) суггестивно-риторический и, наконец, 4) эмоциональный. По мнению Х.Гримме, существует прямая связь между интонацией и синтаксическими единицами, выражающаяся в том, что определенные градации высоты тона соответствуют различным членам предложения. «Каждое из четырех указанных аспектов имеет свое специфическое тональное выражение» пишет Х.Гримме.¹⁰ По Гримме, логический аспект базируется на основном тоне, модальный аспект выражается тональной ступенью, строящейся на логическом предикате, суггестивно-риторический аспект отличается от первых двух выделением, т.е. повышением или понижением тона, и наконец, последний /эмоциональный/ аспект имеет разнообразную тональность.

11.5. Интонация и ее отношение к синтаксису и фонологии. Х.Гримме более подробно останавливается на логическом аспекте. «Предложение, - пишет Х.Гримме, - которое представляет собой объективное сообщение, может содержать до девяти тональных ступеней, служащих выражению отношений между членами предложения, потому и они могут быть названы логическими тональными ступенями». Тональные ступени выражают, по Гримме, следующие синтаксические отношения:

тональные ступени	синтаксические значения;
X	= конец предложения /нем. Satzende/;
I	=модально-нейтральный предикат /нем. Das nicht modale Prädikat/;
2	= субъект /нем. Subjekt/;
3	=недистантный объект /нем. das fester verbundene Objekt/;
4	= дистантный объект /нем. das loser verbundene Objekt/;
5	=недистантное обстоятельство /нем. das fester verbundene Adverbiale/;

- 6 =дистантное обстоятельство со значением времени и места /нем. das loser verbundene Adverbiale mit der Beziehung auf Zeitpunkt oder Standort/;
- 7 =дистантное обстоятельство со значением инструмента и сопровождением (нем. loser verbundene Adverbiale mit der Bedeutung des Instruments und Begleitung).
Тональные ступени синтаксического значения /oder Begleitung/
- 8 =каждый доминирующий или контрастирующий член /нем. jedes dominierend oder gegensätzlich gebrauchte Satzglied).

Таким образом, Х.Гримме вводит понятие тонального строя предложения, который прямым образом связан с его грамматическим строем.

Нельзя согласиться с такой упрощенной трактовкой проблемы. На самом деле, если бы в действительности каждому члену предложения соответствовал специфический тон, то следовало бы увеличить число тональных ступеней, предложенных Х.Гримме; так, в числе обстоятельств следовало бы выделить обстоятельство образа действия, существенно отличающееся от других видов обстоятельств. Напротив, если не учитывать многообразия обстоятельства и ограничиться только лишь пятью основными членами предложения, то следовало бы выделить пять тональных ступеней, а не девять, как это делает Х.Гримме.

О тесной связи интонации с синтаксисом также пишет, М.Бирвиш. По Бирвишу, интонация зависит от акцента, пограничного сигнала и поверхностной синтаксической структуры (нем. Oberflächenstruktur)¹¹.

Вопрос о соотношении интонации с синтаксисом по-иному трактовал, как известно, А.М.Пешковский. Для А.М.Пешковского интонация – это прежде всего одно из грамматических средств, функционально равнозначное другим грамматическим средствам выражения, и особенно средство, которое

характеризует предложение как целое. Именно из понимания интонации как грамматического средства, вытекает принцип «замены», сформулированный А.М.Пешковским следующим образом: «Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения) и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое / тоже вплоть до полного исчезновения»¹².

Ряд экспериментально-фонетических работ подтвердил указанный тезис А.М.Пешковского, хотя и показал, что полной взаимокompенсации не происходит.

Указывая на тесную связь интонации с грамматикой, А.М.Пешковский вместе с тем подчеркивал и ее известную независимость от синтаксических форм. Он писал: «...они (интонационные средства-Ф.В.), так сказать, б л у ж д а ю т по грамматической поверхности языка, и это, несомненно, и удерживает многих лингвистов от включения их в число грамматических признаков. Собственно говоря, даже и в случаях тесного сцепления определенных интонаций с определенными формами... особый характер этого средства дает себя знать в том, что те же интонации, как *и всякие другие*, все-таки могут наслаиваться, помимо излюбленных ими форм, на любой формальный субстрат ...»¹³.

Л.В.Щерба видел синтаксическую функцию интонации не только в оформлении коммуникативного типа предложения, иными словами, в том, что интонация оформляет предложение как целое, связанное как со смысловыми отношениями, так и с грамматической структурой предложения. В связи с этим Л.В.Щерба развивает теорию об одночленных и двучленных предложениях и теорию о синтагме.

Такая точка зрения развивается в трудах известного лингвиста А.Н.Гвоздева, а также и многих других русских ученых.¹⁴

Указанная концепция Л.В.Щербы в наиболее полном виде и последовательно изложена Л.Р.Зиндером в его книге «Общая фонетика». «Деление потока речи на предложения, а также на более мелкие смысловые и синтаксические единицы находит свое выражение в звучании». Развивая эту мысль, Л.Р.Зиндер далее пишет: «Мелодика служит не только и не столько для членения потока речи, сколько для связывании отдельных его частей. Так, например, повышение тона к концу отрезка речи в русском языке будет иметь место тогда, когда он представляет собой вопрос, восклицание или же незаконченную мысль, когда следующий отрезок находится в тесной семантико-синтаксической связи с данным отрезком. Напротив, понижение тона в конце отрезка говорит о том, что он либо является самостоятельной смысловой и синтаксической единицей, либо заканчивает какое-либо сложное предложение»¹⁵.

Таким образом, в русской лингвистике можно считать господствующим тот взгляд на интонацию, который хотя и связывает ее со строем предложения, но признает отвлеченность интонации от предложения. К такому пониманию примыкает и точка зрения чешского лингвиста Ф.Данеша, который пишет, что нет прямой связи между интонацией и синтаксическим строем предложения и что функции интонации не имеют синтаксического характера, «если мы будем понимать под «синтаксисом» теорию грамматических структур выражений»¹⁶.

Вместе с тем в ряде экспериментально-фонетических работ, посвященных интонации различных языков, наблюдается некоторое сходство с идеями Х.Гримме, хотя это в них не столь четко выражено, как у Х.Гримме.

Эти работы посвящены описанию синтаксических структур, выяснению вопроса о том, какова интонационная структура анализируемой единицы. При этом не только устанавливается интонация, определяемая коммуникативным типом предложений, но и утверждается, что существует определенная зависимость между синтаксической природой /например, характе-

ром придаточных предложений/ и соответствующей интонационной структурой.

Кроме того, в определенных случаях на первый план выдвигается изучение интонационного выражения эмоции.

Говоря о синтаксической функции интонации, О.А.Норк полагает, что не все синтаксические значения получают интонационную дифференциацию. Совокупность признаков, различающих некие синтаксические значения, называется интономой. Интонома дифференцирует только те синтаксические значения, которые связаны с отношением говорящего к высказываемому. По мнению О.А.Норк, целостность высказывания, коммуникативная установка и коммуникативное задание, а также некоторые другие смысловые аспекты выражаются непосредственно интонацией. Коммуникативная установка, а также пояснение, противопоставление и т.д. иногда могут не получать интонационной дифференциации, и интонационная дифференциация таких предложений, как утверждает О.А.Норк, может нейтрализоваться. Затем применяя методику бинарного противопоставления, О.А.Норк устанавливает ряд иерархических ступеней синтаксических значений, дифференцируемых интонацией.

Фонология, занимающаяся лингвистической функцией элементов звуковой стороны языка, не могла обойти вопроса о таком явлении, как интонация.

Уже на заре развития фонологической теории, а именно в книге Л.В.Щербы «Русских гласные...» мы находим определенные высказывания относительно интонации. Существенным для дальнейшей разработки проблемы интонации надо считать указание Л.В.Щербы на ее известную самостоятельность. Хотя интонация сама по себе не существует, и нельзя себе даже представить ее изолированно от слов, «...мы, – писал Л.В.Щерба, – должны признавать известную самостоятельность, выражающуюся в способности вступать в независимые ассоциации,

за такими элементами, как, например, мелодика слова, которая сама по себе даже не может существовать»¹⁷.

Определение синтаксической фонологии мы находим в «Проекте фонологической стандартизованной терминологии» Пражского лингвистического кружка. «Синтаксическая фонология - это часть фонологии, трактующая о звуковых различиях, которые в данном языке способны отграничивать слова в группе слов /Phonologie de syntagme/ или различать значение целых фраз /Phonologie de la phrase/»¹⁸.

Такое широкое понимание интонации, включающее в себя и интонацию слова, содержалось, как уже говорилось выше, в «Русских гласных» Л.В.Щербы и развивалось им позднее в «Фонетике французского языка».

В том же томе трудов Пражского кружка, где был опубликован «Проект», со специальной статьей по фонологии фразы выступил С.О.Карцевский (1884-1955), который, исходя из формальной структуры фразы, стремился дать фонологическую классификацию интонации. Выделяя 4 типа интонации 1) интонация симметрии; 2) интонация асимметрии; 3) интонация идентичности /аналогичности; 4) интонация градации - , С. О. Карцевский считает самой важной интонацию симметрии, которая базируется на бинарной оппозиции. Смысл этой оппозиции заключается в том, что интонация каждого предложения состоит из двух частей: возбуждающей – восходящей и успокаивающей-нисходящей. Первая часть, по мнению С.О. Карцевского, не представляет собой законченного целого и образует немаркированный ряд, и чтобы это целое возникло, необходима вторая часть, которая образует по отношению к первой части маркированный ряд.

Н.С.Трубецкой в своих «Основах фонологии», где отражены основные идеи пражских функционалистов, не описывает интонацию с такой последовательностью и полнотой, как это сделано им для сегментных единиц языка. Он противопоставляет интонационные (просодические) признаки фонемам,

«Это принципиальное различие состоит в том, что фонемы и словоразличительные просодические признаки никогда сами по себе не являются *языковыми знаками* (выделено Н.С.Трубецким-Ф.В.)... наоборот фразоразличительные признаки являются самостоятельными знаками, предупредительная интонация *обозначает*, что предложение еще не завершено, понижение регистра *обозначает*, что данный отрезок не связан ни с предыдущим, ни с последующим»¹⁹.

Указывая на фразоразличительную функцию интонации в большинстве европейских языков, Н.С.Трубецкой различает в основном противопоставление понижающейся и повышающейся интонации. Первая имеет завершающую (нем. *Abschließend*), вторая - прогредидентную (нем. *weiterweisend*) функции.

Кроме этих двух типов, Н.С.Трубецкой выделяет еще третий тип интонации – перечислительную интонацию.

Понятие интонации истолковывается Н.С.Трубецким как пучок просодических признаков и противопоставляется дистинктивным (консонантным и вокалическим) признакам фонем: практически же он пользуется только движением тона

По существу такой же точки зрения придерживаются авторы дихотомической классификации звуковых явлений – Р.Якобсон и др. Согласно теории бинаристов фонема представляет собою пучок ингерентных (внутренних) и дифференциальных признаков, а интонация – пучок просодических признаков

Среди других представителей Пражского лингвистического кружка, высказывавшихся относительно интонации, как например, М.Ромпортль, И. Вахек и др., особо выделяется Ф.Данеш. По Данешу, интонационные способы выражения каждого языка образуют отдельную фонологическую систему. Фонологическая система интонационных выражений устанавливается Ф.Данешем по тому, какую функцию выполняет интонация рассматриваемого высказывания. При этом он выделяет первичную (лингвистическую) и вторичную (модальную) функции интонации. Основываясь на том, является ли данный

отрезок высказывания завершенным или незавершенным, Ф.Данеш различает три области в системе интонации чешского языка: «При помощи всестороннего фонологического анализа интонационных завершений отрезков высказываний устанавливаем их систему. В ней намечаются три области: 1) область конклюдивных каденций; 2) область полукаденций; 3) область антикаденций».²⁰

Некоторые зарубежные исследователи описывают интонацию, исходя из методики дихотомической классификации звуковых явлений, предложенной Р.Якобсоном и его коллегами. Данная методика по своей сущности основывается на привативной оппозиции Н.С.Трубецкого. В применении к интонации теория дихотомической классификации заключается в том, что интонация любого языка образует такую привативную оппозицию, один член которой характеризуется маркированным признаком, а другой - немаркированным. Именно такое толкование интонации мы находим у А.Исаченко и Х.Шедлиха и др.²¹

11.6. Проблема интонации в зарубежной лингвистике.

К простейшей схеме стремятся свести интонацию американские дескриптивисты. Они различают первичные и вторичные фонемы. Данная точка зрения более или менее последовательно описана Л.Блумфильдом, К.Пайком, Г.Глисоном и др.

Поскольку сфера действия интонации есть предложение, т.е. вполне самостоятельная единица в коммуникативном отношении, и так как благодаря интонации данная единица может иметь разные значения, например, вопрос и ответ, то Г.Глисон из этого делает вывод о том, что интонационный рисунок каждой фразы является морфемой. Отождествление интонационного контура предложения с морфемой приводит Г.Глисона к поиску минимальных единиц «интонационной морфемы», как это делается на уровне сегментных единиц.

Г.Глисон пишет: «Каждое предложение характеризуется и цементируется определенным интонационным рисунком, состоящим из двух, трех или четырех фонем тона и одного за-

вершителя. Интонационные рисунки являются не фонемами, а *морфемами* (выделено мною – Ф.В.)). Тут же дается определение морфемы: «морфема есть наименьшая единица грамматики»²².

Утверждение Г.Глисона о том, что интонационный рисунок состоит из фонемы- тона, вызывает возражение, потому что в такой трактовке снимается разница между сегментными и супraseгментными единицами. Между тем это разные вещи, и разница заключается в том, что фонемы имеют определенные позиции в речевой цепи, в то время как супraseгментные единицы такой позиции не имеют, они наслаиваются на сегментные единицы.

Против отождествления сегментных единиц с супraseгментными явлениями вполне определенным образом высказывается А.Мартине. Рассматривая вопрос о сегментации, он пишет: «... однако мы знаем, что интонационная вершина не может быть подвергнута двойному членению, ибо она не обладает собственно дистинктивной значимостью, что наблюдается при различении двух фонем, но является знаменательной, как и оппозиция двух монем... Другими словами, единицы второго членения – фонемы трактуются иначе, чем просодические явления, которые, в сущности, не могут быть подвергнуты второму членению»²³.

Действительно, если встать на точку зрения американских дескриптивистов, то решительно непонятно, на каком основании можно отождествлять интонационный рисунок предложения с морфемой? Ведь морфема, как таковая, имеет определенное значение, поэтому и принадлежит к плану содержания, тогда как интонация присуща плану выражения и связана со смыслом только через морфемы. Вне морфемы и лексемы о значимости интонации не может быть речи. Даже примеры с вопросительной частицей /mi/ из турецкого языка, которыми оперируют апологеты отождествления морфемы с интонационным рисунком, не могут служить аргументацией для доказательства

данной мысли, так как наличие вопросительной частицы /mi/ в турецких вопросительных предложениях не означает, что вопросительное интонирование их заключено только в частице /mi/. Правда, эти частицы, выступая как лексическое средство выражения вопроса, берут семантическую нагрузку на себя, однако их наличие не исключает и вопросительной интонации.

В азербайджанском предложении *çhəlirmi? “gəlirmi”* (идет ли он?) вопрос, как грамматическое выражение, представлен, с одной стороны, вопросительной частицей /mi/, с другой – определенной интонацией. Интонация, в отличие от других средств, постоянно присутствует в каждом предложении как внешний способ оформления коммуникативной единицы.

Другое дело, когда речь идет о том, выполняет ли интонация данной единицы фонологическую функцию, т.е. противопоставлена ли интонационная форма с грамматическим показателем вопроса в *çhəlirmi?* – (Идет ли он?) *çhəl'ir?* без грамматического показателя вопроса. Оказывается, что противопоставления нет. Они обе воспринимаются как вопрос.

На взглядах других фонологических школ, в частности, английской, мы здесь не будем останавливаться. Об английской школе пойдет речь ниже, когда будем рассматривать вопрос об интонационных единицах и о возможности членения интонации.

Из анализа концепций разных фонологических школ вытекает, что в области интонации фонология не достигла столь больших успехов, как это имеется в описании фонем различных языков. Тем не менее, именно благодаря фонологии стало возможным поставить вопрос о существовании в каждом языке определенного количества интонационных единиц, который является очень существенным для решения многих других вопросов, связанных с интонацией. Следующий раздел и посвящен как раз интонационным единицам.

11.7. Интонационные контуры и возможности ее членения. Известная отвлеченность интонации от грамматической

структуры предложения, ее самостоятельность выражается, между прочим, и в существовании определенного количества интонационных единиц.

Еще Э.Сиверс, исходя из мелодического оформления различных типов предложений, точно и конкретно сформулировал следующие виды движения тона: «Так, в конце простых повествовательных предложений тон обычно падает, в то время как в конце вопросительных предложений без вопросительного слова тон возрастает на заметную высоту: конец вопросительных предложений с вопросительным словом характеризуется повышающейся – понижающейся каденцией»²⁴.

Эти слова Э.Сиверса можно истолковывать как указание на существование в каждом языке определенного количества интонационных единиц, различающихся друг от друга функционально. Эта мысль получила дальнейшее развитие в работах многих исследователей.

Специалисты давно выделяют четыре типа движения тона и стремятся найти физиологические причины понижения и повышения тона в конце предложения. Они объясняют понижение тона в конце предложения тем, что воздушная струя, выдыхаемая для произнесения данного предложения, постепенно истрачивается, так что к концу произнесения она очень ослаблена: из-за нехватки воздуха люди поют на низком тоне.

При таком чисто физиологическом понимании вопроса остается непонятным случаи с повышением, а в другом – с понижением тона.

Датский лингвист О. Есперсен различает два вида движения тона «Дальше речь пойдет о том, - писал О.Есперсен, - что я хотел бы назвать **законом завершения** (выделено О.Есперсеном - Ф.В.). Понижающийся тон или движение тона вниз употребляется в том случае, когда мы заканчиваем наше высказывание, повышение тона указывает на нашу неготовность в речи к незаконченности мысли»²⁶.

Помимо того, что общее движение тона имеет двоякое направление, тон в предложении, по мнению О.Есперсена, обладает способностью быть термометром чувств, барометром настроения и скальпелем мысли. Таким образом, О. Есперсен отделил лингвистическую сторону интонации от эмоциональной.

В современном языковедении вопрос о существовании ограниченного количества интонационных единиц (интонационных контуров, моделей, рисунков, конструкций или просто интоном – в терминологии разных авторов) ставится все чаще и чаще. При этом одни лингвисты различают четыре, другие три, третьи две интонационные единицы.

Четыре интонационных типа, как указывалось выше, различает С. О.Карцевский; 3 интонационных рисунка выделяет О. фон Эссен 1) прогредиентный; 2) интеррогативный; 3) терминальный, каждый из которых отличается от других особым движением тона.

Рассматривая концепцию О.фон Эссена, необходимо остановиться на теории К.Бооста, имеющего на наш взгляд, огромное влияние на первого. К.Боост истолковывает предложение как единицу напряжения (нем. Spannungseinheit), в которой сосуществуют три плоскости: 1) смысла, 2) грамматики, 3) движения тона. Когда О. фон Эссен говорит, что мелодическое движение тона в высказывании есть психическое протекание напряженности, что «er (Tonhöhenverlauf) projeziert ihn gleichsam nach außen in das Sinnfällige», то это напоминает определение К.Бооста, рассматривающее движение тона как производитель напряжения, которое продолжается, по мнению К.Бооста, до тех пор, пока не выполнена интенция говорящего. Далее термины «состояние напряжения (нем. Spannungszustand), завязка и развязка напряжения (Einsetzung und Lösung der Spannung), вершина и поле напряжения (Spannungshöhepunkt und Spannungsfeld) показывают психологизм эссеновской концепции.

Для О.фон Эссена и Х.Винклера, которые в своих трудах более или менее последовательно излагают точку зрения, по которой немецкий язык располагает тремя интонационными типами (данную идею О.фон Эссен распространяет и на английский и турецкий языки). Основной предпосылкой О.фон Эссена является то, что интонация каждого предложения представляет собой единицу напряженной дуги. Одна интонационная единица отличается от другой не только своей внешней формой, но и ограниченной сферой действия. Под терминальный интонационный контур, например, подводятся повествовательные, побудительные, вопросительные предложения с вопросительным словом и т.д., т.е. каждый контур имеет определенную дистрибуцию.

По существу, такой же точки зрения придерживается Х.В.Водарц, стремясь вслед за В.Матезиусом и М.Ромпортолом выделить в предложении несколько сфер действия интонации.

Понимая под интонацией движение тона, Х.Водарц видит функцию фразовой интонации в том, что она является средством дифференциации категории предложений и выражения эмоционального содержания их. Поэтому каждый из выделенных Х.Водарцем типов мелодии: «терминальный», «прогредивный» и «интеррогативный» противопоставляется самому себе в эмоциональной сфере, т.е. в предложении без эмоциональной окраски лингвистическая функция интонации, заключающаяся, по Водарцу, в дифференциации коммуникативного типа предложения, противопоставлена нулю. Этот вариант называется Х.Водарцем основной формой, которая образует оппозицию ко всем другим мелодическим формам.

Два вида интонационных единиц (два тона) различает вслед за Г.Свитом Д.Джоунз. Первый тип имеет функцию законченности, второй тип тона имеет функцию незаконченности.

По дистрибуции каждый из указанных типов ограничен. Первый выступает в утвердительных, вопросительных предложениях (с вопросительным словом) и приказах, второй же –

в вопросительных предложениях без вопросительного слова и в первой части сложных синтаксических структур.

Это, по существу, то традиционное понимание интонации, по которому нисходящее движение выражает законченность, а восходящее – незаконченность.

Две интонационные единицы предлагает выделить также А.Блох, который формулирует свое понимание интонации в терминах структурной фонологии. Исходя из формальных признаков – повышения и понижения тона, А.Блох стоит на точке зрения, по которой имеются всего две категории: терминальная и нетерминальная. Первая из них является маркированным, вторая, напротив, - немаркированным членом интонационной оппозиции, поскольку последняя характеризуется отсутствием признака понижения тона. Между прочим, здесь допускается известная произвольность, потому что с логической точки зрения абсолютно ничего не мешает принять за маркированный член наличие повышения тона.

Что касается третьего типа, выделенного самим Н.С.Трубецким под названием «перечисления», О.фон Эссенем и Х.В.Водарцем «прогредиентной» интонации, А.Блох рассматривает его как комбинаторный вариант реализации нетерминальной интонации

Бинарное противопоставление, восходящее по своему содержанию к привативной оппозиции Н.С.Трубецкого, было применено к описанию немецкой фразовой интонации также А.Исаченко и Х.Шедлихом, которые пришли к выводу о том, что для различения вопроса от невопроса достаточно повышение, и соответственно, понижение тона с интервалом квазитона.

А.Исаченко и Х.Шедлих вводят понятие «перелом» в движении тона (нем. Tonbruch). Переход от одной тональной ступени к другой называется ими переломом в движении тона. Он может быть либо повышающимся, либо понижающимся. Каждый из них имеет две формы: предупредительная (в их терминологии преиктусная) и заударная (в их терминологии – постиктусная).

Таким образом, на синтагматической оси локализации перелома в движении восходящего, и соответственно, нисходящего тона, выделяются две релевантные позиции.

На парадигматической оси /↓/ и /↑/ образуют бинарную оппозицию, где /↑/ выступает как маркированный член, а /↓/ - как немаркированный член данной оппозиции. Для синтаксической характеристики высказывания, подчеркивают авторы, релевантным является только последний перелом в движении тона, а не мелодическая структура высказывания.

Выдвинутая гипотеза о том, что немецкая фразовая интонация может быть описана как последовательность двух тональных ступеней, распространяется А.Исаченко и Шедлихом и на естественную речь. При этом они основываются на том, «что симулированные фразовые интонации относительно передаваемой ими синтаксической информации в принципе эквиваленты естественной фразовой интонации».

Данное утверждение вызвало серьезное возражение со стороны Х.Пильха, который, выступая на дискуссии по докладу А.Исаченко на V Международном Конгрессе Фонетических наук, выразил свое несогласие утверждением о том, что синтезированная речь не есть настоящая немецкая речь.

К простейшей схеме стремятся отнести интонацию также и американские дескриптивисты.

Характеризуя их концепцию по этому вопросу, Л.Р.Зиндер пишет: «Так у них идут в один ряд гласные, согласные, ударения, интонационные тоны и т.д. Например, в английском языке 24 согласных, 9 гласных, 4 ударения и 4 тона и т.д. – все это называется фонемой. Впрочем, надо сказать, что это, в сущности, чисто терминологический прием: американским фонологам приходится различать «сегментную» и «супрасегментную» фонемы. Сегментная фонема – это то, что во всех других школах называется просто фонемой, а супрасегментная – это просодические явления, такие как ударение и интонация»²⁶.

В русской лингвистике мы находим различное понимание интонационных единиц. С одной стороны, исследователи исходят из отвлеченных интонационных единиц, например, Г.П.Торсуев, с другой стороны, наблюдается стремление выделить такие единицы, в которых ведущим является их лингвистическая функция. Так, А.Н.Гвоздев различает 3 интонации: 1) повествовательную, 2) вопросительную и 3) восклицательную.

Л.В.Щерба различал в «Фонетике французского языка» 6 интонационных типов: 1) утвердительный, 2) вопросительный, 3) перечислительный, 4) интонация вставки, 5) интонация присоединения, 6) интонация, выражающая незаконченность мысли, каждый из которых выражается одним из трех возможных движений тона (повышающимся, понижающимся и ровным), или их сочетанием. Представляется, что их можно объединить с точки зрения конечного положения предложения в три большие группы. Тогда каждая группа будет представлять несколько вариантов. Так, например, в трактовке Л.В.Щербы, вопросительные предложения с вопросительным словом представляют собой варианты завершающей интонации. «Если вопросительный смысл фразы, – писал Л.В.Щерба, – вполне выражен грамматическими формами, или специальными словами, то мелодика фразы может приближаться к утвердительной мелодике».

То, что у Л.В.Щербы под разными заглавиями фигурируют 6 подтипов одночленных фраз по интонационному оформлению, не исключает объединения их в три группы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что транскрипционные знаки, применяемые Л.В.Щербой для классификации интонации, соответствуют трем типам .

Следует отметить, что установление определенной транскрипционной системы для описания интонации является одной из основных задач суперсегментной фонологии.

По направленности классификации интонационных единиц к указанному выше принципу примыкают Е.А.Брызгунова

и О.А.Норк²⁷ Первая различает в русском языке 5 типов интонационных конструкций, служащих для различения смысла предложений.

О.А.Норк в статье «Основные интонационные модели немецкого языка» предлагает различать модели самих интонационных структур. Автор исходит из того, что интонационная структура подвергается линейному членению /об этом см. ниже/ и модели интонационных структур предложений. Суть этого моделирования заключается в том, что элементы интонационной структуры образуют три модели: 1) тонема завершенности, 2) тонема незавершенности, 3) тонема вопроса. Каждая модель может иметь одновременно предтакт и затакт, или один из них, или может быть без того и другого. О.А.Норк пишет: «Необходимо еще раз подчеркнуть, что собственно фонологическую значимость как элемент интонационной структуры имеет только тонема».

Модели интонационных структур предложений, приводимых О.А.Норк, а их всего 12, являются по существу реализациями указанных выше трех интонационных структур. Модель одной интонационной структуры представлена несколькими моделями интонационных структур предложений. Так, например, тонема завершенности представлена четырьмя моделями /1, 2, 3, 4 модели/, так же как тонема вопроса представлена в четырех моделях /5, 6, 7, 8 модели/ и т.д. Одна интонационная модель отличается, по мнению О.А.Норк, от другой, прежде всего, наличием или отсутствием предтакта, соответственно затакта и синтаксическим заполнением.

Исходным моментом для О.А.Норк при моделировании является, как указывалось выше, мысль о линейном членении самой интонации.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли делить интонацию на составляющие ее элементы? Или интонация представляет нечто неделимое целое?

Фонетисты различают два вида членения: 1) линейное и 2) структурное. Как было выше указано, американские дескриптивисты рассматривают интонационный рисунок предложения как морфему. Такая трактовка предполагает некое линейное членение интонации, потому что совершенно очевидно, что в любом языке однофонемные морфемы составляют ничтожное количество, тогда как подавляющее большинство морфем состоит больше, чем из одной фонемы. Следовательно, морфема подвергается линейному членению, в результате которого получается линейно дальше неделимая единица. Именно понимание интонационного рисунка как морфемы приводит американских лингвистов к тому, что тоны и ударения, которые образуют интонацию, являются фонемами.

П.С.Кузнецов и А.Мартине, выступая против такого понимания интонации, указывают на то, что фонемы имеют определенную позицию в речевой цепи, в то время как тон и ударение не имеют такой позиции в речевой цепи. П.С.Кузнецов в одной из ранних работ писал, что существенным отличием как ударения, так и интонации от фонем является то, что «в то время как последние могут быть изолированы в речевом потоке в качестве каких-то реально существующих кратчайших звуков, ударение и интонация могут быть изолированы лишь в абстракции, реально же в каждой точке слова или высказывания они образуют лишь невыделимую характеристику соответствующих значений, (подобно тому, как глухость и звонкость образуют невыделимую характеристику согласного звука)»²⁸.

Вместо с тем ряд лингвистов, как О.фон Эссен, С.Бергсвейнсон, С.А.Норк и т.д. утверждают, что интонация подвергается линейному членению.

О.А.Норк прямо пишет: «Имея по отношению к общей структуре предложения надсегментный характер, интонационная структура сама по себе представляет единицу, которая может быть членимой линейно».

В трактовке О.фон Эссена, О.А.Норк и др. линейное членение происходит следующим образом: в каждом предложении выделяется три части: а) предтакт; б) тонема; в) затакт; (В терминологии О. фон Эссена а) Vorlauf: б) rhythmischer Körper или Motiv б) Nachlauf).

Под тонемой О.А.Норк понимает слог, выделенный фразовым ударением. Слог (и), предшествующий (е) тонеме, обозначается как предтакт, а слог (и), следующий (е) за тонемой – как затакт. Тонема может быть выражена, по мнению О.фон Эссена и О.А.Норк, как в одном слоге, так и в нескольких слогах. Предтакт и затакт могут отсутствовать.

О.А.Норк полагает, что фонологическую значимость имеет только тонема (выделено Ф.В.), тогда как предтакт и затакт являются фонологически не существенными²⁹.

Иную точку зрения выдвигают академик Л.В.Щерба и его ученики. По мнению этих ученых, интонация не подвергается линейному членению, она используется для членения предложения. Единицей такого членения является синтагма, определение которой Л.В.Щерба дал более 70 лет назад. По Л.В.Щербе, синтагма-это «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи – мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их»³⁰.

С точки зрения Л.В.Щербы возможно только смысловое членение, которое находит свое выражение в интонации, т.е. в синтагматическом членении потока речи. Для выяснения того, как понимает членение потока речи Л.В.Щерба, приведем простой пример, на котором и можно проиллюстрировать концепцию О.фон Эссен и О.А.Норк. Предложение /es ``blitste/ выступает в речи, с точки зрения акад. Л.В.Щербы, как неделимое целое, образуя одну синтагму. В данном случае синтагма совпадает с предложением. Предложение же /Es blitzte und der Regen trommelte gegen die Fensterscheiben// может быть расчленено на две синтагмы. Членение на синтагмы осуществляется благодаря интонации. Каждая синтагма оформляется своей ин-

тонацией. В указанном предложении, например, первая синтагма характеризуется незаконченной интонацией, вторая, напротив, - законченной. Таким образом, фонологически значимой является вся синтагма. В противоположность этому, по тракторвке О.фон Эссена и О.А.Норк, первое предложение состоит интонационно из трех частей. На наш взгляд, концепция последних применима к изучению ритмической структуры речи, поскольку она учитывает не интонационное членение, а членение на слоги.

Практической разработке членения потока речи на синтагмы на материале современного немецкого языка посвящено специальное фонетическо-экспериментальное исследование³¹.

Иначе обстоит дело с членением интонации в структурном отношении. В зарубежной лингвистике господствует мнение, что фонологическую значимость имеют только высотные изменения тона голоса.

Итак, мы рассматриваем интонацию в структурном отношении как единство разнородных элементов: мелодии, интенсивности, длительности, паузы и тембра.

Наиболее спорным является вопрос о том, следует ли включить паузу и тембр в интонацию или они образуют некие величины, которые не являются функциональными? Нет необходимости останавливаться на взглядах разных авторов по этому вопросу, поскольку он достаточно хорошо освещен в нашей работе по интонации.

11.8. Литература и замечания

⁺Этот раздел является пересказом содержания статьи автора, опубликованной впервые в журнале БСУ “Dil və ədəbiyyat” за 2005 год, №1-2, стр.3-9 и перепечатанная в «Veysəlli F. Seçilmiş əsərləri», Bakı, 2009, s. 380-385

¹Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982, стр. 67

²Идею о двувершинности азербайджанского слова автор выдвинул еще в 70-ые годы прошлого века и последовательно развивал в своих трудах и докладах на конференциях. См.: F. Yadigar (Veysəlli). Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993; Vejsälli F. Kontraste auf der Ebene der Prosodie. IDV Magazin. Beiträge der IDT. Jena/Weimar, 2009, 81, Bd 1, s. 177-185

³Характеризуя фонетическую структуру слова в агглютинативных языках, И.А.Бодуэн де Куртенэ писал: «В тюранских языках (тюркских-Ф.В.) ... все слоги ассимилируются из-за господствующего слога, т.е. подчиняются ему в полном смысле слова». См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Резья и резьяне. В сб.: «Славянский сборник», СПб, 1876, стр. 222

⁴Основываясь на этом, а также и ряде других особенностей тюркских языков, некоторые исследователи отвергают наличие словесного ударения в этих языках. Известный русский тюрколог А.М.Щербак пишет, что «споры о турецком ударении способствовали появлению скептического отношения к возможности окончательного решения этой проблемы и послужили основой для постановки в целом ряде статей вопроса о том, существует ли вообще ударение в турецком языке. Основоположником нового подхода к решению проблемы турецкого ударения явился К.Гренбек. Отметив, что турецкому языку бесспорно присуще характерное движение тона, К.Гренбек указал далее на фонологическую нерелевантность ударения, в отсутствии определенного ударения в основной массе турецких слов». См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970, стр. 112

В своих исследованиях, посвященных просодии казахского языка, А. Джунусбеков доказывает правомерность мысли об отсутствии словесного ударения в тюркских языках вообще, в частности и в казахском языке. По

мнению этого ученого, функцию словесного ударения успешно выполняет словесный сингармонизм. См.: Джунусбеков А.. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова. АДД, Алма-Ата, 1989. Эту же идею он развивает в своей недавно вышедшей книге. См.: Джунусбек А. Сингармоническая фонология. Алма-Ата, 2004

⁴В эмоционально насыщенной речи, в определенных речевых ситуациях, например, в обращении к публике, в вокативных словах имеет место отклонение от нормы, обусловленное апеллятивной функцией ударения. Ср.: /ˈjoldaʃlar/ (Товарищи!) и /jɒlˈdaʃlar/-/garˈdaʃlar/ (Товарищи-брата) и т.д.

⁵А.М.Щербак тоже подчеркивает силовой характер ударения в тюркских языках. По его мнению, распределение мелодического компонента, мы бы сказали и темпорального компонента, находится в тесной зависимости от фразовой интонации. См.: Щербак А.М. Указ. соч., стр. 117

⁺Большая буква в транскрипции обозначает сондергласный. Для полной транскрипции можно было бы поставить знак К тв. или мяг. для обозначения согласных (твердых и мягких соответственно). L обозначает лексему, V обозначает сондергласный, `v-ударный, v-безударный гласный, К-согласный, а цифра под L-количество слогов в данной лексеме. При данной транскрипции не учтен факт сильной редукции предударных слогов, а также и делабиализация губных гласных в конце слов, что очень характерно для азербайджанского языка.

⁶Об это см.: Щербак А.М. Указ. соч.; Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967

⁷В теоретической литературе часто можно встретить такое утверждение, будто, переставляя ударение, которое принято называть логическим, можно изменить смысл любого высказывания. Ср.: /o/kitabı ana``ra verdi// (Он от-

дал книгу Ан`ару) и /`о/kitabı anara verdi// (`Он отдал книгу Анару). Сторонники такого подхода забывают, что они пользуются надуманным им методом. Ведь там, где употребляется первый вариант, не употребляется второй. Здесь просто можно говорить о контрастивном ударении. О критике понятия логического ударения. См.: Yadigar (Veyselli) F. Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993; См.: также перевод этой книги на турецком языке: Veyselli F. Azərbaycan türkcəsi fonetiği (Перевод и предисловие проф. М.Мусаоглы). Ankara, 2008

⁸Вейсалов (Вейсялли) Ф.Я. Завершающая интонация в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование). КД, Л., 1970

⁹Там же.

¹⁰Grimme H. Neuhochdeutsche Sprachmelodik als Grundlage der Syntax. „GRM-Schrift“ XIII. Jg, H. 7/8, Heidelberg, 1925, s. 279

¹¹Там Bierwisch M. Regeln für die Intonation deutscher Sätze., Studia Grammatika, VII, 1966

¹²Пешковский А.М. Интонация и грамматика. «Избр. труды». М., 1959, стр. 181

¹³Там же, стр. 191

¹⁴Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963

¹⁵Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979, стр. 272-287

¹⁶Daneš D. Sentence Intonation from Functional Point of View. “Word”, v. 6, №:1, 1960, p. 34

¹⁷Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912

¹⁸TCLP.1931. 4. 321

¹⁸ Karcevski S.O. Sur la Phonologie de la Phrase. TCLP, 1931, p.209. Почти идентичное мнение высказывал позже нидерландский лингвист А.В. де Грот. Для него каждое предложение – это противопоставление положительной

(по С.Карцевскому – восходящей) и отрицательной (по С.Карцевскому – нисходящей) частей или тонических центров. Положительная часть рассматривается де Гротом как релевантная и противопоставляется отрицательной части как нерелевантной.

¹⁹Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, стр. 254; Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie. TCLP, 1939, s. 199-201. Автор настоящей работы отказался от принятого в русском переводе «Основы фонологии» термина «предупредительный», который не соответствует немецкому эквиваленту «weiterweisend». В русском переводе «Grundzüge der Phonologie» на 248 странице читаем: «Обычно как тот, так и другой тип движения тона реализуется в последнем слове перед паузой, ибо толко в этом месте возникает необходимость сигнализировать о том, что завершено предложение или нет». /Ср. в оригинале на 199 странице «Gewöhnlich wird die eine oder die andere Intonation nur beim letzten Worte vor einer Pause realisiert, da es nur an dieser Stelle wichtig ist, anzugeben, ob der Satz abgeschlossen ist oder nicht». - Из этой цитаты явствует, что движение тона в последнем слове в обоих случаях является предупредительным. В одном случае оно предупреждает, что фраза завершается, в другом случае оно предупреждает, что фраза не завершается. Поэтому говорить о предупредительной интонации как об особом интонационном типе представляется с терминологической точки зрения не верным. Термин «прогредиентный», предложенный О.фон Эссенем, лучше в том отношении, что он не двусмыслен. Поэтому в дальнейшем в этой работе мы будем употреблять термин «прогредиентный» для обозначения интонации незаконченности.

²⁰Daneš F. Указ. соч.

²¹ Isačenko A. und Schädlich. H.J. Untersuchungen über die deutsche Satzintonation. „Studia Crammatica“, VII, Berlin, 1966, s. 59/60

²²Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 85

²³Мартине А. Указ. соч.

²⁴ Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Berlin, 1901, s. 218

²⁵Зиндер Л.Р. Основные фонологические школы. «Уч.зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена», т. 354, Л., 1967

²⁶Брызгунова Е.А. Интонация и смысл предложения. «РЯР», 1967; Норк О.А. Основные интонационные модели немецкого языка. «ИЯШ», 1964

²⁷Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. Berlin, 1904. s. 228

²⁸Кузнецов П.С. К вопросу о фонематической системе французского языка. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 179

²⁹Норк О.А. Указ. соч.

³⁰Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1937, с. 45

³¹Вейсалов (Вейсялли) Ф.Я. Завершающая интонация в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование). КД, Л., 1970

11.9. Вопросы по одиннадцатой главе

1. Что понимается под просодикой?

2. В чем различие и сходство между просодией и интонацией?

3. Можете ли обосновывать просодический подход к слову тюркских языках?

4. Как можно адекватно описать просодическую структуру азербайджанского слова?

5. Где находится первая вершина просодической структуры азербайджанского слова?

6. Почему считаете, что вторая вершина расположена на конечном слоге?

7. Какова природа и функция интонации?
8. Каковы отношения интонации к фонологии и синтаксису?
9. Как можно протранскрибировать азербайджанское предложение с учетом внутри- и внешнефразовой функции ударения?
10. Можно ли говорить о линейном членении интонации?

ГЛАВА XII

МОРФЕМИКА+

12.1. О взаимосвязи морфемы и фонемы. Прежде чем перейти к изложению морфемы и связанным с нею вопросам, следует остановиться на взаимосвязи морфемы и фонемы. Методическая и эмпирическая база изучения фонемы и морфемы одинакова, хотя есть много случаев их самостоятельного рассмотрения.¹ Иногда различие между их рассмотрением носит терминологический характер. С.И.Бернштейн (1909-1970), ученик Л.В.Щербы, переехавший позже в Москву, писал в своей рецензии на одну из первых книг представителей МФШ, что расхождение между ЛФШ (СПФШ) и МФШ носит, скорее всего, терминологический характер², хотя с ним трудно согласиться. Однако, ради развития науки можно было бы пренебречь некоторыми проблемами, являющимися чисто терминологическими. Еще Е.Курилович (1895-1978) подчеркивал, что при обсуждении общих и частных особенностей фонем и морфем как лингвистических единиц, несомненно, существенную роль сыграет сопоставительно-системное сравнение фонемных и морфемных уровней. Речь идет здесь, разумеется, о системном подходе к структуре языка³.

Практически фонема, и морфема определяются в современной лингвистике как единицы, относящиеся к плану выражения.⁴ Но морфема относится также и к плану содержания. С этой точки зрения морфема ближе к значимой единице языка – лексеме. Их взаимосвязь можно изобразить так:

план выражения						план содержания
фонема		↔	морфема	↔		лексема

Сам И.А.Бодуэн де Куртене неоднократно подчеркивал, что морфема-эта двусторонняя единица.⁵

Надо сказать, что американский дистрибуционализм во главе с З.Херрисом осуществляет сегментацию и идентификацию языковых единиц, в том числе и морфем, без обращения к их значению. Он опирался в своем анализе на теорию информации. Американцы полностью отвернулись от психологизма и натурализма, тем самым дали своему подходу антименталистский характер. Но их теория страдала физикализмом, так как акустическое сходство было решающим критерием для идентификации языковых единиц. Супплетивизм является сильной помехой для принятия теории дистрибуционализма. В английском языке / gud / “good” (хорошо), /bettə/ “better” (самый хороший) и /best/ “best” (лучше). Ясно, что все они восходит к одному корню. Но вопрос о том, на каком основании носитель языка - англичанин распознает их как относящиеся к одной морфеме, эта теория ответить на может. Здесь, несмотря на сильное различие в формальном плане, семантическая тождество позволяет идентифицировать разные субстанции как представители одной языковой единицы. Фонемика опирается не морфемике, обе вместе на фонетическую реальность. Любое грамматическое значение имеет фонетическое выражение или нуль. Именно на эти фонетические реальности опирается опознание посланной информации.

Психологизм в интерпретации фонемы и морфемы мы находим у И.А.Бодуэна де Куртенэ и его последователей. И.А.Бодуэн де Куртенэ считал фонему эквивалентом звуков языка, а морфему частью слова, имеющей отдельную самостоятельную психологическую жизнь. На втором этапе своего творчества он больше тяготел к психологизму. Однако И.А.Бодуэн де Куртенэ в приложении к работе «Опыт теории фонетических альтернатив» под названием «Глава из психофонетики» писал следующее: «Приложение «Из психофонетики» может вызвать некоторые возражения... но этим я не хочу показать, что я отношу себя к тем, кто во всех вопросах в языкознании придерживается психических факторов».⁶

Путь от морфемы к фонеме не может быть приемлемым. А обратный вполне эффективный и продуктивный метод. Вспомним морфемный критерий при сегментации речевого потока на фонемы, который выдвинут и разработан Л.В.Щербой. В то же время МФШ тоже опирается на морфематизм, который заключается в том, что морфемное тождество должно предопределить фонемное тождество. Такой подход ставит фонологический ярус языка в зависимость от вышестоящего яруса. Между прочим, этот принцип тоже восходит к И.А.Бодуэну де Куртенэ. По нашему убеждению, неправы те, которые считают, что установление морфемного инвентаря возможно без предварительных знаний о фонемном инвентаре. Равным образом неправы и те, которые исходят при идентификации фонем из морфемного тождества.

Впервые термин морфемы был введен в лингвистический обиход И.А.Бодуэном де Куртенэ, хотя первый труд по морфологии принадлежит перу К.Бругмана (1849-1919) и Г.Остгофа (1847-1909)⁷. Эту идею они, по-видимому, подхватили у А.Шлейхера (1821-1868), который выделил особую науку под названием «морфология или наука о формах».⁸

Говоря о двояком членении языка, И.А.Бодуэн де Куртенэ уже в «Некоторых отделах сравнительной грамматики славянских языков» (1881) подчеркивает, что при антропофоническом членении язык делится на антропофонические слова, эти - на антропофонические слоги, слоги же - на звуки, а при фонетическо-морфологическом (семасиологическом и синтаксическом) членении речевой акт делится на предложения и смысловые фразы, предложение - на значимые слова, слова же - на слоги или на морфемы»⁹.

Таким образом, приоритет в создании науки под названием морфологии и в введении термина морфемы в лингвистику принадлежит именно И.А.Бодуэну де Куртенэ. Поэтому попытка некоторых западных лингвистов приписать приоритет Г.Свиту или кому-нибудь другому является лишь нигилизмом.⁺

В одной из своих работ И.А.Бодуэн де Куртенэ дал морфеме следующее определение: «...понимаемые слова, все равно, как части ли предложения, или же совершенно независимо от предложения, с одной стороны, являются тоже непрерывным рядом представляемого произносимым и слышимым, с другой же стороны, они состоят из морфологически и семасиологически неделимых единиц, которые мы называем **морфемами**».¹⁰

Понятие нулевой морфемы тоже принадлежит И.А. Бодуэну де Куртенэ. В вышеназванной работе нулевую морфему он дефиницирует так: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непременно тоже **морфемы «нулевые»**, т.е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями».¹¹ В качестве примера он приводит /dom-ø/ «дом», /stol-ø/ «стол», /prut-ø/ «пруд», /kraj-ø/ «край» и т.д., где ø символизирует собою морфему «нуль».

Таким образом, можно со всей решительностью утверждать, что основоположником современной теории морфемы был И.А.Бодуэну де Куртенэ. Известный лингвист современности Ю.С.Маслов расширяет диапазон определения морфемы. Мы будем в дальнейшем употреблять термин морфемы именно в понимании этого ученого, т.е морфема – это минимальная, двусторонняя единица, в ней конкретный экспонент связан с тем или иным значением, является его носителем, которая ни в плане выражения и ни в плане содержания не делится на более мелкие или себе подобные единицы.¹² Например, в азербайджанском языке в слове /daʃ+liq/ “daşlı” (каменистый) имеется две морфемы: /daʃ/ (камень) и /li/ (суффикс обозначения места).

В постбодуэновский период морфология сильно развивалась. Например, анализ солидных лингвистических трудов за время от 1925-го по 1956 год показывает, что из 25 работ одна треть посвящена морфологии (8), почти половина-фонологии (12), только 5 работ посвящен синтаксису.¹³

В современной лингвистике, наряду с морфологией, употребляют также «морфемика» или «морфематика». Согласно американской лингвистике грамматика состоит из морфемики, морфемных последовательностей и морфологии, т.е. из раздела, который изучает место морфем в синтаксических структурах. Другими словами, морфема, с одной стороны, берется как базисный элемент словообразования (деривации) и словоизменения (реляции), с другой, как структурный элемент предложения.

Иногда порядок слов и интонацию также относят к морфологии. Естественно, что порядок слов в предложении зависит от множества факторов: намерения говорящего, коммуникативной установки, пропозиции и пресуппозиции, семантической солидарности и конситуации. В целом же в языке для выражения грамматических значений существует целый ряд средств: аффиксы, префиксы и суффиксы, внутренняя флексия, соединение, вспомогательные слова, порядок слов, ударение, интонация и супплетивизм.

12.2. Сегментация и идентификация морфем. Вопрос о сегментации и идентификации морфем был очень актуальным в таксономической лингвистике. Возьмем, к примеру, русские слова /dom/ «дом», /dom+ik/ «домик», /dom+a/ (дома) и их азербайджанские эквиваленты /ev/ «ev» (дом), /ev+džik/ «evcik» (домик) и /ev+lər/ «evlər» (дома). Противопоставляя эти примеры, можно сразу заключить, что есть такие формы, которые полностью совпадают с отдельными словами. Это - /dom/ и /ev/. В обоих языках они имеют один и тот же денотат и выражены соответственно одинаковой фонемной последовательностью: - /d+o+m/ и /e+v/. Как видно, их членение на фонемном уровне допустимо, но на морфемном уровне далее не разложимы на себеподобные элементы. А в словоформах /dom+ik/, /dom+a/ и /ev+džik/, /ev+lər/ мы находим новые элементы, которые образованы от простых одноморфемных слов при помощи словообразовательного суффиксов /-ik/, /-džik/ и словоизмени-

тельных суффиксов /-a/, /-ləg/. В обоих языках как те, так и другие суффиксы выполняют одинаковые функции. В первых случаях мы образовали слова, которые обозначают маленький дом. Во втором случае мы образовали грамматическую форму множественного числа. Теперь если возьмем английские слова /ˈti:tʃ+ə/ «teacher» (учитель) и /ˈwo:tə/ «water» (вода), то легко убедимся в том, что первое допускает членение, а именно на /ti:tʃ/ «teach» (учить) и /-ə/ «er», в то время как второе не допускает внутреннего членения. Во всех трех языках /dom/, /ev/ и /ti:tʃ/ выделяются не только благодаря своей семантике, но и благодаря своему экспоненту. Эти морфемы называют **свободными** и противопоставляют /-ik/, /dʒik/ и /-ə/ как **зависимым морфемам**. Как свободные, так и зависимые морфемы повторяются во множестве словоформ с одинаковым значением и экспонентом. Свободные морфемы вместе с грамматическими морфемами образуют лексемы с самостоятельным значением. Например, /dom+ik/, /dom+a/, /ev+dʒik/, /ev+ləg/, /ˈti:tʃ+ə/ и т.д. Английское слово /ˈwo:tə/ является то же лексемой, хотя ее морфемное членение невозможно. Именно поэтому /ˈwo:tə/ можно называть лексической морфемой. Имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения и числительные являются **лексическими морфемами**. Добавляя к ним новые морфемы, можно образовать новые слова, поэтому они образуют открытый класс слов. Ср.: азерб. /süt/ “süd” (молоко), /süd+lü/ “südlü” (молочный), англ. /ri:d/ “read” (читать), /ˈri:d+ɪŋ/ “reading” (чтение) и т.д. В отличие от этих так называемые вспомогательные слова – предлоги, союзы, артикль и частица можно назвать **функциональными морфемами**, так как их наращение прибавлением других морфем невозможно. Поэтому их называют словами закрытого класса. Азербайджанские морфемы /və/ (и), /ki/ (что) и т.д. всегда остаются без изменения. То же самое можно сказать о служебных словах в других языках. Ср.: нем. /ˈunt/ «und» (и), /na.x/ «nach» (после, за), англ.

/if/ «if» (если), / éz/ «as» (в то время как), рус. / i/ «и», / no/ «но» и т.д. Если лексические морфемы в количественном отношении больше, чем грамматические, но по частоте употребления последние значительно превышают лексические морфемы. Лексические морфемы не ограничены, они образуют открытую систему. Напротив, грамматические морфемы финитны и имеют закрытую систему.

При этом каждое конкретное проявление морфемы в речевом потоке можно назвать **вариантами** или **алломорфами** данной морфемы. Например, /dom/ «дом» в словах /^ˈdom+ik/ «домик», /^ˈdom+a/ (дома), /iz ˈdom+Λ/ (из дома), /d ˈmoj/ (домой) выступает в плане выражения по-разному, его экспоненты отличаются друг от друга, имея в своем составе как ударный гласный /o/, так и безударный гласный /Λ/. Алломорфы одной морфемы объединяются в одну морфему благодаря семантическому и экспонентному тождеству. Иногда трудно идентифицировать морфемное тождество. Это происходит тогда, когда имеет место различие либо в экспонентном, либо в семантическом отношении. Например, в английском языке /mæn/ «man» (мужчина) и /men/ «men» (мужчины), в азербайджанском языке /lar/ «-lar» (окончание множ.числа) /-ləg/ «ləg» (окончание мн.числа), в немецком языке /-e, -en, -er, -0, - Umlaut, -s/ (окончания мн.числа /tiʃ-ˈtiʃə/ «Tisch-Tische» (стол-столы), /frao-ˈfraoən/ «Frau-Frauen» (женщина-женщины), /kint-ˈkindər/ "Kind-Kinder" (ребенок - дети), /le: rər- ˈle: rər/ «Lehrer-Lehrer» (учитель-учителя), /ˈfa:tər-ˈfe:tər/ «Vater -Väter» (отец-отцы), /fo:to.-ˈfo:tos/ «Foto-Fotos» (фото-фотографии) имеют разные экспоненты, но их идентификация базируется на семантическом единстве. Экспоненты морфем могут быть разными.

Сегментация морфем практически осуществляется следующим образом:

1. Лексема выступает в языке как морфема, т.е. граница лексемы совпадает с границей морфемы. Ср.: азерб. /o/ «o»

(он), /sən/ «сән» (ты), /axʃam/ «axşam» (вечер); англ. /hi/ «he» (он), /ʌp/ «up» (верх); нем. /dɔrt/ «dort» (там), /ʊnt/ «und» (и), /balt/ «bald» (скоро); рус. /vot/ «вот», /nadʌ/ «надо», /utrʌ/ «утро» и т.д.

2. При любом сочетании морфема выделяется благодаря морфемной границе. Ср.: англ. /ˈwɜ:kə/ «worker» (рабочий), /ˈti:tʃə/ «teacher» (учитель); нем. /ˈle:r +ə R/ «Lehrer» (учитель), /bə + ˈra:t + ə R/ «Berater» (советник); рус. /utʃitˈelʲ/ «учитель», /slʌˈet + nˈik/ «советник»; азерб. /dil + ˈtʃi/ «dilçi» (языковед), /jaɣ + ˈlɪ/ «yağlı» (масленный) и т.д.

3. Некоторые единицы с точки зрения диахронии не подлежат членению. Ср.: англ. /ˈkrænb(ə)ri/ «cranberry» (клюква), /ˈrɑ:sb(ə)ri/ «rasberry» (молина), /ˈkreɪfɪʃ/ «crayfish» (речной рак), /ˈvɔɪdʒ/ «voyage» (морское путешествие); нем. /ˈhim,be:rə/ (молина), /ˈ>e:rt,be:rə/ «Erdbeere» (земляника), /ˈbrɔm,be:rə/ «Brombeere» (ежевика), азерб. /balɔɖɪrˈɣan/ «balɔɖırğan», /bɔjürˈtikən/ «böyürtikən» (ежевика), рус. /bujeˈnʲinʌ/ «буженина» и т.д. Ввиду того, что они не подлежат дальнейшему членению, такие морфемы называют **уникальными**. Азербайджанское слово /jekəˈrəɟ/ (неуклюжий), так же как английские слова /ˈtelɪgrɑ:f/ (телеграф), /ˈtelɪskɔp/ (телескоп), /ˈtelɪfəʊn/ (телефон) и т.д. чисто синхроническим подходом членить невозможно.

Когда мы говорим о невозможности дальнейшего членения, тем самым вовсе не утверждается, что морфема не изменится вообще. Английская морфема /mæn/ (мужчина) переходит в /men/ (мужчины) чередованием корневого гласного. Но из этого вовсе не следует, что /mæn/ членится на морфемы, хотя в результате чередования мы получаем новое грамматическое значение.

Идентификация морфем осуществляется методом коммутации, суть которого заключается в том, что если элемент плана выражения при замене другим элементом приводит к замене элемента плана содержания, можно сказать, что между планом

выражения морфемы и ее планом содержания существует, как это утверждает Э.Косериу, солидность, а метод этот со времен Л.Ельмслева принято называть методом коммутации.¹⁴ Например, в азербайджанском языке /baʃ/ «baş» (голова) - /daʃ/ «daş» (камень) -/jaʃ/ «yaş» (возраст) -/gaʃ/ «qaş» (бровь) и т.д.

Морфемы с одинаковым экспонентом могут быть как корневыми, так и аффиксальными. В немецком языке «er» может быть местоимением и одновременно словообразовательным и словоизменяющим суффиксом. Ср.: />e.r zu:xt/ «Er sucht» (он ищет), но /ˈzi:g+ər/ «Sieger» (победитель) и /ˈbild+ər/ «Bilder» (рисунки), азерб. /sən/ (ты) и /sən gəlir+sən/ (ты идешь) и т.д. Здесь можно говорить об омонимичных морфемах.

В азербайджанском языке деривационные и реляционные морфемы подчиняются корневым морфемам по закону сингармонизма. Здесь наблюдается три случая: а) если в корневой морфеме реализованы темные гласные, т.е. один из гласных /a/, /o/, /u/ и /ɨ/, то в суффиксах соответственно будет реализовываться один из них. Ср.: /at /ˈʔatʔ/ (лошадь) -/at+ɨʔ/ʔatiʔ/ (его лошадь) -/at+larʔ/ʔatlarʔ/ (лошади) и т.д.; б) если в корневой морфеме реализованы светлые гласные, т.е. один из гласных /ə/, /e/, /ö/, /i/ и /ü/, то в суффиксах соответственно будет реализовываться один из них. Ср.: /ət/ «ət» (мясо) - /ət+siz/ «ət+siz» (без мяса), /iz/ «iz» (след) - /iz+siz / «izsiz» (бесследно), /höz/ «göz» (глаз) - /höz+süz/ «gözsüz» (безглазый), /hön / «gön» (шкура) -/hön+ü/ «gönü» (его шкура), /diʃ/ «diş» (зуб) - /diʃ+siz/ «dişsiz» (беззубый), /hül/ «gül» (цветок) - /gül+lü/ (цветочный) и т.д.

в) если в корневой морфеме реализованы губные гласные, т.е. один из гласных /o/, /u /, /ö/ и / ü /, то в суффиксах будет реализовываться один из /u/ и /ü/. Ср.: /goz/ «qoz» (орех) -/goz+u/ «qozu» (его орех), /giz/ «qiz» (девушка) - /giz+ü/ «qızı» (его девушка), /düz/ «düz» (верный) - /düz+ü/ «düzü» (ровное) и т.д. Есть однако исключение, которое можно объяснить заимствованием окончания фамилии из русского языка. Если

азербайджанское имя оканчивается на гласный, то суффиксальная морфема будет содержать всегда гласный /e/. А если оно оканчивается на согласный, то гласный всегда будет /o/. Ср.: /aḥ`a+jev/, /əl`i+jev/, /r`za+jev/, /or`udž+ov/, /vej`səl+ov/, /ga`sim+ov/ и т.д. Более того, эти суффиксы перебрасывает ударение на предшествующий слог.

Подытоживая вопрос о том, как все-таки выделяется морфема, мы можем сказать следующее: в любом случае морфема имеет свой стабильный экспонент и стабильную семантику. В словоформах /diz/, /diz+ə/, /diz+i/ и т.д. отождествляем /diz/ как таковое, которая повторяется со своим экспонентом и значением во всех формах. Если мы употребляем /diz/ в предложениях, как /diz+`im aytijir/ (у меня болит колена) и /diz+im məni tʃox indžidir/ (колена меня очень беспокоит), то легко убедимся в том, что одна и та же фонемная последовательность выражает один и тот же денотат- член человеческого тела.

При этом формальное и семантическое тождества наблюдаются не только в свободных морфемах, но и в функциональных морфемах. Например, в азербайджанском языке /- tʃi/ в четырех вариантах образуют существительные со значением исполнителя действия. Ср.: /araba+ tʃi/ «arabaçı» (файтонщик), /tʃəkmə+tʃi/ «çəkməçi» (чиститель), /fajton+ tʃu/ «faytonçu» (файтонщик), /gül+tʃü/ «gülçü» (цветочник) и т.д. Однако с этим суффиксом можно образовать слова, которые могут выступать в предложении в роли атрибута. Ср.: /o əlatʃi `oylan/ mənim gop`jumdur/ (Тот отличник мальчик мой сосед).

Мы выше видели, что при семантическом тождестве происходят изменения в экспоненте морфемы, если эти изменения в азербайджанском языке обусловлены т.н. зондергласным, то в немецком, русском и английском языках эти факторы абсолютно не при чем. Так, например, суффикс множественного числа не подлежит такому изменению. Ср.:

азерб. /dərə+`lær/ «dərəlær» (долины)	рус. /dʌl'in+i/ «долины»	нем. /ˈta:gə/ (дни)	анг. /deɪ+s/ (дни)
/sürü+`lær/ «sürülær» (стады)	/ˈmuzɪk' +i/ «музыки»	/ˈRe:d+əR / (колеса)	/men/ (мужчины)
/gız+`lar/ «qızlar» (девочки)	/ruk' +i / «руки»	/li:d+əR/ (песни)	/kæt+s/ (кошки)
/guzu+`lar/ «guzular» (барашки)	/st'en+i/ (стены)	/fe:təR/ (отцы)	/bæg+z/ (сумки)
/ada+`lar/ «adalar» (островы)	/sʌ`rotʃk' +i/ (сарочки)	/le:Rə R/ (учителя)	/sit+iz/ (города)
/od+`lar/ «odlar» (огни)	/ʌgn' +i/ (огни)	/klʌp+s/ (клубы)	/tʃɪldrən/ (дети)
/bel+lær/ «bellær» (спины)	/ˈgɒlʌv+i/ (головы)	/fRəo+ən/ (женщины)	/maɪs/ (мыши)
/diʃ+`lær/ «dişlær»(зубы)	/ˈzʊbɪ/(зубы)	/ˈta:t+ən/ (дела)	/klʌb+s/ (клубы)
/göz+`lær/ «gözlær» (глазы)	/kn'ig' +i/ (книги)	/ˈfiʃ+ə/ (рыбы)	/oks+ən/ (быка) и т.д.

Анализ приведенных слов показывает, что в азербайджанском языке имеется два алломорфа со значением множественного числа, которые чередуются в зависимости от качества гласного корневой морфемы. В этом языке есть еще окончание собирательности: /lax/lɪx/. Ср.: /ot+lax/ (пастбище), /daʃ+lɪx/ (каменистость). Таким образом, в азербайджанском языке для обозначения множественного числа существуют алломорфы /lær/lar /lax/lɪx/. В других языках такой закон не существует. У них для выражения одного грамматического значения

существует несколько функциональные морфемы. В таких случаях можем говорить о суффиксах –синонимах. Такое имеет место в германских языках, где наряду с внутренней флексией может участвовать также и внешняя флексия. Например, в английском языке /tʃaɪld - tʃɪldrən/. Но бывают еще случаи, когда две морфемы служат выражению одного грамматического значения.

Например, в английском языке /ʃəʊ+ʃəʊn-ʃəʊd/ «show-shown-showd» (показ-показал). Такие морфемы называют **дублетами**.

В немецком языке широко используются как внутренняя, так и внешняя флексии. Например, в /hant/ «Hand» (рука) → /hændə/ “Hände“ (руки) кроме чередования гласных /a/ в /ɛ/ наблюдаются еще другие изменения. По орфофоническим правилам немецкого языка в абсолютном конце слов и морфем недопустимы звонкие согласные. Поэтому в единственной форме в конце реализуется глухой согласный /t/. А под влиянием суффикса множественного числа /ə/ происходит чередование /a/ в /ɛ/. Как только позиция конца, устраняется, происходит автоматическая альтернатива от /t/ в /d/.

В системе языка парадигматически единственное и множественное числа противостоят друг другу и по требованию нормы члены этой оппозиции реализуются, причем происходит изменение не только в семантическом, но и экспонентном отношении. Есть алломорфы, которые звучат по-разному, но выполняют одинаковую функцию, так же как и есть алломорфы, которые звучат одинаково, но выполняют разные функции. Первые принято называть **морфемами-синонимами**, а вторые – **морфемами-омонимами**. По мнению Ю.С.Маслова, внутренняя флексия служит средством минимального различия морфемы в фонетическо-семантическом отношении, и потому такое средство он называет **морфемой операции**. В английском языке /fut/ «foot» (нога) и /fi:t/ «feet» (ноги) могут быть отнесены к морфемам операции. Известный американский лингвист Э.Найда полагает, что в /fi:t/ есть три морфемы: 1)корневая морфема; 2) переход /u/ в /i / и 3) нулевая морфема.¹⁵

12.3. Структурные типы морфем. Исходя из отношений между корневыми и аффиксальным морфемами можем выделить следующие 4 структурные типы:

1. Корневая и аффиксальная морфемы не изменяются ни в экспонентном и ни в семантическом отношении. Ср.:

анг. /kæɪt+s/ (кошки), нем. /fʁy:+lɪŋ/ (весна), азерб. /daɪ+`li/ (каменистый) и т.д.

2. Неизменяемая корневая морфема + нулевая морфема. Ср.: /ʃi:p/ (корабль), /u:fəʁ/ (берег), /kot/ (кот), /baɪ/ (голова) и т.д.

3. Изменяемая корневая морфема + суффикс. Ср.:анг. //tʃaɪld-`tʃɪldrən/, нем. /bu:x-`by:çəʁ/, азерб. /get-ged+ir/ и т.д. .

4. Изменяемая корневая морфема + нулевая морфема. Ср.: анг. /fut/ «foot» (нога) и /fi:t/ «feet» (ноги), рус. /n`esti-n`os/ «нес-ти-нес», нем. /fa:tər-fe:tər/ (отец-отцы), азерб. /uzun-uzan/ (длинный-лежи) и т.д.

Омофоны с различным значением могут быть рассмотрены как разные морфемы. Ср.:

анг. /rɛə/-1) «rear» (груша), 2) «rare» (обрезать срезать, чистить), 3) «pair» (пара, чета); нем. /`vaezə/-1) «der Waise» (сирота); 2) «der Weise» (мудрец) и т.д..

Омофоны в относительном значении могут быть рассмотрены как простые морфемы, если их класс стоит параллельно дистрибутивному различию, но если они по дистрибутивному различию не стоят параллельно, то образуют многогранные морфемы. В качестве примера можно привести английский «run». Ср.: (They) /ɾɒn/ (они бегут) и (Their) /ɾɒn/ (их бег). Здесь речь идет, конечно, о конвергенции, т. е. морфема переходит из одного разряда в другой, причем это определяется ее дистрибуцией.

12.4. Классификация морфем. Мы выше говорили о морфемах, их разновидностях - алломорфах и о функциях морфемы. В этом разделе речь пойдёт о типах морфем языка. При фронтальной классификации морфем приходится различать **сегментные и суперсегментные морфемы**. Первые характе-

ризуются позицией в потоке речи, в то время как вторые лишены этой особенности. По своей позиции на синтагматической оси сегментные морфемы в свою очередь подразделяются на **корневые и некорневые или аффиксальные морфемы**.

В качестве корневых морфем можно привести морфемы, которые употребляются самостоятельно и которые расширяются на правую и на левую стороны. В английском языке /dres/ "dres" (одевать) в отличие от \wedge лп,dres/ "undres" (раздевать) мы имеем одну морфему, причем корневую. А в \wedge лп,dres/ уже две морфемы, одна из них, как указывалось выше, корневая, а вторая, а именно /лп/ является префиксальной морфемой, она добавлена к началу /dres/ и образовала новую лексему с другим значением. Теперь мы можем образовать от нового глагола прошедшее время, тогда получим следующую структуру: \wedge лп+,dres+d/ "undressed". Словоизменяющая морфема образовала из основы новую грамматическую форму. В современной лингвистике корневая морфема отличается от префиксальной и суффиксальной морфем. Однако нужно еще различать основу и те морфемы, которые близки к аффиксальным морфемам. Например, в /mænhud/ "manhood" (мужественность) и /mænli/ (мужественный, отважный) /mæn/ остается как корневая морфема. В \wedge frent|mæn/ (француз) она сохраняет свой статус, так как есть еще слово /frent|vumæn/ (француженка). Но в словах \wedge proust, mæn/ /si:mæn/ (почтальон, моряк) /mæn/ теряет свою самостоятельность значительно, так как нет слов с компонентом /vumæn/. Они выступают как словообразовательные морфемы.

Таким образом, основа составляет ту часть лексемы, которая входит в парадигму словообразования. Она как бы является подвижным элементом и становится неотъемлемой частью словообразования и словоизменения. В азербайджанском слове /jaz+`1/ (письмо) /jaz/ (пиши) выступает как корневая морфема, а /1/-суффиксальная. /jaz+`1/ лежит в основе создания нового слова, а именно /jaz+1+`tʃ1/ «yazıçı» (писатель) при помощи суффиксальной морфемы /- tʃ1/, которая в свою очередь выступает

как основа для образования новой лексемы, а именно /jaz+1+tʃi+`lix/ «yazıçılıq» (писательство).

Некорневые или аффиксальные морфемы по отношению к корневым подразделяются на префиксальные и суффиксальные морфемы. При этом те морфемы, которые занимают препозицию, называются препозитивными. Сюда относятся артикли и предлоги в германских языках. Суффиксальные морфемы в индоевропейских языках и послелогои в тюркских языках занимают в основном постпозиции. Ср.:

рус.	нем.	анг.	азерб.
/nat`stroj/	/`>an,ne:mən/	/`ʌn,dres/	/bixə`bər/
(надстрой)	(принимать)	(раздевать)	(неинформированный.)
/nad`režu/	/`>an,tre:tən/	/inklʉ:siv/	/anor`mal/
(надрезу)	(заступить)	(включая)	(анормальный)
/nʌ`dorvʌn/	/`>anɛr,kɛnən/	/im`pɔsbl/	/nain`saf/
(надорван)	(признавать)	(невозможно)	(бессовестный)
/nʌ`darvu/	/`>an,ze:ən/	/in`tɔl(ə)rɛbl/	/antikomu`nist/.
(надарву)	(посмотреть)	(нетерпимый)	(антикоммунист)

Отметим, что в исконно азербайджанских словах нет префикса, префикс встречается только в заимствованиях из персидского, русского и европейских языков через русский язык. В германских языках, в частности в немецком языке, мы имеем **дистантные** и **амалгамированные** морфемы. В немецком языке форма партиципа II образуется при помощи /ge - t/ или /ge - n/. /fra:g+en→`fra:k+tə → hat ge+`frak+t / (спросить→ спросил→ спрашивал); /`ge:b+ən→`ga:p→hat `gə+ge:b+ən/(дать→ дал→ давал); /`ge:ən→`giŋ→ ist gə+`gaŋ+ən/ (идти→ шел→ ходил) и т.д. В лингвистической литературе их иногда называют также **конфиксами** (вместе соединенные) или **циркумфиксами (обедняющий вокруг себя)**. В отличие от дистантных морфем у амалгамированных морфем происходит фузия, причем артикль редуцируется и присоединяется к префиксальной морфеме. В

результате этого получаются двухморфемные единицы. Ср.: /an+das→an+s/ (к чему/кому либо), /an+dem→am/(у чего/кого либо), /zu+der→zur/ и т.д.

Среди сегментных морфем особое место занимают словообразовательные и словоизменительные морфемы. Но прежде расскажем о таких сегментных морфемах как **префиксы, суффиксы, постфиксы, инфиксы, интерфиксы и трансфиксы**. Эти морфемы зависят от занимаемой ими позиции в потоке речи. Из 210 аффиксальных морфем азербайджанского языка все приходится на постфиксы, т.е. они употребляются после корневой морфемы. В русском языке /- s'a/ (ся), /-to/(то), /-libo/ (либо) являются постфиксами. Ср.: /'smil s'ʌ/(смысла), /kto-t ʌ/ (кто-то), /kto-libʌ/ (кто-либо) и т.д.

Из функциональных морфем особо следует отметить интерфиксальные морфемы, которые выполняют соединительные функции. В немецком языке /s/ или в русском языке /a/ и /e / являются интерфиксами. Ср.: нем. />arbaet+s+gə,ʃɛft/ «Arbeits-geschäft» (рабочее дело), рус. /lisʌ`rup/ (лесоруб), /buri`lom/ (бурелом)+ и т.д. В последнее время под интерфиксом подразумевают формально-структурные и формально – разделительные морфемы. В азербайджанском языке, например, /al+ɪr+a+m/ «aliram» (покупаю), /gəl+ir+ə+m/ (иду), /al+d+i+m/ (купил) и /gəl+d+i+m/ (пришел) и т.д.

Гласные последних слогов называют интерфиксами. То же самое можно сказать относительно гласных последних слогов следующих русских слов. /'v1+rutʃ+i+t'/ (выручить), /'tez+a+t'/ (резать)¹ и т.д.

В тех случаях, когда какой-то элемент вклинивается в корень и разлагает его, такой элемент Ю.С.Маслов предлагает называть инфиксом. В качестве примера можно привести, латинский, немецкий, английский и другие языки. Ср.:

латин. яз.	нем. яз.	анг. яз.
/fidi/ (делил на куски: перфект);	/ʃtant/”stand” (стоял в Īmp.);	/stud/ (стоял:p.p.)
Но:/findo/ (наст.вр.);	/ʃte:ən/ (Īnf.и наст.вр.);	/stænd/ (наст.вр.)

Такие инфиксы встречаются как в европейских (старогреческий, латинский, литовский языки), так и в других языках (тагальский язык на Филиппинских островах).¹⁷

Трансфиксы часто встречаются в арабском языке. Например, в /b..j..t/ добавляем /a/, получаем слово /bajat/ (дом). Но когда добавляем /u/, получаем /bujut/ (дома).

При анализе морфем языка необходимо обратить внимание на изменения в их фонемном составе и просодической организации. В немецком языке, например, под воздействием суффиксальной морфемы корневая морфема претерпевает изменения. Они сводятся к следующему:

1./a/ → /ε/. Ср.: /man –mεnər/ “Mann-Männer” (мужчина-мужчины),

2./ɔ/ → /œ/. Ср.: /tɔxter-tœçtər/ “Tochter-Töchter” (дочь-дочери)

3./o:/ → /ó:/. Ср.: /lo:n-ló:nə/ “Lohn-Löhne” (зарплата-зарплаты)

4./ʊ/ → /ʏ/. Ср.: /mʊtər-mʏtər/ “Mutter-Mütter” (мать-матери)

5./u:/ → /ÿ:/. Ср.: /bu:x- bÿ:xər/ “Buch-Bücher” (книга-книги)

6./a:/ → /e:/. Ср.: /fa:tər-fe:tər/ “Vater-Väter” (отец-отцы).

В этих примерах умлаут выступает как неотъемлемая часть морфемного экспонента. В 1, 2 и 3 умлаутизацию обуславливает суффиксальная морфема /-e, -er/, а в остальных изменение корневого гласного вызывает окончание множественного числа.

С общетеоретической точки зрения интересно то, что в тюркских и фино-угорских языках наблюдается обратный процесс, т. е. под воздействием корневого гласного подбирается гласный суффиксальной морфемы. Ср.: в азерб. языке /daʃ+lar/ (камень-камни), /əl+lər/ (рука-руки) и т.д.

Во французском языке в артиклях /le, la, les/ /l/ является корнем, обозначающим определенность. Но /-oe, -a, -e/ или /-ez/ перед гласным обозначает род и количество. Здесь корень не имеет самостоятельного значения, но он-носитель семантического ядра и остается для всех форм одинаковым. Аналогичное имеет место в русском /bud+u/ (буду) и английском /tu du/ «to do» (быть)

12.5. Нулевая и оперативные морфемы. Выше говорилось о нулевой морфеме (см. 12.1.). Когда в противопоставлении маркированный член противостоит такому члену, у которого нет формального признака, тот нулевой признак оказывается лингвистически значимым, поскольку этот нулевой признак позволяет идентифицировать оппозицию. Но здесь надо быть последовательным. Если возьмем /tam/ (там) и /dom/ (дом), то легко убедимся в том, что нуль в первом примере никакого грамматического значения не имеет. А в примере /dom/ сразу видно, что отсутствие в нем формального признака грамматически значимо. Ср.:

/tam/

/dom+ ø/ (дом) – /dɒm+a/ (дома)

В функциональном отношении ø является носителем информации о единственном числе или именительном/ винительном падеже. В азербайджанском языке есть четыре формальных показателя множественности: /-lar, -lər, -lax, -lɨx/. Ср.:

/baʃ+ ø/ “baş” (голова)- /baʃ+lar/ “başlar” (головы)

/əl+ ø/ “əl” (рука) - /əl+lər/ “əllər” (руки)

/daʃ+ ø/ “daş” (камень) -/daʃ+lɨx/ “daşlıq” (каменистый)

/gum+ ø/ “qum” (песок) -/qum+lax/ “qumlaq” (песочная)

Суть нулевой морфемы в ее отсутствии. Это на первый взгляд противоречит сущности понятия морфемы. Это также противоречит знаковости языка. На самом деле мы можем сказать, что в русском /dom/ нет формального, приозносимого (слышимого) показателя именительного/винительного падежей, а также показателя единственного числа. Однако, несмотря на это мы воспринимаем их как таковые. В русском языке в словах /m'et`ro/, /pɫ'`to/ и т.д. тоже нет показателей падежа и числа. Тем не менее мы их формы узнаем не благодаря парадигматической оппозиции, а синтагматической связи. Ср.:

^novɫje met`ro/ (новое метро), ^novɫje pɫ'`to/ (новое пальто) и т.д.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в системе языка не всегда наличествует симметрия, иногда асимметрия позволяет выявить некоторые скрытые особенности. Нулевая морфема характерна, в основном, лексическим морфемам. В эллиптических фразах часто опускается то или иное слово. Следует ли принимать их за нулевую морфему? Например, бармен обращается к клиенту с вопросом: «Вам с сахаром или без?» Из контекста вытекает, что имеется в виду. Однако, нулевая ли здесь единица? Ответить на этот вопрос не так легко.

Среди морфем особое место занимают **оперативные морфемы**. Оперативные морфемы вызывают изменения в корневых морфемах, на которые первые наслаиваются.

Выше были рассмотрены некоторые из них (см. XII.3.). Ниже будем останавливаться еще на некоторых из них:

1. Чередуване фонем в отдельной части морфем служит образованию новых слов. Ср.:

/star/ (стар) → /star'/ (старь)

/zelen/ (зелень) → /zelen'/ (зелень)

/gol/ (гол) → /gol'/ (голь)

Левая сторона противопоставления содержит твердые согласные /r/, /n/, /l/, которые, чередуясь с соответствующими мягкими согласными /r'/, /n'/, /l'/ водят слова из одного разряда

в другой разряд слов. Значит, твердые согласные являются показателями прилагательных, а мягкие – существительных. Аналогичное явления имеются в английском языке, которые известны в германистике как конвергенция. Ср.:

/haus/ “hause” (дом) → /hauz/ “hause” (обеспечивать жильем)

/iks`tent/ “extent” (срок, градус) → /iks`tend/ “extend” (продлевать, тянуть)

2. Чередование фонем в корневой морфеме может быть показателем множественного числа, мы увидели выше. В следующих примерах мы видим это на материале английского языка. Ср.: /tu:θ/ “tooth” → /ti:θ/ “teeth” (зуб-зубы), /maus/ “mouse” → /mais/ “mice” (мышь-мыши) и т.д.

Как показывают примеры, отдельные дифференциальные признаки (твердость/мягкость, открытость/закрытость, долгота/краткость, участие губ) могут быть показателями грамматических значений. Аблаут в германских языках может служить выражением различных временных форм и образования новых слов сильных глаголов. Ср.:

нем. /`bindən/ “binden” (связать) - /bant/ “band” (связал)- /gəbʊndən/ “gebunden” (Parizip II); /bində/ “(die) Binde” (связь), /bant/ “(der/das) Band” (лент, том), /bunt/ “(das) Bund” (союз) и т.д.

анг. /siŋ/”sing” (петь)- /səŋ/”sang” (спел)- /saŋ / “sang” (спетый) - /sɔŋ / (песня) и т.д.

3. Иногда новая форма образуется выбрасыванием части слова. например, во французском языке мужской род образуется из женского рода за счет выбрасывания последнего элемента. Поэтому эти морфемы называют отрицательными или морфемой с вычетом. Ср.:

/lo:g/ “longue” (длинная)- /lo:/ “long” (длинный);

/dus/ “douce” (сладкая) - /du/ “doux” (сладкий) и т.д.

Из этих примеров вытекает, что /l/ и /s/ относятся к корневой морфеме. Об этом свидетельствуют словообразование с

участием этих слов. Ср.: /lo:gör/ “longueur” (длина) и /lo:ma/ “longuement” (продолжительный).

К надсегментным (суперсегментным или оперативным) морфемам можно отнести также ударение и движение тона в тех языках, в которых они служат образованию новых грамматических форм. Их можно сгруппировать так:

1. В английском языке ударение стоит на втором слоге, тогда слово будет глаголом. Но если оно стоит на первом слоге, значит, слово существительное. Ср.:

/proug`res/ (развиваться) и /`prougres/ (развитие)

/im`port/ (импортировать) и /`import/ (импорт) и т.д.

В русском языке совершенный и несовершенный виды отличаются также переносом ударения. Ср.: сов. в. /нл г`ezлt'/ (нарезать) и несов. вид /нл г`ez`at'/ (нарезать). Здесь гласный суффикса совершенного вида /a/ в личных формах всегда является ударным. Ср.: ./нл г`ežu/: ./нл г`ez`aju/. В китайском языке /rei/ означает «спина», а /reī/- на спине.

2. Противопоставление единственного числа множественному числу в русском языке осуществляется переносом ударения. Ср.: ./нл г`ežu/: ./нл г`ez`aju/. В китайском языке /rei/ означает «спина», а /reī/- на спине. Если ударение и движение тона связаны с морфемами, то интонация и аранжировка слов выходят за пределы слова.

ед. число	мн. число
/`mor`e/ (море)	/мл`r`a/ (моря)
/`pol`e/ (поле)	/рл`a/ (поля)
/b`e`da/ (беда)	/`b`edi/ (беды) и т.д.

В этих словах наряду с переносом ударения происходит также изменения в их фонемном составе. А в следующих примерах ударение является единственным средством выражения количественного различия.

/parus/ (паруса), но /parus`a/(паруса)
 /xutʌr/ (хутора), но /xutʌra/ (хутора)
 /lits/ (лица), но /lits`a/ «лица» т.д.

Интересно наблюдать за тональными языками, где грамматические значения выражаются оперативными морфемами-тонами. Например, в языке тлингит (Америка) повышение тона выражает прошедшее, а понижение – будущее время. Ср.:

/hun↑/ (продал), но /hun↓/ (продаст)
 /sin↑/ (скрывал), /sin↓/(скроит)
 /tin↑/ увидел), /tin↓/ (увидит) и т.д.

Конечно, здесь разновидности могут быть разные. Из оперативных морфем следует выделить еще один тип, который называется **редупликативной морфемой**, так как грамматическое значение выражается повторением всего слова или части его. Ср.: в азербайджанском предложении /jaxʃi- jaxʃi oxi /ha/ (Подготовься хорошенько) повторение служит усилению значения. В малайзийском языке повторение выражает множественное число, а в корейском языке - деление. Ср.: /orang/ (человек), а /orang-orang/ (люди), /saram/ (человек), а /saram-saram/ каждый из них) и т.д.

Редупликация, конечно, само по себе очень интересная проблема. Редупликация часто встречается в детском языке, а также в паремиялогических образованиях. Ср.: азерб. /vrin-vrin/ для обозначения автомобиля. В немецком языке /virvar/ „Wirtwar“ (неразбериха), в русском /t`ap-l`ap/ (тяп-ляп), в английском языке /`veri-`veri `gu:d/ (очень-очень хорошо) относятся к редупликации.

Подробное описание этого явления не входит в задачу этой книги. Мы ограничились здесь лишь некоторыми вопросами, связанными с т.н. оперативными морфемами.

12.6. Аналитические и синтетические морфемы. Помимо отмеченных выше типов морфем различаются еще **аналитические** и **синтетические морфемы**. Аналитические

морфемы имеют место тогда, когда для выражения одного грамматического значения используются два средства. Например, в немецком языке для образования из среднего рода множественного числа необходимо учесть два способа: 1) оперативную морфему, выраженную в чередовании корневого гласного; 2) прибавление суффиксальной морфемы /-e /. Ср.: /ra:t → re:dər / "Rad-Räder" (колесо-колеса). Или в русском языке /tʃud'es'a/ (чудеса), /n'eb'e'sa/ (небеса) и т.д.

Аналитические морфемы широко используются в индоевропейских языках при образовании сложных временных форм. Ср.:

нем.	анг.	рус.
/>e.r hat ge`le:zən//	/hi hæz`red//	/on bud'et tʃitat'//
(он прочел)	(он прочел)	(он будет читать)

Аналитические морфемы встречаются также в тюрских языках, которые в целом характеризуются синтетическим строем. Ср.: /ʌsən ʃəlirsən? (ты идешь?).

Следует подчеркнуть, что объективная реальность по-разному выражается в языках мира. Суть теории относительности Сепира-Уорфа выражается в этом. Например, то, что азербайджанцы называют /xala/ (сестра матери), /bibi/ (сестра отца) и /dajı/ (брат матери), /əmi/ (брат отца), европейцы, в том числе и русские обозначают одинаково /t'et'ʌ/ (тетя) и /d'ad'ʌ/ (дядя) для сестры и брата отца и матери. Шведы тоже различают бабушку по отцовской (/mormor/) и по материнской линии (/farmor/). В процессе коммуникации европейцы вносят ясность в сказанное, добавляя дополнительную информацию. Например, тетя по отцовской линии и т.п.

В азербайджанском языке морфемы и для словообразования и для словоизменения открыты с правой стороны. Однако, при образовании сложных слов прибавление корневых морфем с левой стороны вполне допустимо. Ср.: /baʃ/ «baş» (голова), но /daz+baʃ/ (лысый), /jekə+baʃ/ (не понимающий) и т.д. А в индоевропейских языках корневые морфемы открыты как с левой,

так и с правой сторон. Например, рус./skл`z+at'/ (сказать)- /рѣтs+skл`z+at'/ (подсказать)- -/рѣт+`skлs+ka (подсказка); нем. /'ʃpɾeç+ən/ (сказать), / fɛr+`ʃpɾeç+ən/ /(обещать), / fɛr+`ʃpɾeç+uŋ / (обещание); англ. / in+`tɔl(ə)r+əbl/ (невыносимый) и т.д.

Морфемы языка можно классифицировать по валентности. Валентность – это способность соединяться с другими морфемами в пределах слова. По этому признаку можно выделить **мультивалентные и унивалентные морфемы**. Мультивалентные морфемы – это те морфемы, которые соединяются с разными корнями. Ср.: азерб. /al+ir/ (покупает), /gəl+ir/ (идет) и т.д. рус. /pr`in`es+u/ (принесу), /v`iž+u/ (вижу), /s`iž+u/ (сiju) и т.д.

Унивалентные морфемы встречаются только в одном слове, они больше нигде не встречаются. В русских словах /p`et+ux/ (петух) и /žep`+ix/ соответственно /ux/ и /ix/ встречаются по-одному разу. В русских словах /bužen`+`in+a/ (буженина), /mal`+in+a/ (малина) и /smл`rod`+in+a/ (смородина) корневые морфемы являются радикаоидами (из латинского radixoid-унивалентный). В английском языке в слове /`tju:zdi/ (вторник), в немецком слове /`naxti.ga.l/ (соловей) соответственно /`tju:z / и /i.ga.l/ являются унивалентными.

12.7. Литература и замечания

+ Эта часть книги содержит краткое изложение содержания нашего труда, вышедшего в 2008 году на азербайджанском языке под названием «Struktur dilçiliyin əsasları. Studia Philologica II. Morfemika, Sintaqmatika», Bakı, 2008.

¹ Г.А. Климов Г.А. Фонема и морфема. М., 1967, стр. 5

² Бернштейн С.И. Рец.: Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М., 1945. «Русский язык в школе». 1946, № 3-4, стр. 83

³ Курилович Е. Аллофоны и алломорфы. «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 47

Терминологическое жонглирование иногда уводит в сторону от сути вопроса. Еще Л.Ельмслев в своей глоссематической теории, обозначив фонему как единицу плана выражения назвал ее лексемой выражения, а морфему как единицу плана содержания лексемой значения. Его единомышленник назвал единицы, т.е. обоих планов морфофонемой.

⁴ Маслов Ю.С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». «Проблемы языкознания. Сб.в честь акад. И.И.Мещанинова», Л., 1961, стр. 140-144

⁵ Климов Г.К.. Указ. Соч., стр. 6

⁶ Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, ч.1, стр. 266

⁷ Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1878.

⁸ Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der germanischen Sprachen. Ruzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Sprachen, des Altindischen (Sanskrit), Altiranischen (Altbaktrischen), Altgriechischen, Altitalischen (Lateinisch, Umbrisch, Oskisch), Altkeltischen (Altirischen), Altslavischen (Altbulgarischen), Litauischen und Altdeutschen (Gotischen). 2 Bände, Weimar, 1861.

⁹ Бодуэн де Куртенэ И.А.. Указ. соч., 1 том, стр. 121

⁺ Ни Г.Свит и ни А.Норен не могут быть признаны первооткрывателями в этой области постольку, поскольку труд И.А.Бодуэн де Куртенэ, где он употреблял этот термин, вышел в свет 10 и 20 лет раньше. Об этом подробно рассказывается в нашей статье, опубликованной в 2003 году. См.: Вейсали (Вейсалов) Ф. Об одном способе описания морфем языка. В сб.: Dilçilik: problemlər, mülahizələr. Bakı, 2003. стр. 141-162

¹⁰ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 2, стр. 249

¹¹ Там же, стр. 282.

¹² Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 2005, стр. 131. Л. Блумфильд определяет морфему как простая языковая форма, лишенная частично фонетическо-семантического сходства с другой формой. Блумфильд Л. Язык. М., 1968, стр.168. Венгерский лингвист В.Скаличка грамматической единицей считает сему, которая представляет собой как форму, так и функцию. Морфема же есть сочетание сем или их появление в отдельности. См.: Скаличка В. О грамматике венгерского языка. М., ПЛК, 1967, стр. 130.

¹³ Joos M. Readings in Linguistics. N.-York, 1957

¹⁴ Coseriu E. Einführung in die allgemeine Linguistik. Tübingen, 1996. См.перевод этой книги автором на азербайджанский язык: Koseriu E. Ümumi dilçiliyə giriş. BSU, Bakı, 2006. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике». М., 1964; Veysəlli F. Struktur dilçiliyin əsasları. Studia Philologica. II, Bakı, 2008, s. 65

¹⁵ Маслов Ю.С. Указ. соч.; Nida E.. Göstərilən əsəri, s. 54; F.Yadigar (Veysəlli) F. German dilçiliyinə giriş. Bakı, 2003, s. 278

+ Мы при описании пользуемся транскрипцией по Международному Фонетическому Алфавиту. Поэтому несмотря на то, что в русских примерах на письме пишутся «о» и «е», они произносятся как /ʌ / и /i /.

¹⁶ Маслов Ю.С. Указ. соч., стр. 145

¹⁷ Там же, стр. 150

12.8. Вопросы по двенадцатой главе

1. Чем занимается морфемика?
2. Кто был первым ученым в мире, который ввел в науку о языке понятие морфемы?
3. Как и каким образом вычленяется морфема из потока речи?

4. Как происходит идентификация морфем?
5. Какие структурные типы морфем можно выделить?
6. В чем суть нулевой морфемы?
7. Как можно определить алломорфы (алломорфемы) одной морфемы?
8. Какие виды морфем принято выделять в языке?
9. Можете ли привести примеры на отдельные виды морфем?
10. Как классифицируются морфемы языка по структуре, позиции и валентности?

ГЛАВА XIII

ЭКСПОНЕНТНОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЯ МОРФЕМ

13.1. Общие замечания. Морфемы языка как двусторонние единицы могут быть описаны как формально, так и семантически. В современной лингвистике морфемы подробно описываются с точки зрения их фонетико-фонологической организации: фонемная последовательность и взаимовлияние фонем друг на друга: по составу фонем, по связи морфем с другими морфемами.¹

Еще Н.С.Трубецкой предложил область, которая изучала бы взаимодействия фонологии и морфологии, называть **морфонологией** или **фономорфологией**. Эта наука, по Н. С. Трубецкому, должна заниматься следующими проблемами:

1. Теория о фонологической структуре морфем;
2. Теория о комбинаторном изменении фонем в морфемах;
3. Теория о чередовании фонем, выполняемом морфологическую функцию в морфемах.²

Последние два пункта получили широкое развитие. Но первый пункт отошел несколько на задний план. Однако, с точки зрения различения морфем этот пункт имеет огромное значение. Этот пункт как раз имеет важное значение для морфологии.

С точки зрения фонемной организации морфемы могут состоять минимум из одной, максимум из нескольких фонем. Однофонемных лексических морфем в языке немного, но функциональных морфем достаточно много. Ср.:

	лексич. однофон. морфемы	функцион. однофон морфемы
анг. яз.	/aɪ/ “Ī”(я)	/-s, -z, -ə/
нем. яз.	/ae/”Ei”	/-s, -ə/
азерб. яз.	/o/ “o”	/-a,-ə,-ı,-i/
рус. яз.	/a/	/-ı,-i, -e,-u/

Анализ, проведенный нами на материале односложных морфем, позволил сгруппировать азербайджанские односложные морфемы так:⁺

Структура слога	фонемный состав	количество морфем
Г	однофонемный	1 морфема: /o/ (он)
ГС	двухфонемный	42 морфемы: /ən, en/
СГ	-----	32 морфемы: /hə, nə/
СГС	трехфонемный	584 морфемы: /bal, day/
ГСС	-----	32 морфемы: /ərz, ırs/
ССГ	-----	1 морфема: /tfu/
СССГ	четырефонемный	-----
ССГС	-----	33 морфемы: /blok, stol/
СГСС	-----	458 морфем: /gənt, sərt/
ГССС	-----	-----
ГСССС	пятифонемный	/ernst/ (Тельман)
СГССС	пятифонемный	3 морфемы: /verst, filtr, tembr/
СССVC	-----	5 морфема: /pljaž, İtrix, İpris/

Из шестифонемных структур в азербайджанском языке представлены только ССГССС (sfinks) и СССГСС (sprint).

Из таблицы видно, что для азербайджанского языка наиболее типичны слоговые структуры СГС-/bal/ «bal» (мед), /day/ «dağ» (гора) и т.д. (всего 584 морфем), СГСС-/gənt/ «qənd» (сахар), /sərt/ «sərt» (резкий/ и т.д., всего 458 морфем, ГС-/az/

«az» (малый), /əp/ «əp» (самый) и т.д., всего 42 морфемы, СГ- /nə/ «nə» (что), /hə/ «hə» (да) и т.д., всего 32 морфемы и ССГС- /stol/ «stol» (стол), /blok/ «blok» блок) и т.д., всего 33 морфемы. Отсюда следует, что в одном слове больше четырех фонем не допустимо. Естественно, что эти результаты базируются на односложных морфемах. Окончательное решение возможно, если будет изучен весь морфемный инвентарь языка. Второй вывод заключается в том, что скопление фонем не характерно для тюркских языков. По этому признаку легко определить, является ли данное слово исконно тюркским.

При экспонентном описании морфем мы должны коснуться вопроса о ДП, так как без него нельзя обойтись. В современной лингвистической литературе теорию о ДП или дихотомическую теорию несправедливо приписывают Н.С.Трубецкому или Р.О.Якобсону.³ Тщательное изучение вопроса показывает, что именно И.А.Бодуэн де Куртенэ впервые на конкретном языковом материале показал членение потока речи на акусмы и кинемы.⁴

Выявление различительных признаков экспонентов фонем позволяет определить, чем собственно отличаются морфемы друг от друга. Противопоставляя морфемы, можем характеризовать все различия в их экспонентах. В следующих морфемах различие покоится на одном единственном признаке, а именно признаке глухости и звонкости фонем, встречающихся в них в абсолютном начале. Ср.:

азерб.	анг.	нем.	рус.
/pɪr/ «pɪr» (пир)	/pɪn/ «pɪn» (гвоздь)	/pa:R/ «paag» (пара)	/paɪr/ (пар)
/bɪr/ «bɪr» (один)	/bɪn/ «bɪn» (бак)	/ba:R/ «Bar» (бар)	/baɪr/ (бар)

Но не всегда можно найти пары оппозиций, отличающиеся одним признаком. Если, например, в азербайджанской морфеме /aj/ можно начальный гласный /a/ заменить всеми существующими в этом языке гласными фонемами (методом ком-

мутации) кроме гласного /i/, получим новые морфемы Ср.: /aj/ (луна), /ij/ (запах), /öj/ (хвали), /ej/ (хорошо), /oj/ (восклицание «ой»), /эj/ (ломай), /üj/ (мелит), /uj/ (спи), но /ij/ невозможно, так как фонема /i/ в начале слов не встречается. Теперь заменим второй элемент и получим следующие морфемы: /aj/ (луна), /aĵ/ (плов), /ad/ (имя), /az/ (малый), /at/ (лощадь), /al/ (бери), /aγ/ (белый), /atĵ/ (открой), /adž/ (голодный), /an/ (мгновение), /as/ (вешай), /ar/ (совесть), /ah/ (возглас), /ax/ (возглас). Значит, согласный /j/ в односложных морфемах контрастирует со всеми гласными, кроме /p, f, m, g, ħ, ḳ, k, v/. Но в других двух и более сложных морфемах их контраст вполне допустимо. Например, /apar/ (уведи), /amma/ (но), /aγadž/ (дерево) и т.д.⁵ Ниже дается анализ по различению экспонентов морфем английского, немецкого, русского и азербайджанского языков.

1. Морфемы отличаются наращиванием их фонемного состава одной фонемой. Ср.:

анг.	нем.	азерб.
/æz/-/hæz/ (как-имеет)	/a:l/- /za:l/ (змея-зал)	/aγ/-/daγ/ (блый-гора)
/eim/-/neim/ (цель-имя)	/blo:s/-/lo:s/ (просто-судьба)	/az/-/daz/ (малый-лысый)

2. Морфемы отличаются аранжировкой входящих в них фонем. Ср.:

а) Морфемы отличаются двумя разными фонемами. Ср.:

анг.	нем.	азерб.
/vumən/-/sʌmən/ (женщ.-требовать)	/balt/-/baŋk/ (скоро-банк)	/sadə/-/mədə/ (просто-желудок)

б) Морфемы отличаются тремя гетерогенными фонемами. Ср.:

анг.	нем.	азерб.
/diə/-/pu:l/ (олень-лужа)	/flu:s/-/gro:s/ (река-большой)	/örtmək/-/düzmək/ (закрывать-нанизывать, расставлять)

в) Морфемы отличаются всем фонемным составом. Ср.:

анг.	нем.	азерб.
/wain/-/fi:l/	/bant/-/fɔlk/	/baʃ/- /goz/
(вино-чувствовать)	(лента-народ)	(голова-орех)

3. Морфемы различаются обратным расположением, входящих в состав фонем, т.е. образованием палиндрома. Ср.:

анг.	нем.	азерб.
/fail/-/laif/	/to:n/-/no:t/	/sap/-/pas/
(файл-жизнь)	(тон-нот)	(верёка-ржавчина)

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сгруппировать экспонентные различия морфем так:

1. При различении фонема выступает как основной компонент, поэтому это различие можно назвать компонентным. Причем различие может быть одно-, двух- или трехфонемным или полным составом фонем (см. 1, 2 а, б, в).

2. Следующее различие базируется на зеркальном расположении фонем. Этот способ можно называть структурным различием. Его называют также полиндромом (см. 3).

3. Морфемное различие может быть континуативным и дисконтинуативным. Ср.:

континуативные

анг.	нем.	азерб.
/sli:p/-/pli:s/	/kyrbis/-/rykən	/tarix/-/ratin/
(спать-пожалуйста)	(тыква-спина)	(история-ратин)

дисконтинуативные

анг.	нем.	азерб.
/fain/-/naif/	/kram/-/mark/	/xalg/-/galx/ (народ-поднимайся)
(тонкий-ожь)	(крам-марк)	

Мы предложили типологию морфем с точки зрения их различения в плане выражения. Вполне возможны другие типологии, например, акцентологические. Но на современном

уровне развития науки о языке пока невозможны адекватные типологические описания морфем языка. Мы ограничивались здесь описанием экспонентных различий.

13.2. Морфонология. Мы уже говорили о морфонологии, которая изучает, наряду с фонологической структурой морфем, также и фонемное чередование в составе морфем языка. Последнее может быть различным в зависимости от комбинаторных изменений и изменений, связанных с грамматическим значением. К сожалению, проблема эта иногда связывается с графикой. Между тем истинное научное описание будет тогда, когда все выводы опираются на факты конкретного живого звучащего языка. Поэтому и полученные результаты остаются желать лучшего. В азербайджанском языке в конце слов /gonax/ «gonaq» (гость), /utʃux/ «uçuq» (трещина) реально произносится /x/, хотя на письме пишется «q». При прибавлении падежных окончаний /x/ переходит в /ɣ/, т.е. заднеязычный щелевой глухой согласный переходит в заднеязычный, щелевой звонкий. Ср.: /gonax→gonaxɣ/, /utʃux→utʃuxɣ/. Что касается выбора согласного в начале суффиксальных морфем, то это обусловлено качеством корневого гласного. Если в корне гласный заднего ряда, то в начале суффикса выбирается заднеязычный /ɣ/. Но если в корне гласный переднего ряда, то в начале суффикса обязательно встречается среднеязычный согласный /h/. Ср.: /roz+ ɣun/, /az+ ɣin/, /vur+ ɣun/ (влюбленный), /duj+ ɣu/ (чувство), но /ver+ hɨ/ (талант), /sev+ hɨ/ (любовь), /böl+ hün/ (деление), /əz+ hɨn/ (мятый), /süz+ hün/ (изможденный) и т.д. Здесь действует тот же самый сингармонизм.

Когда к азербайджанской морфеме /get/ добавляется суффикс с начальным гласным, /t/ переходит в /d/. Но при прибавлении суффикса с начальным согласным, /t/ остается. Ср.:

/ged+ir/ «gedir» (идет)	/get+mir/ «getmir» (не идет)
/ged+iʃ/ «gediş» (ход)	/get+di/ «getdi» (ушел)
	/get+səjdɨ/ «getsəydi»
	(если бы ушел) и т.д.

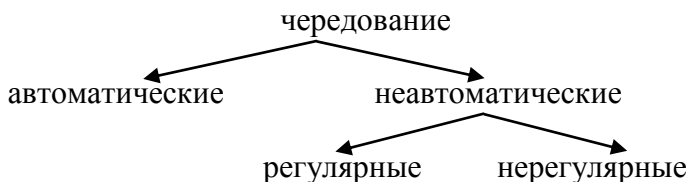
Таким образом, выражаясь словами В.Б.Касевича, можно сказать, что морфонология-это фонология в действии.⁶

Согласно МФШ, чередование в примерах /рарах→рарауа/ (кепка-кепке) является чисто фонетическим процессом, оно не имеет никакого отношения ни к фонологии, ни к морфологии. Щербовская школа же рассматривает это как фонемное чередование, поскольку одна алломорфема заменена другой вследствие фонемного чередования. Фонологический процесс служит изменению экспонента морфем. Он полностью зависит от морфемного контекста, поэтому называется автоматическим.

Автоматическое чередование не относят к морфонологии, потому что в таком случае оно касается только экспонента разрушенной морфемы. А неавтоматическое чередование касается обеих сторон морфемы. К автоматическим относится чередование звонких глухими также в конце немецких и русских морфем. Ср. /bɪlt→`bɪldər/ "Bild-Bilder"(рисунок-рисунки) и /zɪp→zubi/ (зуб-зубы). Если бы это чередование зависело от паузы, тогда мы могли бы назвать его также автоматическим. Однако в русском языке на уровне предложения когда морфема с конечным глухим согласным сочетается со словом или морфемой с звонким согласным, тогда чередование не происходит: /zubbarona/ (зуб барона). Значит, условие, вызывающее чередование, исчезло и необходимость в чередовании отпала. Неавтоматическому чередованию нельзя найти фонетическое объяснение. А для автоматического чередования такое объяснение возможно. С другой стороны, автоматическое чередование как источник алломорфизма относится к морфонологии. В сегментной фонологии система и синтагматика фонем изучаются вне грамматического и лексического контекста, хотя функционирование фонем берется в морфеме или лексеме, иногда даже с привлечением более широкого контекста с учетом структуры слога, действия ударения и интонации. Но для установления системы фонем и их оппозиций чередование не играет никакой роли. В системе важна противопоставленность. В фонологи-

ческой синтагматике фонемы и их сочетания рассматриваются в составе значимых единиц. Поэтому чередование фонем выполняет конститутивную и опознавательную функцию, значит, оно соприкасается с морфонологией.

Таким образом, противопоставление автоматических и неавтоматических чередований, так же как все модификации морфем относятся к морфонологии. В то же время надо отметить, что необходимо отделить автоматическое чередование от неавтоматического. Для этого к фонологическим условиям надо прибавить еще и морфологические ограничения. В русском языке от глагола «молчать» образуется «молчун», а от «кричать» - «крикун» = /ml`tʃat`/-/ ml`tʃun/, но /kr`i`tʃat`/- /kr`i`kun/. Иногда по непонятной причине чередование, которое служит выражению грамматических значений, не относят к морфонологическим средствам, мотивируя это тем, что оно сопровождается грамматическими процессами. Чередование /a/ на /ε/ в немецких словах /`>apfəl→`>εpfəl/ является единственным средством выражения числа в этом языке. Другое дело, что само чередование не подходит к определению как знаковое средство, поскольку эти морфонологические процессы не соответствуют условиям знаковости языка.⁷ Морфонологические явления сами по себе не являются носителями каких-то значений. Они лишь составляющие этого процесса. В русском языке можно встретить /p`it`erburksk`ij uni`v`ers`t`et/ (Петербургский университет) и /p`it`erburksk`ije jitel`i/ (петербургские жители), которые относятся к разным стилям, первый - к узусу, а второй - к норме. Таким образом, все виды чередования можно схематически изображать так:

После всего сказанного можно предложить схему всех средств, которые выражают грамматические значения:

Выражения грамматических значений:

вне слова	в составе слова
служебные слова ударение интонация порядок слов	аффиксы внутренняя флексия словообразование словоизменение

Они могут иногда переплетаться. В немецком языке, например, сравнительная степень может быть выражена окончанием /-er/. Ср.: /braet/ «breit» (широкий), /breiter/ «breiter» (шире, чем), /klaen/ «klein» (маленький), /klaenər/ (меньше чем), но /kalt/ «kalt» (холодный), /keltər/ «kälter» (холоднее, чем) и т.д. В русском языке окончания демунитива /-/. Но наряду с этим в некоторых случаях конечные заднеязычные согласные корневых морфем /k, g, x/ чередуются соответствующими переднеязычными согласными /tʃ, ʃ, ž/. Ср.: /suk→su`tʃok/, /slux→slu`ʃok/, /druk→dru`žok/ и т.д.

Разные морфемы и чередование усложняют процесс восприятия, для идентификации инвариантности требуется дополнительная энергия. Это сказывается на изучении иностранного языка. Отсюда можно сделать вывод о том, что развитый морфонологический компонент носит отрицательный характер при усвоении языка. Но с другой стороны, он помогает восприятию в том смысле, что фонологический процесс выступает как дополнительный сигнал для морфологического уровня. Правда, здесь чередование фонем выступает как показатель для идентификации морфологической формы и грамматического значения. Синтаксическая же связь выступает как редундантное

средство как бы избыточное средство. Такие средства можно назвать с позиций фонологии интегральными признаками. Например, в азербайджанском языке /-ir/ требует, чтобы /t/ в морфеме /get/ перешло в /d/. А это можно считать интегральным признаком при распознавании формы /gedir/. Иногда чередование фонем не усиливает редундантность, наоборот, она помогает пониманию многозначности и ведет к нейтрализации морфем. Ср.: /noj/-/nojik/-nojenka/.

13.3. О семантике морфем. Семантическое описание морфем позволяет установить предел их варьирования и выявить связи между экспонентом и их семантикой. Одни лингвисты считают, что тождество морфем определяется их функциональным единством, т.е. если есть семантическое единство, то характер экспонентного изменения не столь существенен. В германских языках имперфект слабых глаголов образуется прибавлением суффиксальной морфемы к корневой морфеме (ср.: в немецком языке /-(e)te /frak+te/ (спросил), /lerntə/ (изучил), /a:skt/, /lə:nt/), сильные же глаголы пользуются операционными морфемами, т.е. чередованием фонем. Ср.: нем. /la:s/ (читал), в английском языке /tuk/ (взял). Другие ученые, в особенности, из бывшего Союза, полагали, что наряду с семантическим единством необходимо, чтобы были определенные связи между вариантами одной морфемы.⁷

Если при функциональном единстве нет формальных связей, значит, речь идет об омосемии.

Вообще, у суффиксальных морфем сильно развита омонимия. Ср.:

анг.	нем.	рус.	азерб.
/fiʃər/	/gu:təR/	/rutʃk/	/duzlu/
(рыбак)	(падеж. оконч.)	(ручка)	(соленый/)
/lɔ ɲə	/klainəR/ (суффикс	/dvustvolka/	/bakılı/
(длиннее)	степени ср.)	(двустволка)	(бакинец)
	/le:R əR / (учитель)		

Их обычно называют омосемными морфемами, потому что семантически одинаковые, а формально разные морфемы могут быть омосемными морфемами.

Семантически многозначные морфемы, их иногда называют многосемными морфемами, часто встречаются среди аффиксальных морфем. В русском языке окончание /-л/ означает третье лицо, единственное число, прошедшее время и мужской род. Ср.: /tʃital/ (читал) противопоставляется /tʃitajet/ (читает), /tʃitalo/ (читало), /tʃitajel/ (читаешь) и /tʃitala/ (читала). Немецкий /aos/ выражает конец действия, последнюю точку местонахождения. Ср.: /'>aos,le:zən/ (прочел), /'>aos,gaŋ/ (выход) и т.д. Описать самостоятельные морфемы семантически сложно и трудно. Ниже ограничимся некоторыми примерами. Компонентный анализ семантики относится к актуальным проблемам. Мы об этом расскажем позже. Анализ, предложенный ниже, направлен на выявление семантических компонентов-сем каждой морфемы. Например, морфема /человек/ будет иметь следующие компоненты – семы:

- +живой/неживой
- +человек/животное
- +взрослый/молодой/ребенок
- +мужчина/женщина
- +грамотный/безграмотный
- +работающий/безработный
- +темперамент/+холерик/сангвиник
- +холерик/флегматик

Сложив все эти признаки, называемые семами, семантическими маркерами или компонентами, мы можем заключить, что обладающий этими признаками есть человек. Каждая сема рассматривается как ДП на семантическом уровне.

Таким образом, мы можем проанализировать все самостоятельные морфемы языка по этим семам.

13.4. Анализ аффиксальных морфем языка. В традиционном языкознании лексемы языка распределялись по

частям речи на основе их синтаксической роли, семантического значения и морфологической изменяемости. К морфологически изменяемым частям речи относились имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы, местоимения и наречия. К неизменяемым частям речи относились предлоги, союзы, артикли, партики и междометия. Так называемые основные части речи выражали денотатное значение, выступали в роли членов предложений и формально изменялись, т.е. принимали в соответствие со своей парадигмой определенное окончание. В современной лингвистике деление производится по парадигмам, т.е. по тому, смогут ли языковые единицы заменить друг друга в потоке речи. Например, в предложении /mən bir ʔkɪtɑp aldɪm/ (Я купил одну книгу) можно заполнять пустые места существительным, наречием времени или места (отвечающие на один из этих вопросов: от кого?, когда?, где?, для кого?). По другому определению, различные формы одной и той же морфемы (лексемы) образуют парадигму.

Значит, деление морфем по классам определяется также по морфологическим показателям. Так, например, все существительные, будучи автосемантическими морфемами, образуют как словообразовательную, так и словоизменительную парадигмы, принимая на себя суффиксальные морфемы, могут расширить свой класс за счет новых образований и изменений.

Словообразовательные суффиксальные морфемы подразделяются на две группы: деривационные (словообразовательные) и реляционные (словоизменительные). Последние исследования показали, что в азербайджанском языке имеется всего 120 словообразовательных морфем.⁹ Ниже предлагается инвентарь азербайджанских словообразовательных морфем:

/-lɪg/⁴, /-lɪ/⁴, /-sɪz/⁴, /-tʃɪ/⁴, /-(j)ɪcɪ/⁴, /-cɪg/cag/ca/, /-casɪnɑ/cəsɪnə/, /-gɪl/, /-mɑ/mə/, /-ɪʃ/⁴, /-kɪ/⁴, /-jɪ/⁴, /-dɑʃ/, /-ag/əg/, /-ək/ik/, /-ɑ/ə/, /-dʒ/, /-(ɑ)/ (ə)ʃ/, /-(ɑ)n/ (ə)n/, /- dʒɪl/ dʒil/, /-durug/, /-sal/, /-lɑ/, /-duz/, /-ej/, /-tug/, /-axaj/, /-(1)mtɪl/⁴, /-(1)mtrɑg/, /-sov/msov/soj/, /-rɑk/rək/, /-ʃɪn/ʃɪn/, /ɪsgɑl/,

/-vari/, /-ilti/, /tʃag/ dʒag/, /-tʃig/ dʒig/, /-tʃa/dʒa/, /-l/, /-mal/, /-mur/mar/, /-man/mən/, /-gar/, /-(a)g/k/, /-lag/dag/, /-ag/, /-anak/ ənək/, /-ga/gɪ/, /-ov/öv/, /-ovul/, /-l⁴, /-ılı/, /-adž/(1)ndž/, /-gadž/, /-(1)t/, /-ti⁴, /-di/, /-inti⁴, /-ım⁴, /-mak/mək/, /-gan/aγan/(j)an/gɪn/(1)n/, /-γan/kən/gən/, /-aγan /əjən/, /-jaγan/(j)əjən/, /-an/ən/(j)an/(j)ən/, /-(j)gɪn/γɪn/, /-(1)n⁴, /-ar/ər/, /yar/yər/, /-adžag/ədžək/, /mi⁴, /-dɪg⁴, /-malı/məli/, /-madž/, /-madžan/, /-arı/əri/, /- džam/, /-ı/.

Эти морфемы могут быть классифицированы по вариантности так:

1. Одновариантные словообразовательные морфемы: /-ıdž/ - /ajrıdž/ (распутье), /-pərəst/ - /ʃöhrətpərəst/ (тщеславный), /-pərvər/-/vətənpərvər/ (патриот), /-xah/-/xejırxah/(добрый), /-bər/-/dıl bər/ (прекрасный), /-saz/-/sa.tsaz/ (часовик), /-ji/-/filoloji/ (филологически), /-ik/-/publisistik/(публицистик), /-vi/-/daıgəi/ (круговой), /-xana/-/a|xana/ (столовая), /-xor/-/dıl xor/ (без настроения), /-dar/-/dalandar/ (дворник), /-kar/-/bəstəkar/ (композитор), /-baz/-/gu|baz/ (птицолюбитель), /-ke|/-/gajγıke|/ (заботливый), /-gər/-/zərgər/ (ювелир), /-gil/-/əhmədgil/(ахмедовский), /-lag/-/gumlag/ (песочная), /-lam/-/saγlam/ (здоровый), /-i/-/fiziki/ (физически), /-ej/-/günej/ (южный), /-ban/-/baγban/ (садовник), /-|ünas/-/dıl|ünas/ (языковед), /-da|/- /vətənda|/(гражданин), /-dž/-/sevındž/ (радость), /-mik/-/kəsmik/ (творог), /-sal/-/gumsal/ (песочный), /-sul/-/joxsul/ (бедный), /-man/-/godžaman/ (старик), /-ulu|/-/doγulu|/ (рождение) - /- džax/- /utandžax/ (стыдливый), /-ax/-/gonax/ (гость), /-at/ət/-/məlumat/sədagət/ (сообщение, счастье), /-stan/-/gürdžüstan/ (Грузия), /-iyə/-/nəzəriyə/ (теория), /-izm/-/sozializm/ (социализм), /-ist/-/realist/ (реалист), /-ik/-/plastik/ (пластичный), /-gə/-/döngə/ (тупик), /-gədž/- /süzgədž/ (дурхшлаг), /-iyət/-/|əxsiyə/ (личность), /-ijat/ - /iktisadijat/ (экономика), /-um/-/maksimum/ (максимальный), /-lək/-/dıl|lək/ (кусочек). Эти суффиксы имеют в своем составе тот гласный, который предопределяется гласной корневой морфемы. В суффиксах /-ke|, -mik, -gər, -ej, -lək, -ir, -pərəst, -pərvər, -vi, -gil, -ət, -iyə, -gə, -gədž/ согласные произносятся мягко, так как в них содержатся

гласные переднего ряда. При этом такое произношение в большинстве случаев задается качеством корневого гласного. Но это не всегда соблюдается. Например, суффиксы /-dar, -daʃ/ в словах /əməkdar/ (заслуженный) и /əməkdaʃ/ (сотрудник) не подвергаются влиянию гласного корня. Более того согласные в этих суффиксах не смягчаются. То же самое можно сказать в отношении /- baz/, /-xor/, /-stan/, /-jat/, /-mandž/ в словах /iʃbaz/ (делевого), /dilxor/ (без настроения) и /ermənistən/ (Армения), /iktisadijat/ (экономика), /dilmandž/ (переводчик) и т.д. Иногда наблюдается обратный процесс. Слово заканчивается гласной фонемой заднего ряда, тем не менее суффиксальная морфема употребляется с гласной переднего ряда. Ср.: /ʃirvani/ (ширванский). Иногда нарушается сингармонизм по ряду. Например, в следующих суффиксальных морфемах фонемы не подчиняются закону сингармонизма. Суффиксы /-lax, -xor, -xana, -sal, -ʃünas/ в следующих словах ведут себя именно так. Ср.: /gumlax/ (песчаная), /gumsal/ (песочная), /dilxor/ (без настроения), /guʃxana/ (птичник, глубятня), /dilʃünas/ (языковед) и т.д. Азербайджанский лингвист Дж. С.Ахмедов (1939-2010) пишет по этому поводу следующее: «После многовариантных морфем не наблюдается употребление одновариантных суффиксов. Вследствие этого не нарушается последовательность многовариантных суффиксов»¹⁰

Одним из способов, обеспечивающих экспонентное варьирование морфем, является фонемное чередование, которое происходит на стыке суффиксальной и корневой морфем. Ср.: /fizik-fizik'i/ (физик, физический), /biolok-bioloži/ (биолог, биологический), /gumlax-gumlaya/ (песочная, песочной), /kəsmik-kəsmiji/ (творог, творогу), /lək-lək'i/ (огород, огороду) и т.д., в которых происходит следующее автоматическое чередование, обусловленное позицией: //k/ → /k'/, /k/ → /ž/, /x → /ɣ/, /k/ → /j/. Отметим сразу, что по своему фонемному составу словообразовательные морфемы могут быть однофонемной /ʃirvan+i/ (ширванский), /jaz+i/ (письмо), двухфонемной

(/dar+al/gen+əl/), трех- (/sənət+kar/, /dil+xor/) и более трехфонемными (/aʃ+xana/, /vətən+pərvər/) и т.д.

2. Двухвариантные суффиксы. Сюда относятся /-an/ən/, /-ar/ər/, /-ma/mə/, /-maz/məz/, /-dakı/dək'i/, /-aʃan/əʃən/, /-arı/əri/, /-imsə/ ümsə/, /-al/əl/, /-g/k/, /-lan/lən/, /-kı/ki/, /-tʃa/tʃə/, /-ag/ək/, /-la/lə/, /-dža/džə/, /-džasına/džəsinə/, /-adžax/ədžək/, /-a/ə/, /-džak/džək/, /-id/ad/. Ср.: /janar/gülər/ (воспламеняющий, улыбающий), /gabagdakı/dünənki/ (передний, вчерашний), /atma/sijirmə/ (бруся, ящик), /alınmaz/bölməmz/ (не завоеваемый, неделимая), /dara/genə/ (сужайся, расширяйся), /aʃlayan/güləjən/ (плачущий, улыбающийся), /axarı/ötəri/ (текущая, переходящая), /mənimsə/gülümsə/ (усваивай, улыбайся), /keçid/öjüd/ (переход, наставление), /džalax/ ələk/, (прививка, сито), /axmagdžasına/dəliddžəsinə/ (по-идиотски, по дурацки), /aladžag/gələdžək/ (получаемое, наступательное), /garala/ ġirələ/ (очерни, мажай), /asandža/ sadədžə/ (легко, попросту) и т.д. Двухвариантные суффиксальные морфемы по своему фонемному составу, за исключением /a/ə/, являются двух и более фонемными. Ср.: (/gal+maz/öl+məz/), (/bakı+dakı/ gəzet+dəki/), (axmag+džasına/dəliddžəsinə/ и т.д.

Интересно то, что в этих суффиксах ни один из смычно-взрывных согласных /p/, /t/, /k/ не встречается.

3. Большинство из словообразовательных суффиксальных морфем является четырехвариантным. Они сводятся к следующему:

/-lɨg⁴/, /-lɨ⁴/, /-sɨz⁴/, /-tʃɨ⁴/, /-(j)ɨɨ⁴/, /-ɨ⁴/, /-kɨ⁴/, /-jɨ⁴/, /-ɨtɨ⁴/, /-(ɨ)mtɨ⁴/, /-ɨ⁴/, /-tɨ⁴/, /-ɨntɨ⁴/, /-ɨm⁴/, /-(ɨ)n⁴/, /mɨ⁴/, /-dɨg⁴/, /ɨ⁴/, /sɨz⁴/, /ɨ⁴/, /ɨ⁴/, /ɨg⁴/, /gn⁴/, /džɨɨ⁴/, /ɨdžɨ⁴/, /ɨndžɨ⁴/, /ɨ⁴/, /dɨr⁴./

Выступление каждого из этих вариантов обусловлено качеством гласного корневой морфемы. /a/ и /ɨ/ требует появление суффиксальной гласной фонемы /a/ или /ɨ/, /o/, /u/, /ö/ и /ü/ требуют /u/ и /ü/ Ср.: /gari/-/gariɨ/, /aʃa/- /aʃaɨg/, /odun/- /odunɨ/, /duz/-/duzɨ/, /göz/-/gözlü/, /üz/-/üzɨ/. Гласные корней /ə/, /e/ и /i/ требуют суффиксы с гласными /ə/ или /i/. Ср.: /iɨ/-/iɨsɨz/, /əl/-/əldžək/, /ev/-/evsɨz/ и т.д.

Особо следует говорить о согласных /п/ и /j/. Дж.С.Ахмедов в вышеназванной статье пишет, нет основания считать их морфемами. Он выражает солидарность с теми, которые рассматривает их составной частью одной из морфемы. Причем, если корневая морфема оканчивается на гласный, а суффиксальный начинается с гласной, то следует /j/ как соединительный элемент. Ср.: /ələ+j+əndə/, /altı+n+dži/ и т.д.

Но поскольку, постольку эти согласные выполняют соединительную функцию, можно их брать как соединительные морфемы. Такие морфемы встречаются также в других языках. Ср.:

	нем.	рус.
/lant+man/	“Landmann”; (крестьянин);	/vʌdʙrɿʌ vot/ (водопровод)
/lant+s+man/	“Landsmann”; (земляк);	/lʷudʌjet/ (людоед) и т.д.

Анализ показывает, что в суффиксальных морфемах одной из составляющих фонем является, как правило, один из сонантов.

Что касается фонемного состава четырехвариантных морфем, то здесь есть двух-, трех и четырехфонемные сочетания. Ср.: (/al+i|/ver+i|/), (/aman+sız/ət+lik/, (/sıx+inti/xı|+ıltı/) и т.д.

В азербайджанском языке имеется всего 216 словоизменительных суффиксальных морфем. Они могут быть распределены так:

1. Суффиксы множественного числа: /-lar/lər/-/at+lar/, /öküz+lər/;

2. Падежные окончания: /-o, (i)n⁴, -a/ə, i/i, da/də, /dan/ dən, ja/jə, /nı⁴=/at/, /at+ın/, /at+a/, /gala+ja/ tələ+jə/, /ət+ə/ /at+ı/, /əti/, /at+da/ət+də, /at+dan/ət+dən/, /odun+u/, /guzu+nu/, /atani/, /əli+ni/.

3. Окончания притяжательности: / (i)m⁴, / (i)mız⁴, / (s)ı⁴: /at+ı/, /at+ım/, /at+ımız/, /ana+sı/.

4. Окончания временных форм глагола:

а) окончания настоящего времени: /-(j)ır⁴= /al+ır/, /gəl+ır/, /oxu+jur/, /söj+ür/;

б) окончания прошедшего совершенного времени: /-dɪ⁴/ = /al+dɪ, gəl+dɪ, sɔj+dü, vur+du/;

в) окончания прошедшего продолжительного времени: /al+mɪɫ, gəl+mɪɫ, sɔj+müɫ, vur+muf/;

г) окончания будущего времени: /-(j)ar/(j)ər, (j)adʒag/ (j)ədʒək/ = /al+ar, aɣla+j+ar, gəl+ər, aɣla(j)adʒag, sɔylə+j+ədʒək/;

5. Окончания форм глагола:

а) форма необходимости: /-(j)asɪ/(j)əsi/ = /ala+s+ɪ, aɣla+j+asɪ, gəl+əsi, gəl+mə+j+əsi/;

б) форма важности: /malɪ/məli/ = /al+malɪ, /gəl+məli/;

в) форма условности: /sa/sə/ = /al+sa, gəl+sə/;

г) форма желания: /-(j)a, (j)ə/ = /gal+a, gəl+ə, aɣla+j+a, əl+lə+j+ə/;

6. Окончания вида:

а) пассивная форма: /-ɪɫ⁴/ = /jaz+ɪɫ+dɪ/, /ək+ɪɫ+dɪ, sɔk+ül+dü, vur+ul+du/;

б) возвратная форма: /-(j)un⁴/ = /ju+j+un, ge+j+in, sür+n, gor+un/;

в) принудительная форма: /dɪr+t,t/ = /jaz+dɪr(t), vur+dur(t), gɔr+dür(t), al+dɪr(t)/;

г) взаимная форма: /-ɪɫ⁴, /aɫ/əɫ/, /ɫ/ = /vur+uɫ, gül+əɫ, jar+ɪɫ, əl+lə+ɫ/.

7. Окончания глагольных деепричастий: /arak/ərək, /ɪb⁴, /anda/əndə, alɪ/əli/ = /alarak, gülərək, alanda, güləndə, ala+lɪ, gəl+əli/.

8. Окончания отглагольных прилагательных: /-(j)an/(j)ən, /mɪɫ⁴, /ma/mə, /ɫɪg⁴, /adʒag/ədʒək/, /ar/ər/, /asɪ/əsi/, /malɪ/məli/ = /aɣla+j+an, mələ+j+ən/, /alɪn+ma, gəl+mə, /al+mɪɫ.gəl+mɪɫ, ol+muf, öl+müɫ/, /sat+lɪg, əm+lik, son+lug, sɔz+lük/, /ola+adʒag, gəl+ədʒək/, /jan+ar, dön+ər/, /ala+sɪ, gəl+si/, /al+malɪ, gɔr+məli/.

9. Окончания неопределенной формы глагола: /=mak/mək/ = /al+mak, ver+mək/.

10. Окончания переходности/непереходности: /t/, /iz⁴/ = /sür+dür+t/,

11. Окончания лиц: ед.число: 1-ое лицо= /*(j)am*, *(j)əm* /*adam+am*, *jaralı+j+am*/, /*həkim+əm*, *jəni+j+əm*/, 2-ое лицо= /*san/sən*//=*adam+san*, *həkim+sən*/, 3-е лицо= /*dır*//=*adam+dır*, *həkim+dır*/; мн.число: /*(j)ıg*, /*sınız(sız)*⁴, /*lardır/lərdır*//=*adam+ıg*, *jaralı+j+ıg*, *həkim+ik*, *jəni+j+ik*/, /*adamsınız*, *həkim+sınız*, *guzu+unuz*, *üzüm+ünüz*/, *adam+lardır*, *həkim+lərdır*/. Здесь могут принимать участие также окончание прошедшего и будущего времен.

12. Окончания степеней сравнения прилагательных: степень сравнения: /*(i)mtıl*⁴, /*təhər*/, /*kimi*/: /*gırmızı+mtıl*/, /*boz+umtul*/, /*sarı+mtıl*/, /*aγ+ımtıl*/, /*gara təhər*, /*ja]ıl kimi*/; превосходная степень= /*lap*, *ən*, *daha*, /*gıp-*/, /*al*/, /*jam-*/, /*-]ın*/, /*at]ıg*/, /*dža*//=*lap sarı*, *ən sarı*, *daha sarı*, *gıpgırmızı*, *algızımız*, *jamja]ıl*/, /*gara]ın*/, /*at]ıg gırmızı*/, /*garadža*/.

13. Окончания числительных: /*džə*/, /*(i)ndži*⁴, /*lık*⁴, /*dan/dən*/, /*da/də*/, /*gə*/: /*be] džə*/, /*gırxındži*/, /*on+luk*/, /*ondan ikisi*/, /*birdən biri*/, /*ikidə*/, /*birgə*/.

14. Окончания возвратного местоимения: /*imki*⁴/, /*ün/üm*/, /*ümüz/ünüz*/, /*ləri*/: /*biz+imki*/, /*öz+ün*/, /*öz+ümüz*/, /*öz+ləri*/.

Таким образом, словоизменятельные морфемы ведут себя так же, как и словообразовательные. При выборе того или иного варианта ведущим является корневой гласный. У двухвариантных участвуют гласные /*a/ə*/ или /*i/i*/. А у четырехвариантных выступает один из этих четырех гласных /*i*, *i*, *u*, *ü*/, но конкретная реализация зависит от качества корневых гласных. По своему фонемному составу словоизменятельные морфемы могут быть нулевыми, минимум однофонемными, максимум шестифонемными. Ср.: /*at* (*aldım*) – /*0*/-окончание неопределенного винительного падежа, /*at+a*/ – /*a*/ -окончание дательного падежа, /*-sınız*⁴ – окончание 2-го лица мн. числ, /*-ımtıl*⁴ – окончание сравнительной степени прилагательных.

13.5. Литература и замечания

¹ Veysəlli F. Struktur dilçiliyin əsasları. *Studia Philologica*. II, Bakı, “Mütərcim”, 2008

² Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии. В кн.: «Пражский лингвистический кружок», М., 1967. См. также: Veysəlli F. Struktur dilçiliyin əsasları. *Studia Philologica*. II, Bakı, “Mütərcim”, 2008
В. Скаличка определял задачи морфонологии так:

а) учение о морфологической структуре сем;

б) учение о неопределенности их фонологических структур;

в) учение о функциональном употреблении неопределенности сем. См.: Скаличка В. указ. соч., стр. 148

⁺ Анализ проводился на материале орфографического словаря азербайджанского языка 1960 года издания. В этом словаре засвидетельствовано свыше 60 тысяч слов. Из них 1237 являются односложными. Это составляет 2.06 % всех слов, имеющих в этом словаре. См.: Veysəlov (Veysəlli) F.Y. və b. *Ekspərimental fonetika*. II, Bakı, 1981, s.35-78.

³ Grucza F. *Sprachliche Diakrise im Bereiche der Ausdrucksebene des Deutschen*. «Beiträge zur allgemeinen Sprachtheorie». Poznan, 1970, S.14. Она пишет: «Его (И.А.Бодуэна де Куртенэ-Ф.В.) психологическая позиция не оказывала влияние на дальнейшее развитие фонологических идей». Там же. По всей вероятности автор не была знакома со статьей Р.О.Якобсона, посвященной Казанской лингвистической школе: Jakobson R.O. *Kazanskaya szkola lingvistik i jej mesce w zwiatowum rozwoju fonoloji*. IPIL, 1960, p. 3-34.

⁴ Вейсалов (Вейсялли) Ф.Я. О дифференциальных и интегральных признаках фонемы. «Уч.записки АПИРЯЛ», серия языка и литературы, № 2, Баку, 1975, стр. 40-47
Повторно вышла: F.Veysəlli. *Seçilmiş əsərlər*.I, Bakı, 2009,

s. 35-43. Смотрите также. F.Veysəlli. Struktur dilçiliyin əsasları. Studia Philologica. I, Bakı, "Mütərcim", 2005; Vey-səlli F. Semiotika. Studia Philologica. IV. Bakı, 2010

⁵ Вейсялли Ф. Об одном способе описания морфем языка. «Dilçilik: problemlər və mülahizələr. Prof. F.Veysəllinin 60 illik yubileyinə həsr olunmuş toplu. Bakı, 2003, s. 141-154

⁶ Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986, стр. 4

⁷ Маслов Ю.С. Указ. соч., стр.156; Fries C.C. The Structure of English. An Introduction to the Construction of English Sentences. London, 1957

8. Маслов Ю.С. Указ.соч., стр.159. На этой странице этот ученый пишет, что всю совокупность формаобразующих формативов называем парадигмой формаобразования (словоизменительной системы).

9 В современном английском языке, согласно Д. Кристалю, наличествует, включая все варианты, всего 386 префиксальных морфем и 322 суффиксальных морфемы. См.: Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2.Ed., Cambridge, 2005, p. 198

¹⁰ Əhmədov C.S. Şəkilçi variantların seçiminin fonetik şərtlənməsinə dair. «Dilçilik: problemlər və mülahizələr. Prof. F.Veysəllinin 60 illik yubileyinə həsr olunmuş toplu. Bakı, 2003, s. 74

13.6. Вопросы по тринадцатой главе

1. Можно ли дать однозначное экспонентное описание морфем?
2. Что подразумевает экспонентное описание морфем?
3. Как определяется морфонология или фономорфология?
4. Каковы принципы семантического анализа морфем?
5. Можно ли провести экспонентное и семантическое описание словообразовательных и словоизменительных морфем?
6. Возможна ли классификация словообразовательных морфем языка?

7. Каким законам подчиняются суффиксальные морфемы при соединении с корневыми морфемами?
8. Какие изменения происходят на стыке корневых словоизменяемых морфем при их сочетании ?
9. Как классифицируются аффиксальные морфемы по валентности?

ГЛАВА XIV

ЛЕКСЕМАТИКА

14.1. Общие замечания. Изучением слова традиционно занимались лексикология, ономазиология, семасиология и фразеология. Лексикология задавалась целью ответить на вопрос, что такое слово? Формальные и семантические стороны слова изучались подробно, предлагались различные классификации (синонимы, антонимы, полисемия, паронимы) слов, рассматривались денотативные и коннотативные значения слов, подробно изучались устойчивые и неустойчивые сочетания слов. Ономазиология исходила из внеязыковой реальности (signifie) и искала связи с означающим (signifiant) и означаемым. Наиболее важные результаты были получены в области языковой географии. Изучались разные области языковой деятельности (жизнь крестьян, виноградарей, животноводов и т.д.), в результате полевых исследований составлялись лингвистические атласы с нанесением на них изоглоссов. Например, как выражается одинаковый денотат в различных областях страны. Ср.: в немецком языке /kɔpf/ "Kopf", /haopt/ "Haupt", /'ʃe:dəl/ "Schädel", /'birkə/ "Birke", /grint/ "Grind"/ означают «голова». Но где, какое слово конкретно употребляется, можно узнать, получив определенные знания о реальности.

Атлас известного азербайджанского диалектолога М.Ширалиева может послужить этому ярким примером. Эти карты бывают в основном синхронными, но иногда они содержат элементы изменений в языке. Противоположное направление взяла семасиология. Она исходит из сигнификата (signifiant), искала пути, по которым означающее связано с означаемым.

Приведем примеры: в русском языке можно встретить такие выражения: /*Вся школа сгорела*// и /*Вся школа была возмущена о его бессовестном действии*// . В первом случае речь идет

о здании школы, а во втором случае —о учительском составе. На поверхностной структуре раскрывается амбивалентность выражения.

Ономасиологические и семасиологические исследования используются при составлении словарей. Это уже называется лексикографией. У толковых или энциклопедических словарей дается толкование значения какого-то слова, перечисляя все значения. У двуязычных словарей же семасиологический процесс дополняется ономасиологическим процессом. Толкование значений слов семасиологический путь, но переход на слова изучаемого языка является ономасиологическим ходом.

При составлении двуязычных словарей огромные трудности возникают при передаче устойчивых словосочетаний из одного языка на другой. Этот раздел принято называть фразеологией. Единицей этой науки можно называть фраземой. Фраземы на составляющие части не делятся, каждое слово, входящее в состав фраземы, нельзя понимать в прямом смысле, в большинстве случаев дать адекватный перевод невозможно. К фразеологизмам относятся идиомы (например, /ты совсем того/), поговорки (железная воля), пословицы (что посеешь, то и пожнешь, куй железо пока горячо), крылатые или мудрые слова (их создатели известны-/флаг, однажды поднятый, никогда не спустится//-М.А.Расулзаде) и т.д.

Современная наука о лексемах языка называется лексематикой. С точки зрения морфологической структуры лексемы подразделяются на непосредственные составляющие. Это значит, что лексема может состоять из одноморфемных до многоморфемных. Например, в азербайджанском языке есть лексема /o+n+un+kı+lar+dan/ «onunkılardan» (из ихних), где имеются следующие непосредственно составляющие: основа+ форматив: корень /o/, соединительный элемент /n/, основа/ /onun/, словообразовательная морфема /kı/, суффикс /lar/ и падежное окончание /dan/.

/o+n+un+k1/ является основой для следующих изменений. Следовательно, формативы не содержат корня, они могут быть нулевыми. Скажем, /o+n+un+k1+lag/ в именительном падеже.

Лексемы могут иметь два вида: словообразовательные и формообразовательные.

Словообразовательные лексемы в свою очередь подразделяются на три типа:

а) непроизводные, которые не состоят из сосуществующих с ними слов: рус. /da/ (да), /r'eKa/ (река), /uv1/ (уы), англ. /jes/ (да), /taun/ (гора), азерб. /hə / (да), /daγ/ (гора), нем. /ja./ (да), /berk/ (гора) и т.д.

Опрошение, когда стирается граница и бывшие производные лексемы становятся непроизводными. В немецком языке /naxti.ga.l/ "Nachtigal" (соловей) когда-то было производным. Однако, сегодня /i.ga.l/ отдельно не существует, поэтому лексема /naxti.ga.l/ стало непроизводным. К непроизводным относятся также радикалоиды, о чем говорилось выше (см. XII.5).

б) производные слова могут состоять из сосуществующих в них рядом морфем. Например, азерб./ ojun/(игра), /ojun+t1u/ (игрок), нем. //berk/(гора), //bergə/ (горы) и т.д.

в) сложные лексемы образуются на базе двух или нескольких лексем. Это очень характерно для немецкого языка. Ср.: /`maʃi:nən,bau`vɛrk,laetər/ "Maschinenbauwerkleiter" (руководитель машиностроительного завода)

Формообразование делится на изменяемые и неизменяемые морфемы. К неизменяемым относятся союзы, предлоги, междометия и некоторые одноформенные единицы: нем. /nɔx/ «noch» (еще), /vael/ «weil» (потому что), азерб. /əlbətə/ «əlbəttə» (конечно), /jəqin/ «yəqin» (очевидно) и т.д.

К изменяемым морфемам относятся лексемы со всеми своими формами. Ср.: /aγadʒ/ "ağac" (дерево), /aγadʒ1/ "ağacı" (дерева), /aγadʒda/ "ağacda" (на дереве) и т.д. Отдельные словоформы одной лексемы называются **аллолексемами** одной лексемы или **парадигмой словоформ**. Лексема, так же как фонема и морфема, языковая единица и реализуется через свои алло-

лексемы в конкретных речевых актах в виде звуковых экспонентов. В реальной речи между словами нет паузы. Они могут быть между синтагмами, предложениями и другими вышестоящими единствами. Об этом свидетельствует приведенная ниже осциллограмма азербайджанского предложения /Axʃamlar bizim ʃəhərdə ʃəx gələbəlik olur// (По вечерам наш город бывает очень оживленным) (см. рис. 13).

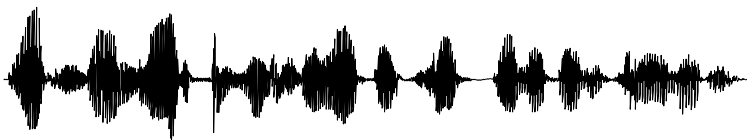

Рис. 13. Осциллограмма предложения
/Axʃamlar bizim ʃəhərdə ʃəx gələbəlik olur//

Из осциллограммы видно, что пробелу на письме в устной речи нет прямого соответствия в виде паузы. Эффект паузы создают интервалы между тональными движениями, а также усиление или уменьшение интенсивности и темпа. В устной речи азербайджанцев часто наблюдается редукция лабиальных гласных и делабиализация конечных лабиальных гласных. Ср.: /s°r°nd°rmətʃʰlik/ «süründürməçilik» (волокита), /üz°m tʃʰlərʰmiz/ «üzümçülərimiz» (наши виноградари); /oldɪ/ «oldu» (совершилось), /gördi/ «gördü» (увидел), /üzdɪ/ «üzdü» (сорвал и поплыл) и т.д. Пауза в живой речи полностью зависит от смысловых связей. Например, в известном русском высказывании /kɒz`nit`n`el`z`a/ рɒ`m`ilɒvʲtʰ// (Казнить нельзя, помиловать) и /kɒz`nit`n`el`z`a рɒ`m`ilɒvʲtʰ// (Казнить, нельзя помиловать)

Лексемы бывают аналитическими и синтетическими. К аналитическим лексемам можно отнести формы образования пассива в немецком и английском языках:

нем. яз.

/vʊrdə gə`le:zən/

”wurde gelesen” (прочитано)

анг. яз.

/hæz bi:n `red/

”has been read” (прочитано)

В то время как в азербайджанском и русском языках эти же формы образуются синтетическими лексемами. Ср.:

азерб. яз.	рус. яз.
/jɑzɪldɪ/ "yɑzɪldɪ" (написано)	/nʌp'isʌnʌ/

В русском языке будущее сложное, сослагательное наклонение с /-bɪ/ (бы) тоже образуются аналитическими лексемами.

В азербайджанской лексеме /araba+tʃɪ+lar+dan/ (из извозчиков) /araba/ является корневой морфемой, /araba+tʃɪ/ формаобразующей основой, потому что она является общей и постоянной для образования новых форм, тогда как /lar+dan/ является переменной. Формообразующая основа содержит корень и общее всем грамматическим формам этого слова. Они остаются во всех грамматических формах без изменения. Форматив же – специфический элемент для данной формы или нескольких словоформ, но не для всех слов.

В слове /araba+tʃɪ+lɪk/ форма /araba+tʃɪ/ является производящей частью. Слово /araba/ не является в современном азербайджанском языке производным. Но /araba+tʃɪ/ является производным, так как оно обладает производящей основой /araba/. В словоформе /əlüzɥu`yɑn/ (умывальник) производящей основой является совокупность основ всех входящих в его состав слов.

В русском языке в лексемах /ʌ`but'/ (обуть) и /rʌ`zʊt'/ (разуть) гласный /u/ является единственной связанной основой, она утратила свой облик и больше нигде не встречается.

Конверсия выступает как словообразовательный форматив. Очень широко этот способ используется в английском языке, но достаточно часто встречается также и в русском языке. Ср.:

анг. яз.	рус. яз.
/`æbsənt/ (прил.) : /əb`sənt/ (гл.)	/`nɔvɪj/ (прил.) : /nɔf/ (сущ.)
/`ɪmpɔ:t/ : /ɪm`pɔ:t/	/`tʃɔrnɪj/ (прил.) : /`tʃɔrn/ (сущ.)

14.2. Части речи. В традиционной лингвистике со времен Аристотеля выделялись части речи. Аристотель выделял имя, глагол и частицы, в то время как александрийская школа выделяла 8 частей речи. Собственно говоря, не важно, кто сколько частей речи выделял, а то, какой принцип был заложен в основу классификации. Формальная школа, возглавляемая Ф.Ф.Фортунатовым и его последователями, исходил при определении частей речи из формальной основы, формы словоизменения. Словоизменяемые были подразделены на склоняемые и спрягаемые. Например, прилагательные и глагол в прошедшем времени изменяются по родам, местоимение, кроме третьего лица, не изменяется по родам. В русском языке /pʌlto/ (пальто) и /k'ɛnguru/ (кенгуру) оказываются при таком подходе отнесенными к разной категории. Правда, здесь к помощи приходит парадигма, а также синтагматика. Ср.: /dl'inʌje pʌlto/ (длинное пальто) и т.д.

В противовес этому было высказано Л.В.Щербой в 1928 году, что при группировке слов необходимо учесть, в первую очередь, критерий значения.

Сегодня предпочтение дается комплексному подходу, согласно которому значение, функция, форма и сочетание берутся за основу группировки частей речи. При условии значения необходимо исходить из категоризации. При сравнении русского языка с английским, с одной стороны, немецкого с азербайджанским, с другой, становится очевидным, что русские и немецкие прилагательные имеют четкие формальные признаки, а для английского и азербайджанского языков релевантными являются значение и сочетание. С другой стороны, имена существительные характеризуются категориями падежа (нем., рус., азерб. языки), числа (нем., англ., рус., азерб. и т.д.), рода (нем и рус. язык). Таким образом, категориальный признак – это единство стабильной формы с конкретным значением.

Противопоставление знаменательных лексем служебным показывает, что первые кроме лексического, т.е. денотативного

значения имеют еще и грамматическое значение. Например, существительные имеют значение падежа, рода, одушевленности /неодушевленности. Служебные лексемы лишены этого, то есть они не имеют денотативного значения. Вообще, относительно значений есть много неясностей. Во-первых, многозначные слова (например, в азербайджанском языке /tʃəkmək/ «çəkmək» имеет несколько значений: 1) курить; 2) снимать (карты); 3) стыдиться; 4) строить дорогу и т.д. С другой стороны, как быть с такими английскими словами как /stand ʌp/ "stand up" (вставай), /sit daʊn/ "sit down" (садиться). У бедуинов имеется несколько слов для обозначения разных видов верблюдов. Целые идиоматические выражения, т.н. фраземы нельзя рассматривать как единство значений компонентов, входящих в их состав. Ср.: /mənɪm gö`züm/ sən`nən su içmir// "Mənim gözüm sən-dən su içməyir" (Я не могу полагаться на тебя). Буквальный перевод будет так: (Мои глаза с тебя воды не пьют).

Знаменательные лексемы выполняют определенную синтаксическую функцию, говоря словами традиционной лингвистики, они могут выступать в роли членов предложения.

Ср.: /d`et`i iz sʌs`edn`evʌ dvʌ`rʌ/ budut s:`orit`s`ʌ/ iz zʌ ig`ruʃk`i// (Дети из соседнего двора будут ссориться из-за игрушки). Здесь /iz/, /budut/ и /iz-z ʌ/ выступают как аморфные элементы, они связывают знаменательные слова в единое целое и вместе с ними функционируют как базисные компоненты предложения. За счет знаменательных лексем можно расширить предложения, чего нельзя делать со служебными словами. Например, /d`et`i iz sʌs`edn`evʌ dvʌ`rʌ/ budut s:`orit`s`ʌ/ i dʌʒe `drʌts` ʌ iz z ʌ ig`ruʃk`i// (Дети из соседнего двора будут ссориться и даже драться из-за игрушки).

Знаменательные слова носят ударение. Но служебные слова, за исключением тех случаев, когда необходимо контрастировать, ударения не носят. Например, на уроке по грамматике учитель сможет исправить ученика, сказав так: /ʃʌ idu ``v ʃkolu/ a n`e ``na ʃkolu// (Я иду `` в школу, а не `` на школу). Они

могут передвигаться в предложении. Например, приведенное выше предложение можно употреблять так: /v ʃkolu ʃʃa idu// и т.д. Конечно, смысловой оттенок изменится, но перестановка возможна. Такую перестановку в отношении синсемантических лексем делать невозможно, т.е. нельзя сказать так: /ʃkolu v ʃʃa idu//.

Известный американский лингвист Ч.Фриз различает 4 части речи и 15 форм. 1, 2, 3, 4 обозначают традиционные части речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия.

Только наречия имеет несколько групп:

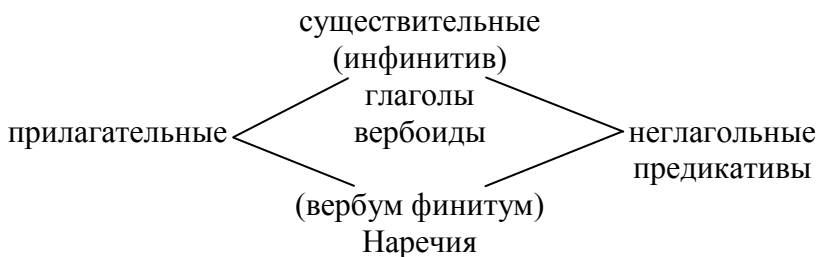
Наречия 4	времени	сейчас
	места	здесь один
	количественное	медленно
	образа действия	да/нет
Группа С	аффирмация/отрицание	много
Группа D	качество, мера и степень	there is/are
Группа H	место/начало	когда? и т.д. ¹
Группа K	вопрос	

Отнесение слова к тому или иному разряду зависит также и от функционального критерия. В азербайджанских высказываниях /gatar gəl ʃʃi/ (Поезд прибыл), /mən gata ʃʃi gördüm/ (Я видел поезд), /o gatarın rəncərəsin ʃʃən boylanırdı/ (он смотрел из окна поезда) лексема /gatar/ выступает в своих аллолексемах, причем они выполняют роль подлежащего, дополнения и определения. При функциональном подходе необходимо выделить основные и вспомогательные глаголы, атрибутивные и предикативные прилагательные. Правда, в немецком языке некоторые прилагательные (например, /rɔ:za:/ «rosa» (розовый), /li:la:/ «lila» (лиловый)) и т.д. в атрибутивной функции никакого окончания не принимают. В английском языке лексема /tɚp/ встречается в атрибутивной функции, но в предикативной функции не употребляется. Ср.: /ðə tɚp ʃelf/ (верхняя полка), //ðə veri tɚp ʃelf/ (самая верхняя полка), но +/ðə ʃelf tɚp/ (сказать

нельзя). А наречия в этом языке могут принимать окончание степени сравнения (/nais/ (приятный), /naisist/ (самый лучший) или образуют аналитическую форму (/mɔ: ˈbju:təfʊl/ (красивее, чем) или же супплетивизм (gud-betə-best/). Лексемы могут менять свой разряд. Ср.: /kɔtn / (схватывать, понимать) и / kɔtn/ (хлопок). Так называемые функциональные слова (артикли, притяжательные и указательные местоимения, предикативы, которые стоят перед прилагательными (/bəzi/ (некоторые), /dʒürbədʒür/ (различные), /hetʃ nə/ (ничего) и т.д.) называют детерминативами. Предлоги и послелоги употребляются вместе с именами, а союзы могут быть координативными и субординативными. Лексемы типа /hə/ (да), /jox/ (нет), /bəli/ (да), /xejɾ/ (нет)/ Л. В.Щерба называл предикативами.²

Части речи с точки зрения того, называют ли они какой – то денотат, предмет, событие или процесс, подразделяются на слова – названия, заместители слов-названий, междоименные слова, модальные слова. Последние функционируют как вводные слова.

Исходя из этого, можно предложить следующую группировку слов-названий:

Особый класс образуют числительные.

Все части речи, кроме существительных, выражают свойства существительных.

Что касается слов заменителей, то они объединяются под местоимением (ты, я, он и т.д.), числительным (столько, сколь-

ко) или дейксисом заменители наречий (там, здесь, сегодня) и заменители глаголов (ты уже того и т.д.).

14.3. Системность на уровне лексем. Все лексемы языка образуют лексематическую систему и членение этой системы впервые в лингвистике предложил немецкий исследователь Й.Триир (1899-1985). Согласно его концепции, лексикон языка можно делить на семантико-лексические области: область растения, область живого организма, область цветов и т.д.

В целом лексикон языка можно подразделять по следующим критериям:

1. Отношение к внешнему миру: а) абстрактные (/n'ɛnʌ'st' / -ненависть); б) конкретные лексемы (/stol/-стол) и т.д.

2. Частота употребления: а) высокочастотные (/xl'ɛp/-хлеб); б) менее частотные(/k'ɛngugu/-кенгуру) и т.д..

3. По сфере употребления: а) общеупотребительные (/ˈloʊlʌt' /лошадь); б) профессиональные (l'ɛk's'ɛmʌ/-(лексема); в) политико-общественные (/pɑr'lɑm'ɛnt/-парламент); г) термины (in`žektor/-инжектор) и т.д.

4. Исконные и заимствования: а) исконные лексемы (/mat' / (мать); б) заимствования (/blak`not/ (блокнот из франц.); в) общенациональные: азерб./daʃ/ (камень); г) диалектные (в борчалинском диалекте азерб.языка /koga/ (гвоздь); д) жаргон (/ˈbaksɑ/ (деньги); ж) интернационализмы (p're`z`ident/ (президент), з) эвфемизмы (выражение нецензурными словами) и т.д.

5. Временное деление: а) архаизмы (в азерб. языке:/avul' / (тень); б) неологизмы /gü`nel/ (Гюнель - женское имя) и т.д.

6. Стилистическое деление: а) официальные (заявление, жалоба); б) научные (/metadil/-метаязык); в) разговорно-просторечие (иди прыгай!) и т.д.

7. Мотивированные (/pil'esos/ (пылесос) /немотивированные (/bik/ (бык) и большинство слов в любом языке и т.д.

8. Активные (/sol' /, /xl'ɛp/ (соль, хлеб и т.д.) и пассивные слова (/mʌnufʌk`turʌ, /r'ɛf`kom/ (мануфактура, ревом) и т.д.

Надо сказать, что трудно найти единые объективные критерии для определения слова или лексем в различных языках. Обратимся к примерам:

нем. /di.>u:sa.pre.zident o.ba:ma- ``raezə na.x >oro:pa./ Die USA-Präsident Obama-Reise nach Europa” (поездка президента США Обамы в Европу)

анг. /`vækjuəm, kli:nə/ «vakumcleaner» (пылесос),
рус. /n`ed`stsipł`in``irλv`nplast`/ (недисциплинированность),
азерб. /gojma getsin gə`lirəm/ «qoyma getsin gəliəm» (не давай ему уходить, приду).

Эти примеры говорят сами за себя. Не случайно, американцы пользуются при анализе языка не словом, а морфемой. Известно, что Л.Блумфильд понимал под словом свободную форму (последовательность фонем между двумя паузами или последовательность графем между двумя пробелами).³

В отличие от него, русский германист А.И.Смирницкий (1903-1954) считал слово центральной, цельнооформленной единицей языка, жизнью номинации, произнесенной одной фонетической оболочкой и состоящее минимум из одной морфемы.⁴

При внимательном рассмотрении можно обнаружить в этой дефиниции много непонятного. Во-первых, цельнооформленность может быть применена также и к предложению. С другой стороны, наличие супплетивных форм в ряде языков (например, англ. /gu:d/-betə/, /gu:t/-`besə/, /хьгλ`fo/-/lutʃe/) не отвечает фонетическим требованием единой формы. Что касается одноморфемности, то этот критерий тоже не выдерживает критики. Ведь предложение тоже может состоять из одной морфемы, даже фонемы.

Как бы ни было, без слова или лексемы нельзя обойтись.

При изучении лексемы надо осветить следующие вопросы:

1. Этимология и структура слова;
2. Фонетическая организация слова;
3. Семантика слова;

4. Частота употребления слова;
5. Дистрибуция слова.

Вопрос об этимологии слова не существен с точки зрения теории языка. На самом деле откуда перешло какое-то слово вряд ли внесет ясность в сущность языка. На каком-то этапе народы по мере необходимости могут заимствовать какие-то слова из других языков. Это покажет лишь культурное развитие того народа, из языка которого заимствуются те или иные слова.

Ниже будут рассмотрены эти вопросы в отдельности.

Чисто теоретически имеется два способа словообразования. 1. За счет внутренних ресурсов; 2. Заимствования.

Первый способ является одним из благоприятствующих способов обогащения языка. Какой-то предмет возникает и в связи с этим появляется потребность найти название этому новшеству. Затем это слово становится необходимостью для всех носителей языка. Например, в немецкий язык слово /ba:n/ «Bahn» (дорога) перешло из английского в результате калькированного перевода слова /roud/ «road» или /wei/ «way». В связи с развитием железной дороги в немецком языке образовались новые слова с компонентом /ba:n/ «Bahn»: /ˈba:n, ho:f/ «Bahnhof» (вокзал), /ˈba:n, ʃtaek/ «Bahnsteig» (платформа), /ˈba:nʃtats, jo:n/ «Bahnhofstation» (станция), //ˈba:n, linjə/ «Bahnlinie» (железнодорожная линия). Практически можно разобраться в происхождении каждого слова. Но это особая наука, которая называется этимологией (от греческого *etymon* - «настоящий» и *logos* - «наука»). Иногда поиск этимона ведет к понятию праязыка. Но это сегодня малоэффективно, так как теорию языка интересуют, скорее всего, выявление системно-структурных особенностей языка, принципы построения речевого акта и решение прикладных задач.

Мы выше говорили о фонемной и морфемной структуре слова в различных языках. Здесь же подробнее остановимся на структурной организации слов. Естественно, что по своей

структуре слова могут быть простыми (/daʃ/ (камень), /duz/ (соль) и т.д.), производными (лексема производная, если она состоит из корневой и аффиксальной морфем. /dəmiɪr+`tʃi/ (кузнец), /baʃ+siz/ (без головы) и т.д.) и сложными. (Сложные лексемы образуются объединением минимум двух автосемантических морфем: ср.: /tozso`ran/(пылесос), /əlüzjujan/ (умывальник) и т.д.). Сложные слова обычно мотивированы так же, как и звукоподражательные слова. Например, значения слов /tozso`ran/ (пылесос), /əlüzjujan/ (умывальник) складывается из значений их компонентов. /on`ütʃ/ (тринадцать) и по форме и по содержанию сложилось от /on/ (десять) и /ütʃ/ (три). В звукоподражательных словах очевидна связь между означаемым и означающим. Однако у простых слов такой связи установить нельзя, они в большинстве случаев условные, т.е. немотивированы.

От сложных лексем необходимо отделить композиты.

Сложные лексемы организованы так:

1. Сложные лексемы состоять минимум из двух автосемантических морфем. Ср.:

нем. яз.	анг. яз.
/ˈhaos,tý:R/ «Hustür» (дверь дома)	/ˈsku:l, teɪbl/ (школьная доска)
рус. яз.	азерб. яз.
/vʌdʌprʌ`vot/ (водопровод),	/itbur`nu/ (шиповник)

2. Сложные лексемы могут состоять из нескольких автосемантических лексем. Этот способ словообразования особенно характерен для немецкого языка. Их обычно называют детерминативными словосочетаниями. В русском и английском языках более употребительны генитивные словосочетания. При этом определяемый компонент стоит после определяющего компонента, определяя все сочетание по роду, падежу и числу. А в английском языке определяемый компонент занимает препозицию. Ср.: /ˈdampf, ʃɪf fa:rtsgə.zelʃaftsdi.`rɛkto.r, ʃtɛlfɜ:tɹe:tɔr/ (заместитель директора компании по пороходству) или /ˈ>o.r ənʒən, zɑft/-анг. /oranʒ dʒuis/ (оранжевый сок).

Сочетания слов отличаются от сложных лексем тем, что в сочетаниях между компонентами можно добавить новую лексему. Ср.: в азербайджанском языке /aγ divar/ «ağ divar» (белая стена) /aγ jaraşıqlı divar/ «ağ yaraşıqlı divar» (белая красивая стена). Кроме того, лексемы одного класса могут переставляться Ср.: /jaraşıqlı aγ divar/ «yaraşıqlı ağ divar» (белая красивая стена). Подобную операцию в сложных словах невозможно проделать. Немецкое словосочетание /ˈba:n,ho:f/ «Bahnhof» (вокзал) не допустит обратного порядка, т.е. +/ˈho:f, ba:n/ невозможно.

3. Среди сложных образований особое место занимает превращение отдельных лексем в целое (Zusammenrückung). Например, в немецком языке слово /ˈʃteldiçəin/ «Stelldechein» (свидание) образовано именно таким способом. Этот тип широко распространен в немецком языке. Известный немецкий ученый Х.Мозер подчеркивает, что такие словообразования трудно поддаются какой-то систематизации.⁵

4. Предложение-мысль как целое употребляется при помощи ударения и интонации. Ср.: /di.klintonˈ`raezə in di.tʏrkae/ "Die Clinton-Reise in die Türkei" (поездка Клинтона в Турцию).

5. Композиты отличаются от непосредственно составляющих тем, что первые образуются из двух самостоятельных морфем или словосочетаний. Их называют часто координативными составами, где каждый компонент характеризуется самостоятельностью. Ср.:

азерб.	нем.
/ʃair-müyənni/ «şair-müğənni»	/diçtər -zeŋər/(поэт-певец)
(поэт-певец)	

Компоненты координативных композитов соединяются копулятивной связью, произносятся относительно свободно, каждый из которых имеет свое ударение. Компоненты опулятивных композитов характеризуются равноправностью. Семантическая зависимость компонентов определяется их местом в составе композита. Такого рода композиты Д. Клеман (1943) объясняет их образованием в ad-hoc, т.е. мгновенное образова-

ние для выражения различных семантических оттенков.⁶ Координативные композиты имеют место в собственных именах, названиях городов и улиц. Ср.: /ˈba:dən-ˈvʏrʁtən,bɛrk/ «Baden-Württemberg» (Земля Баден-Вюртенберг), /ˈfri:drɪç ˈʃɪlɐ, ʃtra:sə/ «Friedrich Schiller – Straße» (Улица Фридриха Шиллера)

Мгновенные образования постепенно входят в лексикон языка. Например, выражение /7+1 переговоры/ обозначает встречу семи промышленно развитых стран и России. Иногда компоненты настолько далеко уходят от своих первичных значений, что даже очень трудно восстановить ассоциацию с первичным значением. В сложном слове /blaɛftɪft/ «Bleistift» (карандаш) мало кто найдет связь с материалом из мели, потому что оно выражает совершенно новый денотат, его компоненты полностью окаменелись.

По характеру своих компонентов композиты можно делить на две группы:

1. Лексема+композит. Ср.: /ˈdampf+ˈʃɪf,fa:rt/ «Dampfschiffahrt» (пароходство).

2. Композит+композит. Ср.: /ˈraen,dampf+ˈʃɪf,fa:rt/ «Reihndampfschiffahrt» (пароходство по Рейну).

Изучая словообразование в языке, известный лингвист Э.Косериу указывает на три типа словообразования.⁷

1. Композиты. Здесь участвуют две или более двух лексем. При этом из них одна, как правило, последняя, определяет, какой части речи относится данный композит. /das ˈʔaoto.+di., ba:n/ → /di. ˈʔaoto., ba:n/ (автомобильная дорога).

2. Производные слова, которые образуются с опорой на одну лексему с помощью дополнительной морфемы. Но здесь разряд слова изменяется: /zelˈonɪj/ → /ʌzˈelˈenˈɪt/ (зеленый-озеленить).

3. Модификация. Это тоже опирается на одну лексему, но с прибавлением морфемы разряд слова не меняется. Ср.: /padʌt/ → /nʌrʌˈdat/ (падать-нападать).

Особые группы образуют аббревиатуры и контаминации. Обычно выделяются следующие типы аббревиатур: 1) аббревиатуры, образованные из первых слогов. Ср.: /azərnəʃr/ (Azərbaycan Nəşriyyatı), /demblok/ (demokratik blok) и т.д.; 2) образованные из первых графем слов, входящих в состав аббревиатуры, причем каждая графема озвучивается. Ср.: /Beem`te/ (BMT-Birləşmiş Millətlər Təşkilatı), /bedeu/ (Bakı Dövlət Universiteti) т.д.; 3) образованные из первых фонем. Ср.: /At`ət/ (Avropada Təhlükəsizlik və Əməkdaşlıq Təşkilatı) и т.д.; 4) сложные сокращения. Здесь берется первый слог первого компонента и второй компонент полностью. Ср.: /gaz`dumΛ/ (Госдума), /mɑssΛ`v`et/ (Моссовет) и т.д.

Кроме того, несколько слов, сочетаясь по правилам данного языка, образуют идиомы, поговорки, пословицы, фраземы, т.е. фразеологические единицы.

К контаминации относится соединение двух простых слов в виде новообразования. Ср.:

^dɛŋlɪʃ/”denglish”(deutsch+englisch),
/mo.`tɛl/”motor”(Motor+Hotel) и т.д.

В последние годы интенсивно изучаются отдельные части речи, в том числе глаголы с учетом функции префиксальных морфем. На некоторых из них хотелось бы здесь остановиться. Префиксы, при помощи которых образуются новые глаголы, могут обозначать следующие значения действия:

1. Префиксы, обозначающие направление действия: /idt`i/ (идти), /vxld`it`/ (входить), /vix ld`it`/ (выходить) и т.д.

2. Префиксы, обозначающие вид и начало действия: /`stáend ʌp/, /`>aof,ʃte:ən/ (вставай) и т.д.

3. Префиксы, обозначающие ограниченное время действия:

а) конгрессивные (инхоативные) префиксы, обозначающие начало действия: />ɛr`vaxən/ ”erwachen” (просыпаться) и т.д.

б) префиксы, обозначающие конец действия, т.е. результативные префиксы: /ˈaʊf,ʌsən/ "aufessen" / (съесть), с тем же значением английский глагол: /tu ˈi:t ʌp/ и т.д.

14.4. Критерии группировки лексем. Современная лингвистика при определении классов лексем исходит не из изменяемости/неизменяемости, семантики и способности слова быть членом предложения, а из дистрибуции, под которой понимается употребление единицы во всех фонетических и морфологических окружениях. Лексемы с одинаковой дистрибуцией относятся к одному классу лексем. Теперь мы говорим не о группах слов, а дистрибутивных классах лексем, принадлежность к одной дистрибуции проверяется на уровне парадигмы субституцией. Например,

/de.r tɪʃ ɪst rʊnt//	(стол круглый)
/ de.r baʊm ɪst rʊnt//	(дерево круглое)
/----- klaen//	(-----маленькое)
/-----gro:s//	(-----большое) и т.д.

Видно, что / de.r/ встречается перед именами. На его месте может употребляться / aen/, /maen/, /daen/ и т.д. Такие слова, которые определяют существительные, называются детерминативами. Все они заменяют друг друга на месте синтаксических связей и смысл предложения не нарушается. Таким способом можно определить дистрибуции всех лексем языка.

Слово служит выражению того, что находится за пределами языка. Это обычно называется референт. Победитель Вены и потерпевший поражение в битве под Ватерлоо один и тот же человек, сам Наполеон, но их значение разное. Поэтому более приемлемым можно считать определение слова, данное Э.Косериу: значение есть содержание, данное только в одном языке, а выражение то, которое присуще предмету или вещи, которые находятся за пределами языка.⁶

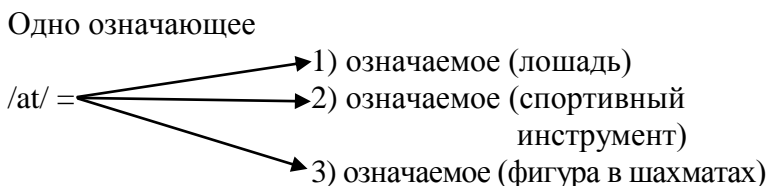
Известно, что Ф.де Соссюр вводил понятие значимости (valeur), для определения которой необходимо удовлетворения двух условий: 1. Кроме предмета, значимость которого хотим

определить, должно быть еще один предмет, с которым он мог бы обменяться. 2. Необходимо наличие подобных нашему предмету предметов, с которыми мог бы сравнивать наш предмет. Например, 5 долларов, которые можно обменивать с хлебом или с другими купюрами в системе данной валюты: 1, 2, 10 \$ и т.д. Или возьмем /e: / и /ε / в немецком языке. Эти гласные фонемы подвергаются большой вариативности, они могут быть назализованы: /_ẽ_/ и /_ĕ_/ . Но во французском языке эти гласные не могут сильно назализоваться, ибо тогда они вторгались бы в систему гласных фонем, где имеется самостоятельная гласная фонема /ẽ/. Таким образом, у Ф.де Соссюра сигнификация соответствует выражению, значение -valeur.

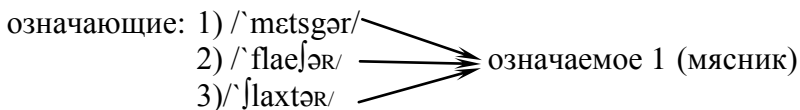
Денотативное и коннотативное значения. Денотация слова, отличаясь от побочных значений (эмоциональное значение, абстрактные явления и процессы), является содержанием понятийного значения, т.е. при денотации не принимаются во внимание смысловые нюансы и оттенки, она относится к непосредственному понятийному значению. Коннотативное значение же выражает побочные значения, которые сопровождают основное конотативное значение. Например, /rak/ (рак) обозначает болезнь со всеми своими симптомами, определяемая объективно (денотация), в то же время она выражает ряд переживаний и оттенков, связанных с этой болезнью. Все эти дополнительные нюансы и оттенки, не связанные с предметным значением, следует определить как коннотативное. Денотат – это предмет, к которому реферирует знак. Следовательно, слова с конкретным предметным и абстрактным значениями, являются самостоятельными или автосемантическими лексемами. Ср.: /stol/ (стол), /'n'enʌv'ist'/ (ненависть), /b'elɨj/ (белый), /spat'/ (спать), /sorak/ (сорок) и т.д. Так называемые функциональные слова же (союзы, предлоги, послелого, артикли и т.д.) не имеют своего денотата, но играют решающее значение при формировании предложений, сверхфразовых единиц и текста. Именно поэтому функциональные слова высокочастотны. По последним

данным, в современном немецком языке насчитывается 200 функциональных слов, а в английском языке их 154⁹.

Членение лексикона языка можно произвести, исходя из противопоставления означающего и означаемого. Слова могут иметь разные значения. Они могут быть омонимами, синонимами, антонимами и многозначными. Омонимы имеют место, когда формально одинаковые лексемы выражают разные значения. Ср. азерб. /top/= 1) орудие; 2) мяч и рус./kl'ut'/ =1) ключ к двери; 2) источник. А окончание /-ə / в немецком языке может быть примером грамматической омонимии. Ср.: /hundə/ (собаки, окончание мн. числа), /e:zə/ (окончание, лица), (er) /ke:mə/ (окончание лица имперфекта) и т.д. Схематически это можно выразить так:

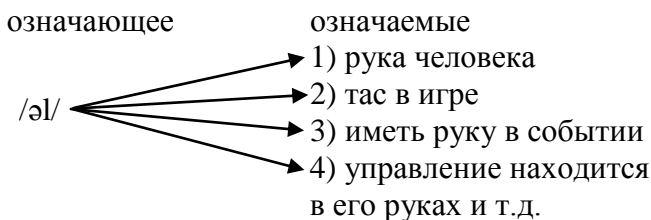

Синонимы являются разными словами с одинаковым или сходным значением. Ср.: в немецком языке: /ˈzams,tɑ:k/: /zɔna:bənt/ (суббота). В языке не бывают абсолютных синонимов. Но в синонимическом ряду одна лексема может употребляться на месте другого. Такую лексему называют доминантом. Например, в немецком синонимическом ряду /ˈmɛtsɡər: ˈflæʃər-ˈʃlaxtər / (мясник) второе слово является доминантом, потому что оно может употребляться на месте других в любой речевой ситуации и нарушения коммуникации не будет. Схематически это можно изобразить так:

Антонимы – это противоположные по значению слова. Ср.: в русском языке: /bɫɫ'ɔj/: /mal'en'k'ij/ (большой-маленький) и т.д. Антонимы могут быть связаны с расстоянием (/uzax-jaxɪn/(далеко-близко)), пространством (/uzun-gısa/ (длинный-короткий)), временем (/gedʒə-gündüz/ (ночь-день), с трудовой деятельностью /jazmax-rozmax/ (писать-стереть)) и т.д.

Многозначные слова, несмотря на свою фонетическую идентичность, выражают разные значения. Ср.: /aʃax/ ”ayaq” (нога человека и стола). При полисемии речь идет о переносе значений либо по функции (ключ к двери и в смысле источника), либо по сходству (нос корабля и человека). Многозначность можно изобразить так:

При полисемии мы имеем дело всегда с одной и той же морфемой, а при омонимах корни могут быть связаны с разной этимологией. Ср.: в рус. языке /brak/ (институт семьи) и /brak/ (брак) заимствованный из немецкого языка и означает некачественный продукт.

В отличие от названных выше групп слов различается еще одна группа, которую называют паронимами, под которыми понимаются слова с одинаковым значением, но различные в фонетическом отношении как в различных языках, так и в одном и том же языке. Ср.:

нем.	анг.
/ˈzɔmɛʀ/”Sommer” (лето)	/sʌmɛr/”Summer”(лето) ⁷

14.5. Изменения значений слов. Изменение происходит в основном в семантическом отношении. Это является объектом диахронной лексикологии. Но мы попутно остановимся на некоторых вопросах изменений значений лексем. Здесь можно выделить следующее:

1. Расширение значения. Во французском языке слово «arrive» и стало употребляться в английском языке как /ə'raɪv/ «to arrive» (прибытие конкретного вида транспорта или человека), которое восходит к латинскому «adripere», что означало прибытие к берегу.

2. Сужение значения. В английском языке слово /lɪndəteɪkə/ означало «предприниматель», сегодня же употребляется в значении владельца похоронного бюро.

3. Улучшение значения. Слово «министр» означало во французском и немецком языках «слугу», а теперь оно означает высокий пост в правительстве. Или слово «маршал», которое первоначально означало «конник», а теперь высокий военный чин.

4. Ухудшение значения. Это обратный путь от третьего. Например, слово /vɪ:p/ «wɪb» означало «женщину», сегодня это слово звучит как /vaɪp/ и обозначает «шлюху».

При рассмотрении лексикона языка необходимо несколько слов сказать о дублетах, под которыми понимается два разных по фонетическому облику слова, но одинаково происхождения. Например, из латинского слова «causa» произошли дублеты /tʃu:z/ «choose» (выбирать) и /kɔ:z/ «cause» (причина, основа). При этом /tʃu:z/ является словом-наследником. Оно происходит из древнефранцузского языка, претерпевая фонетическое изменение, тем сам отошло от первичной фонетической формы. Второе же заимствовано французским языком из латинского языка в XVI веке. Когда говорят о дублетах, выделяют исконное слово, заимствование, унаследованное от праязыка слово-наследник и интернационализм, а также трансфер слов в виде калькированного перевода.

Например, сегодня мы в азербайджанском языке употребляем /uʏur/ (qazanmaq-исконное), /müvəffəgiyət/ (qazanmaq-арабское), /nail/ (olmaq-персидское) и /ʃans/ (qazanmaq-интернациональное) все в значении «удачи». Или сегодня в азербайджанском языке широко употребляются такие дублиеты как /kon`trakt/ (контракт), /mügavilə/ (договор), /razılaşma/ (согласие). В добавок к этому в политическом смысле употребляется еще и /sazi/ (конвенция). Конечно, в этом синонимическом ряду одна лексема, а именно /razılaşma/ (согласие) является нейтральной. Но об абсолютной нейтральности речи не может быть.

Заимствования, как отмечалось выше, бывают полностью освоенными и фонетически, и морфологически и не освоенными. Например, в азербайджанском языке слово /`taɾʃal/ можно считать морфологически полностью освоенным, так как оно может быть основой новых образований. Кроме этого, оно входит в парадигму словоизменения этого языка. Но с фонетической точки зрения оно сохраняет акцентологическую характеристику языка, из которого оно заимствовано, т.е. из русского языка. В русском языке, например, слово /film/ является полностью освоенным, в то время как /kino/ (кино) пока еще не освоено. Однако, это вовсе не значит, что русский говорящий не может определить принадлежность его к той или иной парадигме. В этом ему помогают не парадигматические, а синтагматические особенности. Ср.:

/k'ino ʌbʌʃlos`jemu ``dorʌgʌ// (Кино обошлось ему дорого) или /xʌloʃʌje k'ino fs'egdʌ ɾɾ'ivl'ekajet// (Хорошее кино всегда привлекает) и т.д.

Возникновение в языке нового слова зависит от потребности общества удовлетворить возросшее требование ежедневной коммуникации. Сегодня ежеминутно образуются новые слова, поэтому лексикон языка образует открытую систему. Например, в азербайджанском языке по модели «корневая морфема+четырёхвариантный суффикс /-tʃ⁴/» имеется достаточно много слов. Даже в последнее время появились такие неологиз-

мы как /sol+tʃu/ "solçu" (политик с левым взглядом), /söz+tʃü / (спикер или представитель прессы какой-то структуры) и т.д. Наряду с этими словами, которые образуются за счет внутренних ресурсов языка, в языке появляются новые слова для обозначения вновь созданных денотатов или референтов, которые заимствуются языком вместе. Например, в нашем языке есть слово /fəza/ "fəza" (космос), которое обозначает космос. Но когда человек полетел в космос, мы для обозначения этого денотата выбирали именно интернационализм /kosma`nəft/, а не /fəza`tʃu/, хотя выбору последнего ничего не препятствовало, разве только кроме его непривычного звучания для азербайджанского уха.

Все заимствования можно подразделять на три группы:

1) иностранные слова, которые осваиваются заимствующим языком фонетически и морфологически, однако этимология сохраняется. Это выражается в необычном для заимствующего языка сочетании фонем или ударении. Ср.: в азербайджанском языке слова французского происхождения: /resto`ran/ (ресторан), /sɪmpatiya/(симпатия) и т.д.

2) интернационализмы, которые одинаково употребляются во многих языках. Ср.: /büro/, /ofis /, /fudbol/ и т.д.

3) слова, образованные вследствие калькированного перевода. Ср.: /göjdələn/ «göydələn» (небоскрёб) из английского /skai/ (небо) и /skreiper/ (скреп).

Наряду с этими в последнее время очень много слов образуется при помощи префиксов /psevdo/ (рус.: /ps`evdʌrʌtri`ot/ (псевдопатриот)), /super/ (ср.: азерб. /supermarket/ (супермаркет)), /mini/, /makro/(mini- və makroiiktisadi`yat/ (мини- и макроэкономика)), /neo/ (ср.: азерб./neofəʃizm/ (неофашизм)), /anti/ (ср.: азерб. /antifeo`dal/ (антифеодальный), а также суффиксов /ist/ (ср.: рус. /kapita`list/ (капиталист), /ent/ (ср.: нем. /stu.`dent/ (студент) и т.д.

14.6. Гнездо или семья слов. Группировка слов базируется на этимологических, семантических и фонетических критериях. Хотя эту идею связывают с именем немецкого лингвиста

та Й.Триира, она восходит к концепции содержательной грамматики Л.Вайсгербера.¹¹ Суть этой теории в том, что подобно тому, как в коврах и палатах имеются повторяющиеся мозаики и рисунки, в языке тоже можно найти гнезда слов по сходству фонетических и семантических признаков. Эту теорию принято называть теорией словесного поля. Наглядно это можно проиллюстрировать так:

друг	знакомый
друг	знакомый
приятель	коллега или

Как видно, мы выделили два поля, одно связано с дружбой, второе со знакомством.

Слова, выражающие сходные значения в языке, конечно, в какой-то степени перекрещиваются: друг, товарищ, потом знакомый, коллега и т.д. Из этой схемы видно, что у каждого слова есть свой диапазон употребления, но это не исключает вход какого-то слова в диапазон другого. Значит, возможно не только парадигматическое, но и синтагматическое структурирование слов. При построении предложения выбираем не только подходящее слово из одной парадигмы, но и по семантической солидарности. Ср.:

/Вчера (позавчера) мы (они) видели (смотрели) этот новый (старый) фильм//.

В скобках указаны парадигматически возможные коммутации и субституции. То, что в скобках даны другие варианты, это свидетельствует о возможной коллакации или, выражаясь термином Э.Косериу¹², лексической солидарности. Вместе новый (старый) мы не можем сказать сладкий фильм.

		Ev (дом)	
Evli (женат)	evdar	evsiz	evcik
	(хозяйственный)	(без дома)	(домик)
evlänmək	evdarlıq	evsizlik	evciyim (мой)
(жениться)	(хозяйство)	(бездомность)	домик) и т.д.

В этом гнезде /ev/ является головным словом. Остальные же являются членами этого гнезда. При группировке отношения гиперонимические (общее название, например, птица) и гипонимические (категориальное обозначение, например, утка) играют важную роль. В последние десятилетия в лингвистике появились очень много исследований по семантической классификации различных частей речи (например, глаголы говорения, мышления и т.д.) и по компонентному анализу семантики слов языка. При компонентном анализе значение лексемы определяется совокупностью семантических признаков или маркеров. Инвентарь признаков зависит от слов, привлекаемых к анализу. Говоря другими словами, при анализе семантики слов применяется дихотомический метод, заимствованный из фонологии. Возьмем лексемы /дорога/, /улица/, /тупик/ и /дом/ и проанализируем их по признакам «большой+» и «маленький-», тогда получим следующую таблицу:

	улица	тупик	дом	избушка
дорога	+	+	-	-
больш.	+	+	+/-	-
маль.	+	+	-/+	+

Таким образом, мы можем сложить признаки, свойственные тем или иным словам, тогда получим совокупность наличия (+) или отсутствия(-) признаков. Лексема /улица/ имеет, например, признаки «дорога»(+), «большая»(+), и «маленькая»(+). Напротив, «избушка» это «не дорога»(-), «не большая», она только «маленькая»(+).

Мы должны еще коснуться семантического треугольника, который изучает семантику языкового знака. Прежде всего остановимся на семном анализе лексем. Мы частично затронули вопрос об анализе по семантическим признакам. Начиная с Л.Ельмслева принято выделить минимальный признак семантической стороны знака, называя его семой. Например, /'fa:r. ra:t/ “Fahrrad” (велосипед) состоит по этой теории из следующих сем: «средство транспорта» + «приводимое в действие но-

гами»+ «двухколесный»+ «носящий человека». Как при фонемном анализе, здесь тоже замена одной семы другой дает новое слово. Работающий с мотором будет мопед, а четырехколесный будет автомобиль. Аналогичное возможно сделать на грамматическом уровне. Например, в немецком высказывании /(Er) za:kt/ (Он говорит) /t/ является трехсемным элементом: третье лицо, ед. число и наст. время. Когда контекст меняется и мы употребляем /(Ihr)za:kt/ (Вы говорите) семы заменяются и выражают второе лицо мн. числа наст. времени.

Отметим, что семантика знака в современной лингвистике относится к очень интенсивно разрабатываемой проблеме, при этом треугольник Ч.Огдена (1889-1957) и И.Ричардса (1893-1979) принимается очень многими современными исследователями.¹³

14.7. Литература и замечания

¹ Fries Ch. The Structure of English. London, 1957

² Щеба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1979, стр. 77-100

³ Bloomfield L. Language. N.York, 1933; E.Nida. Morphology. The Descriptive Analysis of Words. A,13, Ann-Arbor, 1978

⁴ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956

⁵ Moser H. Triebkräfte im Sprachgeschehen der Gegenwart. In: Deutsche Sprache der Gegenwart. Ausgewählte Texte für den Unterricht. Stuttgart, 1977

⁶ Clement D. Linguistisches Grundwissen. Grammatik. Darmstadt, 1996

⁷ Coseriu E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen, 1988. Отметим, что этот труд переведен нами на азербайджанский язык. Bakı, 2006

⁸ Coseriu E. Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik. München, 1970, s. 105

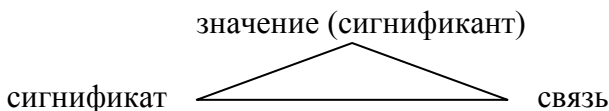
⁹ Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1958, s.177; Leisinger F. Elemente des neusprachlichen Unterrichts. Stuttgart, 1966, s.44-45.

¹⁰ Veysəlli F. Dilçilik ensiklopediyası.II cild, Bakı, 2008, s. 57-153

¹¹ Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Geschichte eines sprachlichen Feldes. Berlin, 1931; Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962

¹² Coseriu E.Lexikalische Solidaritäten.In „Poetica“; I; 1967, s. 293-303

¹³ Veysəlli F. Struktur dilçiliyin əsasları. Studia Philologica. III, Bakı, 2009; он же: Semiotika. Studia Philologica. IV. Bakı, 2010. Мы в разделе «Семантика» будем подробно останавливаться на учении о лингвистической семантике. Здесь же ограничимся лишь тем, что приводим семантический треугольник, который Дж. Огден и Дж.Ричардс впервые применяли в 1923 году: Ogden Ch., Richards J. The Meaning of the Meaning. London, 1923

14.8. Вопросы по четырнадцатой главе

1. Какие отрасли языкознания занимаются учением о слове?
2. Какими особенностями характеризуется лексема?
3. Сколько частей речи выделялись в традиционной лингвистике?
4. Каковы определения автосемантических и синсемантических лексем?
5. В чем суть теории Й.Триира?

6. Можно ли говорить о системности лексического уровня?
7. Чем отличается семный анализ от компонентного анализа?
8. На каких критериях базируется группировка слов?
9. Что такое симметрия и асимметрия на уровне лексем?
10. Чем вызваны изменения значений слов в языке?

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдуллаев К. - 2
Аделунг Г.-30
Адмони В.Г.- 48, 51
Алекберли Г.- 120
Алпатов В.М. - 43
Аристарх - 26
Аристотель-16, 26
Арно А. - 30, 48
Ахмедов Дж.С. - 292, 298
Ахундов А. - 49

Б

Бабаева Дж. - 168, 169
Балли Ш. - 35
Бартшафт М. - 93
Бенвенист Э. - 55, 60, 66, 67, 84, 103
Бенджамин С. - 85
Бергсвейнсон Г.Ю. - 243
Бернштейн С. - 252, 275
Бирвиш М. - 227, 248
Блумфильд Л.- 19, 22, 102, 103, 104, 120, 215, 233, 275, 323
Блох А. - 239
Бодуэн де Куртенэ И.А. - 30, 34, 35, 44, 45, 49, 61, 63, 72, 90, 93, 94, 95, 97, 108, 109, 111, 116, 119, 120, 121, 123, 144, 151, 165, 170, 191, 246, 251, 252, 253, 254, 275, 276
Бондарко Л.В. - 200
Бопп Ф. - 31, 87
Боост К.- 237
Бюкс В. - 25
Брендаль В. - 99

Брока Р. - 21
Бругман К. - 43, 90, 254, 276
Брызгунова Е.А. - 241, 250
Буланин Л. - 168
Буранов Дж. - 93
Бюлер К. - 96, 119

В

Вайл Г. - 98
Вайсбергер Л. - 34, 43, 105, 106, 107, 120, 323
Вандриес Ж. - 32
Варрон М. - 27
Вахек И. - 96, 232
Вейсалова В. - 158, 169
Вейсялли (Вейсалов, Ядигяр) Ф. – 22, 42, 43, 44, 86, 120, 168, 184, 185, 191, 201, 215, 247, 248, 250, 276, 295, 297, 326
Вербицкая Л.А. -155
Вернер К. - 88, 184
Вернике Х.- 21
Винклер Х. - 238
Винокур Г.О. - 96
Винтелер - 142
Водарц - 238, 239

Г

Гак В. - 93
Гасанов А. - 186, 200, 201, 207, 216
Гвоздев А. - 228, 241, 248
Гегель Г. - 31
Гелийский П. - 27
Гелмгольц Г. - 137
Гердер Й. - 30, 31, 43
Гермоген - 16
Герман - 138

Гете Й.В.фон - 70
Гигерих Г. - 201, 216
Глисон Г. - 85, 102, 103, 104, 119, 232, 234, 249
Граммон М. - 194
Гримм Я. - 31, 42, 47, 87, 187
Грима Х. - 225, 226, 227, 228
Гренбек К. - 170, 246
Грузча - 297
Гумбольдт В.фон - 30, 31, 34, 43, 44, 105, 107
Гусейнзаде М. - 49
Гуттенберг Й.- 30

Д

Данеш Ф. - 230, 232, 233, 249, 250
Дарвин Ч. - 32
Дельбрюк Б. - 45, 46, 89
Декарт Р. - 18, 19, 21
Дискол А. - 26
Диярбекир А. А. - 29
Джоунз Д. - 96, 238
Джунусбеков А. - 246, 247
Джуус М. - 277
Донат - 27
Дорошевский В. - 96
Дуден К. - 204
Дукельский - 156

Ж

Жирмунский В.М. - 44, 49

З

- Заменгоф Л. - 43
Зибс Э. - 60, 61
Зигурд Б. - 184
Зиндер Л.Р. - 49, 120, 153, 154, 205, 215, 289, 241, 249, 250
Златаустова Л.В. - 216
Зубатов И. - 96

Е

- Ельмслев Л. - 100, 101, 102, 119, 120
Есперсен О. - 35, 200

И

- Ибн Сина - 65
Исаченко А. - 49, 96, 233, 240, 241, 249

К

- Кандильяк – 20, 27
Казымбек М. А. - 49
Карцевский С. - 96, 231, 237, 248
Касевич В.Б. - 69, 85, 292
Катц Дж. - 65, 84
Кашгари М. - 29, 44, 93
Квирк Р. - 50
Клеман Д. - 325
Климов Г.А. - 275, 276
Косериу Е. - 76, 182, 185, 277, 314, 323, 325, 326
Кристалъ Д. - 298
Кузнецов П. – 243, 252

Курилович Е. - 252, 275

Л

Лайонз Дж. - 50

Лансло К. - 30, 49

Лейбниц Г.- 18, 19, 66

Лескин А. - 43

Локк Дж. - 18, 19

Лотман Ю. - 24

М

Мамедов А. - 2

Македонский А. - 26

Мамелкулиев Дж. - 169

Мартине А. - 96, 113, 217, 234, 243, 251,

Марчук Ю. - 85

Маслов Ю.С. - 48, 49, 66, 67, 84, 180, 255, 263, 267, 276, 277,
298

Матезиус В. - 96, 98, 240

Мейе А. - 33

Мерсин - 18

Мещанинов И.И. - 276

Мозер Х. - 313, 325

Мусаев (Мусаоглы) М. – 42, 46, 85, 91, 93, 248

Мясников Л.А. - 143,169

Н

Найда Е. - 264

Нарр Б. -184

Низами - 70

Новак - 98

Норинага М. - 28

Норк О.А. -232, 241, 242, 243, 244, 245
Норен А. - 276

О

Огден Ч.- 326
Остгоф Г.- 43, 90, 254, 276
Остин Дж. - 46

П

Павлов И.П. - 41
Павлова Л.П. - 200
Пайк Ч. - 175, 187, 233
Панини - 24, 25, 77
Пандура Л.Э. - 30
Паллас П.С. - 30
Пауль Г. - 34, 37, 51, 87, 89, 99
Пешковский А.М. - 58, 96, 228, 248
Пиаже Ж.- 21, 28, 51
Пильх Х. – 212, 240
Пирс Ч.- 71
Платон - 16, 21, 62
Поленц П.фон - 93
Поладова С. - 169
Поливанов Е. - 96
Потебня А.- 33
Поттер С.- 93
Присциана - 27

Р

Раск Р. - 33, 87
Расулзаде М.Э. - 301,

Реформатский А.А. -50, 109, 120, 164, 165, 249
Робинс К.А. - 21
Родман Р. - 86
Ромпортл М. - 232, 238
Ричардс Ч. - 325, 326

С

Себеок Т. -23
Светазарова Н.Л. - 217, 245
Свит А. - 238, 254, 275
Сибавейхи - 28
Сиверс Э. - 111, 141, 168, 236, 250
Скалигер И. - 30
Скаличка В. - 98, 277, 296
Слайп Т. - 85
Смирницкий А.М. - 215, 216, 310, 325
Соломоник А. - 22
Сократ - 16
Соссюр Ф.де - 3, 20, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 49, 52, 56, 57, 61,
65, 66, 71, 72, 73, 86, 95, 96, 101, 117, 120, 170, 317
Сьерл Дж. - 46, 66, 84
Сэпир Э. - 56, 60, 131, 102, 107, 119
Сешэ А. - 35

Т

Тахмазова М. - 169
Толстой Л. - 70
Токиэда М. - 27
Томашевский Б.В. - 96
Торсуев Г.П. - 241
Триир Й. - 307, 323, 326
Трнка В. - 96
Трубецкой Н.С. - 96, 97, 110, 119, 120, 143, 160, 161, 164, 165,
167, 170, 171, 193, 201, 231, 232, 233, 239, 250, 279, 281, 298

Туси Н.- 64, 65

Ш

Шахматов А. - 50

Шеннон К. - 82

Шень С. - 27

Шекспир В.- 70

Шедлих Х. - 234, 240, 241, 250

Ширалиев М.- 300

Шлайхер А.- 33, 87, 90, 254

Штейнталь Х.- 32

Щ

Щерба Л.В.- 46, 47, 55, 73, 78, 96, 111, 115, 118, 120, 131, 154,
160, 174, 177, 186, 195, 208, 216, 229, 230, 231, 232, 244, 250,
252, 255, 305, 308, 325

Щербак А.М. – 247

У

Уилкинс Дж. - 8

Унгехойер Г. - 60

Уорф Б. - 107

Х

Харрис З. - 102, 103, 253

Хинце Ф. - 254

Хомский Н. - 3, 9, 21, 47, 49, 57, 68, 69, 104, 120

Хокетт Ч.- 102, 103

Хьюм -18

Ф

Фирузбади Аль – 28
Фослер К.- 119
Фортунатов Ф.Ф.- 107, 305
Фракийский - 27
Фриз Ч. - 307, 325
Фромкин В. - 85

Э

Эрбен Й.- 326
Эссен О.фон -238, 238, 240, 243, 245, 251
Царике Ф. - 43
Цезар Ю - 30

Ю

Юрвишин Ю.Ю. - 70

Я

Якобсон Р. - 96, 143, 209, 210, 211, 217, 281
Яглом А.- 85
Яглом И.- 82, 85

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- аббревиатура 315
- аблаут 77
- абстрактные слова 309
- автоматическое чередование 285
- автономность 115, 159
- автосемантические лексемы 206
- адаптация 33
- адвербальные элементы 222
- адекватный перевод 301
- аккадский язык 42
- акусма 281
- акустико-артикуляторные 114
- акустический анализ 137
- акустический аспект 135
- акустический коррелят 155, 218
- акустический эффект 123
- акустическое сходство 253
- акцентологическое описание 209
- аллолексемы 302
- алломорфемы 262
- алломорфизм 285
- аллофонема 180, 181
- аллофонемное чередование 186
- аллофоническое варьирование 270
- аллофоны 114
- альтернация 186, 253
- амальгамированные морфемы 266
- амплитуда 136
- аналитические морфемы 273
- антикаденция 233
- антонимы 300, 318, 319

антропология 107
антропофонетика 123
апшерцепция 33
арбитрерность 38
артикульторная фонетика 74
архифонема 167
аспирация 130
атомизм 64
атрибутивныe элементы 222
аффиксы 256
аффрикаты 130,131

базисный элемент 256
беглая речь 151
безударная позиция 134
безударные 206
безударный слог 209
бемольные 147
бинарная оппозиция 240
бинарный принцип 151
бихейвиористическая психология 102
боковой 127
брехунг 77, 189

валентность 275
варианты 108, 178
вариация 108
варьирование фонем 150, 170
вводные слова 308
вдох 74
веляризованность 152

вербоиды 308
взаимозаменяемость 40
вибрирующие 131
визуальный источник 56
внешняя флексия 263
внутренняя флексия 257, 263
возвратная форма 295
вокализм 166
воспринимать 54
восходящий дифтонг 134
врожденная компетенция 21
вспомогательные слова 256
встречаемость 83
вторая степень редукции 110
выдох 74
высказывание 217

гармония гласных 29
генезис 35
генетив 59
генетивные словосочетания 312
гиперонимические 324
гипономические 324
глагол 24, 27, 256
гласные 27, 144, 240
глоссематика 95, 99
глоттализованность 146
глубинная структура 69
глухие 109, 140
глухой 146
голос 126
голосовые связки 20, 126, 135, 140
гомогенные согласные 194

гортань 20
градуальные оппозиции 161
грамматика 77, 107, 236
грамматическое значение 273
графема 82, 310
громкость звука 136
губная гармония 221
губные гласные 260

дательный падеж 151
датив 59
движение тона 237
двойное членение 79
двувершинность 217
двусторонняя единица 255
двуфокусные согласные 129
дейксис 309
декодировать 54, 80
делабиализация 247, 303
делимитативная функция 209, 218
демаркационная функция 209, 218
денотат 38, 256, 261
денотатное значение 290, 311
деривативная форма 218
деривационные 290
дескриптивизм 102
детерминативы 308
детерминация 101
дефиниция языка 32
диалектный вариант 179
диахронистическое языкознание 59
диахрония 36
диахронная лингвистика 50

динамическое ударение 208
дисконтинуативный 284
дискурс 67
дискурсивный уровень 66
дистантные морфемы 266
дистинктивная функция 209, 210
дистинктивные 109
дистрибутивные отношения 174
дистрибуционализм 253
дистрибуция 316
дифтонги 134
дифтонгоиды 135
дифференциальный признак 67, 143, 152
диффузность 146
дихотомическая теория 138
дихотомический метод 324
длительность 245
доминант 318
дублеты 263
дыхательные органы 74
дыхательный путь 20

единица 40, 87
единица языка 71
единственное число 290

живая речь 303

зависимые 257
заднеязычные 284
заимствование 309

закодирование 80
закон завершения 235
закон каденции 218
закон коартикуляции 155
закон сингармонизма 292
законченность 237
затакт 242
заударная позиция 178
заударный 239
звонкие 109, 129
звонкие согласные 140
звонкость 143, 151
звук 74, 181
звуковая оболочка 183
звуковая сторона языка 72
звуковая субстанция 208
звуковая форма 31, 37
звуковой материал 208
звукопроизводство 38
звукотип 155
звукоэталон 155
звучание 90
знаковая природа языка 55
знаковая теория 38
знаменательные лексемы 306
значение 104
зондергласный 219, 223

идентификация 253
идиомы 301
избыточность 81, 83, 84
избыточные средства 288
изоглоссы 300

изоморфные явления 89
имманент 38
имя 24
инвариантность 287
инварианты 102
инвентарь фонем 173
инвентарь языка 281
ингерентные признаки 232
индивидуальный вариант 179
индуктивные методы 102
интегральный признак 152
интенсивность 218, 245
интернационализмы 304
интерпретант 71
интерфиксы 267
интонационная система 217
интонационная структура 222, 243
интонационное выражение 228
интонационное членение 245
интонационные единицы 235
интонационные контуры 235, 237
интонационные универсалии 225
интонационный рисунок 233
интонация 77, 217, 227, 228, 230, 240
интонация языка 217
интонома 67, 230
инфиксы 267
информатизация 70
информация 68, 230, 231, 232
инхоативные 316
искажение 84
исконные слова 309
историческая фонетика 141
историческое чередование 188

каденция 219, 224, 233
кардинальные гласные 133, 140
картезианцы 18
категоризация 305
категория падежа 100
качественная редукция 209
квазиомонимы 108
кимографы 137
кинема 281
кликсы 131
кнаклаут 97
когнитивная деятельность 21
код 80
количественная редукция 209
количественное ударение 208
коллакация 323
комбинаторика фонем 170
комбинаторные изменения 208
коммутация 102, 323
компактность 146
компетенция 21
композиты 312-314
конвенционалисты 15
конвенциональность 62
конвергенция 264, 271
конверсия 304
коннотативное значение 300, 317
конситуация 222
константный 38
конstellация 100, 101
конститутивная функция 204
контаминация 315
контекст 222

континуативный 284
контраст 57
контрастивное языкознание 49, 73
конфиксы 266
конфронтативное языкознание 49, 73
кончик языка 127
конъюнкция 102
координативные композиты 314
корень 301
корневая морфема 260, 262, 265
корневой слог 211
коррелятивные 164
крылатые слова 29, 201
кульминативная функция 209

лабиальная корреляция 165
лабиальные гласные 303
латеральный 127
левое полушарие 20
лексема 67, 182, 253, 258, 312
лексематика 77, 300
лексематический уровень 66
лексемный уровень 52
лексикология 300
лексикон 309
лексическая солидарность 323
лексические морфемы 257
лексический состав 53
лингвистика 51, 67
лингвистический 224
лингвистическая корреляция 165
лингвистическая типология 90
лингвистическая философия 65

линейное 242

логика 74

локализация 165

манифестация фонем 202

маркированный член 239

мелодика слова 231

мелодическое ударение 208

мелодия 245

меризма 66

меризматический уровень 66

место ударения 204

местоимение 256

метафора 70

методология 24

младограмматическая традиция 35

многозначность 319

многоярусная система 78

модальные слова 308

модель 38

модификация 315

монофтонги 134

морфема 64, 113, 234, 242, 250, 256, 258, 259, 269-274

морфематизм 254

морфематика 256

морфематический уровень 66

морфемика 78, 252, 254

морфемный инвентарь 254

морфемы омонимы 263

морфемы операции 263

морфемы синонимы 263

морфологическая граница 111

морфологические парадигмы 78

морфология 254, 279, 284, 285
морфофонема 276
мудрые слова 301
мягкие согласные 150, 220

надсегмент 217
надсегментный 243
напряженные 148
наращивание 282
наречие 256
натурализм 32, 253
небная гармония 221
небная занавеска 126
неглоттализированные 130
незаконченность 237
неизменяемые части речи 290
нейтрализация морфем 288
нейтрализованный 166
некорневые морфемы 265
нелабиальные 133
немаркированный член 239
неодушевленность 306
неологизмы 309
неологизмы 33
нерелевантность 246
несвободное ударение 211
несовершенный вид 272
нетерминальный 239
неусловные 41
нисходящее движение тона 239
номинация 310
норма 181
нормативная фонетика 140

носовой 126, 148
носовые 133
носовые гласные 173
нулевая морфема 116, 225, 269
нулевой признак 269
нуль морфема 117

обертон 138
обработка информации 45
объективно 45
ограниченная дистрибуция 167
огубленность 220
одномерные оппозиции 161
одноморфемные 256
означаемый 38
означающий 38
ономатопея 16, 17
онтология 24
оперативные морфемы 269
описательная фонетика 141
оппозиция 98
орфофония 98
основной тон 136
палатализованность 192
палатализованный 121
палиндром 283
парадигма 290
парадигматика 305
парадигматический 64
паронимы 300, 319
партиклы 78, 257
парцелятивные конструкции 219
пауза 245, 285

пенультым 209
передвижение фонем 87
передний ряд 133
перечислительная интонация 218
план выражения 54, 103, 122
план содержания 101
плоскощелевые 129
поверхностный 69
повторяемость 111
поговорки 29, 301
подражательные слова 17
позивистическое 64
позиционные чередования 186
полисемия 300
полисемия 300, 319
послелогои 319
пословицы 29, 301
постиктусная 239
постфиксы 267
поток речи 205
правое полушарие 21
прагматический аспект 72
пракрит 25
празык 19
предлоги 78
предложение 226, 244
предтакт 242
преиктусная 239
препиковая позиция 197, 198
пресуппозиция 256
префикс 213, 267, 315, 316
привативная оппозиция 140, 161
признак 152
проклитики 206

пропозиция 256, 313
пропорциональный 161
просодема 223
просодема 67
просодика 217
просодическая структура 217
просодические признаки 233
противопоставление 110
психологизм 32
психофонетика 123

радикасоиды 275
различие 39
различительные 109
различительные признаки 210
расширение значение 320
рационалисты 18
реализация 36
редукция 303
редундантность 82
редупликативная морфема 273
редупликация 273
релевантные 109
релевантные позиции 240
релятивная иерархия 102
релятивная форма 218
реляционные 290
реляция 256
рема 99
ретрофлексивный 130
речевая ситуация 221
речевой акт 181
речевой аппарат 124

речеобразование 126
речь 38, 40, 41, 51, 224
ритмическая группа 217, 224
родной язык 106
ряд 220

санскрит 89
свободное ударение 210
свободные морфемы 257
связанное ударение 210
сегментация речевого потока 89, 103, 156
сегментные морфемы 264
сегментный 66, 240
сегменты 206
сема 289
семантика 34
семантическая солидарность 213, 256
семантические маркеры 289
семантический аспект 72
семантическое содержание 57
семиология 67
семиотика 70
семиотичность языка 36
семья слов
сигматический аспект 72
сигнификант 37
сигнификат 37
сигнификативная функция 109
сильная позиция 109
сингармонизм 220, 223
синоним 310
синонимический ряд 318
синтагма 67, 90, 118, 244, 245

синтагматика 305
синтагматическая ось 40
синтагматические отношения 40
синтаксема 67
синтаксис 34
синтаксический аспект 72
синтаксическое значение 78
синхронная лингвистика 50
система 37, 52, 181
система фонем 160
система языка 36
системно-структурные особенности 50
системность 51
слабая позиция 109
словесное ударение 207
слово 292, 304, 307, 323, 312, 318
словоизменение 218, 256, 290
словообразование 77, 218, 256, 290, 293
словопознавательная функция 204
словоформа 256
слог 192, 193, 194, 219
слоговая граница 195
слогоносители 192
слуховой 56
смысл 237
смычка 126
смычно-взрывные 140, 293
совершенный вид 272
согласные 27, 144, 157, 194, 240, 294
соединительные морфемы 294
сонанты 140
сонорная теория 195
социальный 38
социолингвистика 92

социологизм 32
союзы 78
спектрограмма 138, 139
спинка языка 172
сравнительная степень 285
сравнительно-исторический метод 87
сравнительно-историческое языкознание 62, 92
сравнительно-сопоставительное языкознание 49, 90
среднеязычный 284
статистическая фонетика 141
строй языка 47
структура 63
структура слова 210
структурализм 95
структурный метод 89
субстанциональное 90
субстанция 39, 40, 101
субстрат 159
субъективно 45
суггестивно-риторический 226
сужение 76
сужение значение 320
суперлатив 188
суперсегментная фонология 241
суперсегментные единицы языка 202, 208
суперсегментные морфемы 264
супплетивизм 253, 307
супрасегментный 240
суффиксы 267, 290, 292, 294

твердое небо 127
твердые звуки 150
тема 99

тембр 138, 245
теоретическое языкознание 60
теория мускульного напряжения 194
теория слога 193
терминальная синтагма 239
типологический метод 89, 90
тон 234, 235, 243
тональный контур 222
тонема 244
тонема вопроса 242
транспозиция 122
трансфиксы 267, 268
трение 126
тюркский язык 271

увулярные звуки 127
ударение 203, 204, 205, 210, 213, 243, 256, 306
ударный слог 205, 207, 208, 209
улучшение значения 320
умлаут 77, 188, 268
умлаутизация 221, 268
унивалентные морфемы 275
уникальные морфемы 259
уровень 256
уровень текста 67
усиление 303
условные 41, 312
утвердительный 241
ухудшение значения 320

факультативные варианты 178, 181
фарингальный 126

феномен 23
фидеистический 14
физиологический аспект 153
физический субстрат 156
философия языка 65
флексия 77
флективные языки 207
фон 170
фонема 67, 110, 115, 150, 173, 181, 205, 234, 252, 279, 302
фонематический уровень 66
фонематичность 109
фонемное тождество 254
фонемное чередование 285
фонемный состав 181
фонемный уровень 52
фонетика 121
фонетические изменения 33
фонетические таблицы 27
фонетическое единство 244
фонологическая оппозиция 160
фонологическая система 115
фонологические корреляты 163
фонология 121, 285
фономорфология 279
фонотактика 170
форма 41
форматив 304
фрагема 301
фрагеология 300, 301
фразовая интонация 221, 237, 240
фразовое ударение 56, 204
фригийский 15
функции языка 35
функционализм 95

функциональные морфемы 257, 263
функциональный аспект 153

хаотичность 41
хеттский язык 42
хлопающие звуки 131
цельнооформленность 204

цветовыражение 122
циркумфлексы 266

части речи 78, 290, 304
части слова 271
частицы 235, 305
частичная гармония 180
частное языкознание 48, 49
частота 82, 83, 135
чередование 186, 286
чередование фонем 113, 271
числительное 256, 290, 309
число 305
член 26, 27
членение лексикона 318
членение предложения 96
членение речевого потока 111, 244
членораздельные звуки 18
члены предложения 226

шипящий звук 129
школа стойков 26
шум 83, 140, 144

щелевой глухой 284
щелевой звонкий 284
щелевые согласные 88, 146
щелкающий 131

эквиполентный 161
экспиратор 220
экспираторная теория слога 193
экспликативная функция 97
экспонент 257, 258, 261
экспонентное варьирование 292
элемент 26
эмоциональное значение 317
эмпирическая база 252
энклитика 205, 207
энтропия 81, 82
энциклопедический словарь 30
этимология 29, 311
этимон 311
этнография 30
этрусский 42

ядро слога 192
язык 15, 21, 33, 34, 41, 46, 51, 54, 56, 78, 100, 105, 126
языковая география 300
языковая единица 302
языковая система 47, 53
языковая способность 105
языковой знак 38, 71, 231
языковой материал 46, 211
языкознание 57, 79

Фахраддин Ядигяр оглу Вейсалли
ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

І часть

Studia Philologica. V

Баку – «Мутарджим» – 2011

Директор издательства – *Тельман Велиханлы*
Исполнительный директор – *Алиш Мирзаллы*
Технический редактор – *Метанет Гараханлы*

Книга сверстана и отпечатана
в издательско-полиграфическом центре «Мутарджим»

Подписано к печати 02.12.2011.
Формат: 60x84 1/16. Гарнитура: Times.
Объем: 22,5 п.л. Тираж 300. Заказ № 89.
Цена договорная

ИПЦ «Мутарджим»
Баку, ул. Расула Рзы, 125
тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

—
TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFİYA
MƏRKƏZİ

Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125
596 21 44; 497 06 25; (055) 715 63 99
e-mail: mutarjim@mail.ru

